

ХРОНИКИ НЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

САМУИЛ БАБИН

**1. Из Жизни С. Сидорова
В Стране Гудка**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Самуил Бабин

**Хроники не прошедшего времени.
Часть 1. Истории из жизни
С. Сидорова в стране Гудка**

«Автор»

2018

Бабин С.

Хроники не прошедшего времени. Часть 1. Истории из жизни С. Сидорова в стране Гудка / С. Бабин — «Автор», 2018

Несколько историй не связанных сюжетом, но связанных сегодняшним временем и именем главного героя - Сидора Сидорова, начавшего жизнь еще в прошлом веке и попавшего в сегодняшнее время. И он здесь не то, чтобы сопротивляется этому «новому миру», но наоборот, пытается приспособиться, подстроиться. И из этого получаются разные, немного ироничные истории, в которых люди, здесь живущие и атмосфера, оказываются, по большому счету, такими же как прежде. Разве, что с изменившимися лозунгами и возросшими возможностями потребления. Иллюстрация обложки выполнена автором. Содержит нецензурную брань.

© Бабин С., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Хроники не прошедшего времени.	5
Часть 1. Почти не придуманные истории из жизни Сидоров Сидоровых в стране Гудка.	5
1.Операция «Эвакуация»	5
2.Дорога на Еть.	16
3.Страна Гудка	75
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Самуил Бабин

Хроники не прошедшего времени.

Часть 1. Истории из жизни

С. Сидорова в стране Гудка

Хроники не прошедшего времени.

Часть 1. Почти не придуманные истории из жизни Сидоров Сидоровых в стране Гудка.

1.Операция «Эвакуация»

Раздался щелчок, и ломтики хлеба выскочил из тостера. Сидор, держа в одной руке чашку с кофе, второй, обжигаясь, вытащил хлеб и сел к столу. Вчера был день рождения у коллеги по работе. Отметили, не то чтобы очень, но без выпивки не обошлось и пришлось оставить машину на улице возле работы, и добираться домой на метро. Поэтому он проснулся с утра в некотором беспокойстве. В последнее время городские власти стали наводить жесткие порядки на улицах города, усиленно организовывать платные парковки и устанавливать множество запрещающих знаков. Да с таким энтузиазмом, что утром знака не было, а к вечеру уже повесили. А для борьбы с нарушителями, улицы наводнились современными зелеными эвакуаторами, оборудованных краном – манипулятором, который за считанные минуты хватал и грузил себе в кузов неправильно припаркованную машину. Сидор, отхлебнув кофе и пытаясь отогнать навязчивую мысль, не просмотрел ли он запрещающий знак там, где вчера оставил машину, щелкнул пультом телевизора, стоявшего на кухне. На экране вспыхнуло бодрое лицо диктора: «А теперь только, что поступившая хорошая новость из Челябинской области, – сказал он, сделав серьезное лицо, – Сегодня утром с территории области наконец-то улетел метеорит» – лицо диктора засияло, выражая восторг по поводу случившегося: «Поздравляю жителей Челябинска с этим радостным событием. А теперь реклама», – диктор исчез с экрана.

– Бред, какой-то, – беззлобно подумал Сидор и выключил телевизор. Он уже перестал обращать внимание на потоки нелепой информации, выдаваемые в последнее время телеканалами с целью формирования у зрителей положительного образа страны. Беспокойство по поводу оставленной машины не проходило. И он, быстро собравшись, выскочил на улицу и побежал в направлении к метро. По дороге ему часто попадались зеленые однорукие бандиты-эвакуаторы, шмыгающие по близлежащим к метро улицам в поисках неправильно припаркованных жертв. «Машину теперь ближе полтора, два километра от входа в метро не поставить» – прикинул в уме Сидор – «Прямо боевые действия с применением тяжелой техники начались. До полного уничтожения автовладельцев» – все больше и больше накалялся Сидор, и чуть не угодил под колеса эвакуатора, затаскивающего себе на спину очередную жертву не правильной парковки. «Но ведь, тут же вчера можно еще было пароваться», – застонал он про себя и нырнул в подземелье метро. Но и там не наступило успокоение. Спускаясь по эскалатору, из динамика все время раздавался монотонный голос, предупреждая об опасностях, которыми подвержены пассажир метро и призывал быть бдительными по отношению к подозрительным и неадекватным личностям. «Да тут все мы подозрительные. Как определишь? Хватай любого

и тащи в полицию», – съзвонил Сидор. И только уже в вагоне метро он смог немного забыть, достав из рюкзака книжку и углубившись в чтение. Дальше все развивалось по сложившейся схеме. Зачитавшись и чуть не проехав свою станцию, Сидор выскочил на перрон и, понимая, что опаздывает на работу, помчался бегом вверх по эскалатору, забыв про свою машину и пытаясь составить в уме хоть какой-то план по работе. Влетев в офис, включив компьютер, быстро просмотрев почту. И... дальше началась выматывающая рабочая гонка: проверка договоров; встреча с клиентами; вызов к начальству и выслушивание нареканий за задержку, и срыв сроков; составление отчетов. Вместо обеда, чашка кофе и опять – договора, клиенты, нудное начальство, и только к концу рабочего дня заглянул товарищ, у которого вчера отмечали день рождения, и спросил: «Привет, Сидор, а где ты машину вчера свою оставил?»

– Машину? Блеть, я же совсем про нее забыл. Там в сквере, за углом. Где все были припаркованы. А, что?

– Да, вроде, я с утра проходил, ни одной машины там не стояло, – неуверенно произнес товарищ.

– Как, не стояло! – Сидор вылетел из-за стола. – Что же ты мне сразу ничего не сказал, – судорожно ища по карманам ключи зажигания, заорал Сидор.

– Я думал, ты ее отогнал во дворы, – растерялся товарищ.

– Думал, он, – найдя ключи, Сидор бросился к двери и помчался к лифту.

– Как же так. Как же я мог забыть. Ну, что ты так медленно ползешь, – Сидор застучал кулаком по стене лифта и тот неожиданно остановился.

– Ну, вот кажется, застрял. Что же это за день сегодня такой, – взвыл Сидор, тыкая на кнопки управления, но безрезультатно. Лифт стоял неподвижно на верхних этажах высотного офисного здания в центре Москвы.

Лифт отремонтировали часа через два. За это время Сидор испытал, все от бешенства и гнева, до апатии и полного безразличия к происходящему. А уже после освобождения, даже кайф, когда наконец-то забежал в туалет и пописал. Но облегчение длилось не долго, пока Сидор не вышел в сквер, где вчера оставил свой припаркованный автомобиль. Обочины дороги с обеих сторон были пусты и вдоль них тянулись, как Чупа-чупса, новенькие дорожные знаки – «остановка запрещена». А наверху, над дорогой, ветром раскачивало перетяжку с надписью: «Дорогие друзья, поздравляем Вас с очередной пешеходной улицей нашего города!»

– Суки! – взвыл Сидор, хватая и кидая в перетяжку куски земли из придорожной клумбы. Но напряженный рабочий день, переживания, заточения в лифте, дали знать и минут через пять он опустился в изнеможении на бордюрный камень, обхватив голову руками. За всеми этими действиями Сидора наблюдал пожилой бомж, лежащий на лавке в сквере, не далеко от дороги. А когда Сидор затих сидя на бордюре, бомж подошел к нему и потряс за плечо: «Ты чего, парень?». Сидор приподнял голову, – Да вот, машину эвакуировали.

– Так это еще вчера было, здесь много машин вывезли. Ты не первый такой, – закуривая сигарету, сказал бомж.

– Спасибо, утешил. Знаков то здесь вчера не было с утра. Вот я и поставил. Что я нарушил? – начал заводиться Сидор

– Чего ты мне доказываешь? Я, что мент? С утра не было. А в обед приехала бригада и понаставила. У нас так всегда делается, – констатировал бомж.

– Извини, – махнул рукой Сидор, – И что мне делать? Где машину искать?

– На штрафстоянке, где еще. Тебе повезло. Здесь недалеко, под окружным мостом. Там они обмен заложников проводят, – махнул рукой бомж.

– Какой еще обмен, – непонимающе переспросил Сидор.

– Самой настоящей. Плати деньги забирай машину. Нет, значит, прощай.

– Есть у меня деньги. Только куда идти, – похлопав по карманам, сказал Сидор поднимаясь с бордюра.

– Ладно, пойдем, покажу, – бомж развернулся и пошел в кусты, – Давай, не отставай, у меня времени мало. – Сидор бросился следом.

– А я тебя запомнил парень, – оглянувшись, сказал, бомж. – Ты всегда у метро бомжам мелочь бросаешь. От грехов откупиться хочешь, что ли?

– При чем здесь грехи? Меня бабушка в детстве приучила подавать, когда бедные просят на улице. Хоть копеечку.

– Хорошее воспитание нынче редкость. Повезло тебе с бабушкой. Теперь люди хоть и богаче стали, но воспитания, никакого. Сами то каждый день пьют, в смысле едят, а с другими поделить и не подумают. Редко теперь кто подает, – продолжал бомж, пробираясь какими-то задворками промзоны. Сидор шел, следом, молча, стараясь обходить, не запачкавшись кучи битого кирпича и торчащую арматуру.

– Все, пришли, – бомж остановился перед серым бетоны забором, – Там они машины ваши, ждут приговора. Можешь залезть, посмотреть.

Сидор, подпрыгнул, ухватился руками за край и вылез наверх все-таки, испачкав брюки. Но тут же забыв про них, от увиденной картины. Громадный пустырь был заставлен множеством авто, а в ворота продолжали въезжать эвакуаторы с новыми жертвами. Свободного места почти не оставалось и для расширения штрафстоянки в нескольких местах работали автокраны, переставляя секции забора. Снаружи, перед воротами толпился народ, сдерживаемые цепью охранников.

– Надо туда идти, – сказал Сидор, указывая в сторону толпы, – Там, должно быть, выдают машины.

Он спрыгнул с забора и зашагал к въезду на штрафстоянку. Бомж, не торопясь пошел следом. У ворот, похоже, начинали закипать страсти. Люди из толпы что-то раздраженно кричали. В ответ охранник с мегафоном предлагал успокоиться и разойтись.

– Что здесь происходит, – спросил Сидор у стоящего в стороне мужчины.

– Машины не выдают. Нужно сначала оплатить за нарушение и эвакуацию. А оплатить негде, банки закрыты, поздно, терминалов здесь тоже нет. А завтра дополнительно платить придется за ночь парковки. Еще три тысячи. Обнаглели, совсем! – В это время толпа пошла на прорыв оцепление, но охранники, размахивая над головами дубинками, быстро отогнали людей назад. Сидор, недолго думая, выскочил вперед и заорал на охранников:

– А ну, прекратите беспредел. – Те от неожиданности остановились. – Кто здесь главный, – Сидор своим напором явно переломил ситуации. К нему из-за спин охранников вышел начальник, с мегафон, – Чего надо?

– Я требую, немедленно освободить наши машины и выдать квитанции. А мы завтра все оплатим, когда откроются банки, – ответил Сидор, в наступившей тишине. – Если наши условия не будут выполнены, мы сами заберем машины.

– А ты кто такой? – спросил высокий и сплюнул Сидору под ноги.

– Я, обычный человек, – мирно ответил Сидор.

– Нет, ты не человек. Ты обычный нарушитель закона. И поэтому тебя ждет неотвратимое возмездие, – начальник размахнулся и ударил Сидора по лбу дубинкой. . .

– Ну и чего ты полез туда, – услышал Сидор, открывая глаза. Над ним склонился бомж, вытирая ему лицо чем-то мокрым.

– Где я, – Сидор приподнялся. Вокруг было темно и только иногда свет фар от проезжающих машин освещал пространство.

– В сквере. Ели дотащил сюда. Хорошо он тебя приложил, – ответил бомж и отжал на голову Сидора остатки воды из тряпки.

– Я это так им не оставлю, – простонал Сидор.

– А, что ты сделаешь? У них власть, закон, – бомж закурил.

– Мы восстанем, – выдавил Сидор.

–Против кого вы восстанете, и кто это мы, – с интересом переспросил бомж.

– Против эвакуаторов этих. Знаешь нас, сколько таких стало теперь? Полгорода наберется. Только свистни через интернет, все сбегутся – с вдохновением продолжил Сидор. – Чего не веришь?

– Насчет интернета я не специалист, а вот одного человечка, который смог бы тебе помочь знаю. Вот с ним бы у вас точно получилось. И ему бы понравилось твоя идея.

– Какая идея, – не понял Сидор.

– Ну, про восстание против эвакуаторов. Да и ты сам вроде парень не робкий. Так хочешь бороться или просто треп?

– Хочу, – твердо ответил Сидор.

–Тогда вставай, пошли, – бомж шелчком отбросил окурочок.

–Куда? – спросил Сидор, поднимаясь на ноги.

– Познакомлю тебя с этим человечком. Ты ему должен подойти, он давно такого ищет, – и бомж направился в кусты. Сидор, начав, было отряхивать брюки, потом махнул рукой и побежал следом за бомжем.

Они долго шли какими-то полутемными дворами и проулками, перелезая через железнодорожные насыпи, потом спустились в подземный коллектор, и еще долго брели по щиколотку в воде, пока вдруг бомж не остановился и повернулся к Сидору: «Передохнуть надо. Слушай друг, купи мне бутылку пива».

– Где я тебе его здесь куплю, – Сидор, прислонился к мокрой стене.

–Там наверху ларек есть, – бомж показал пальцем в потолок и вдруг неожиданно исчез. Сидор, шатаясь, добрал до места, где стоял недавно бомж, нащупал стальные холодные скобы, торчащие из стены, и полез наверх с одной мыслью, выйти на улицу, поймать такси и уехать домой.

Наверху, открылось, уже ночное небо. Недалеко от Сидора, торчал фонарный столб с тускло горевшей лампочкой, и в темноту уходила серая улица, заросшая какими-то черными деревьями.

– Ты чего там застрял? – раздался сзади голос бомжа. Сидор оглянулся. Чуть в стороне, почти в кустах стоял облезший ларек, с ярко освещенной стеклянной витриной, заставленной пивными бутылками, которые сейчас внимательно изучал бомж.

– Вот. Купи мне «Жигулевского». Я к нему с детства привык, – сказал бомж и ткнул пальцем в витрину. Сидор вылез из люка, достал из кармана смятую купюру и протянул бомжу: «Покупай, что хочешь. Сдачи не надо, – и он, развернувшись, пошел в темноту улицы»

– Эй, парень, ты куда? – крикнул вслед бомж.

– Домой, – Сидор остановился и посмотрел на бомжа.

– А как же восстания против эвакуаторов? Ты же сам хотел.

–Я думаю, ты все это придумал, чтобы я тебе пива купил. Мог бы сразу попросить. Я бы не отказал.

– Ничего я не придумал. Мы уже почти пришли. Сейчас пиво выпью и тут вниз спуститься осталось, и мы на месте – и он сунул в окошко ларька деньги, вытащил обратно бутылку пива, – О холодненькое, – и, опрокинув в рот бутылку, выпил содержимое одним глотком. – Хорошо, то как. Парень, может тоже пиво? – Сидор стоял, молча, разглядывая кусты у дороги.

– Ну, тогда пошли, – бомж, открыл дверь в ларек. – Давай, заходи.

– Куда заходить? – Сидор сделал несколько шагов к ларьку и остановился.

– Давай. Давай, не бойся, это типа лифта. Больше ходить не будем. Теперь поедем.

Сидор зашел внутрь ларька, который был весь заставлен коробками с бутылками.

– Нажми сзади кнопки. Нам минус четырнадцатый, – бомж указывал пальцем на стену за спиной Сидора. Сидор повернулся, в стене были вмонтированы две ярко красные кнопки, с цифрами напротив, -14 и + 328.

– На минус четырнадцать, – еще раз повторил бомж. Сидор нажал кнопку напротив -14. Ларек вдруг затрясся мелкой дрожью. Бутылки в ящиках и на витрине хрустально зазвенели, и они вместе с ларьком ускоряясь, стали проваливаться вниз. Через пару минут, раздался толчок и ларек остановился.

– Все, приехали, – сказал бомж и отворил перед Сидором дверь ларька. – Выходи не бойся, мы в самом безопасном месте этого города.

Сидор вышел наружу в освещенное полуматовыми плафонами помещение. Стены помещения, до половины были отделаны панелями из каких-то редких сортов древесины, а выше, затянуты старинными гобеленами, с изображением сюжетов из рыцарской охоты. Сзади раздался звук закрывающихся дверей. Сидор оглянулся, киоск быстро уходил обратно вверх, и дверной проем закрылся автоматическими жалюзи.

– Ты, посиди здесь немного, – бомж указал на два стула стоявших у стены, – А, я пойду, договорюсь с хозяином, – и он, открыв незаметную дверь в углу помещения, скрылся за ней. Сидор, оглядевшись по сторонам, не найдя ничего интересного сел осторожно на стул. – Водички бы сейчас выпить, – прошептал он и откашлялся. Тут же в стене открылась другая скрытая дверь, и из нее вышел человек во фраке официанта с подносом, на котором стоял хрустальный графин и стакан. Человек подошел, поставил поднос на небольшой журнальный столик и налил в стакан белой жидкости из графина.

– Что-то еще желаете? – человек согнулся в легком поклоне.

– Чего? – Сидор с некоторым испугом посмотрел на официанта.

– Может, вина, фруктов, сигару, – человек еще ниже нагнулся в поклоне.

– Нет, я сыт, спасибо, – замотал головой Сидор. Официант распрямился и исчез из помещения. Сидор осторожно взял бокал и сделал глоток. Тут же в помещении тихо зазвучала плавная, струнная музыка: «Должно быть, арфа» – подумал Сидор и выпил залпом стакан до дна. По его телу пробежала какая-то успокаивающая волна, глаза непроизвольно закрылись и Сидор медленно стал погружаться в сон.

– Ты, чего уснул? – бомж тряс за плечо уснувшего Сидора. Сидор открыл глаза. – Вставай, пошли. – Бомж открыл в стене еще одну невидимую дверь. Сидор встал, ощущая во всем теле легкость и ясность в голове, шагнул в открытую дверь.

За дверью располагалась большая комната, почти зал. Стены, которой были задрапированы красным бархатом. Посередине стоял канцелярский стол под зеленым сукном и возвышалось большое золоченое кресло, наподобие трона.

– Это он и есть? – раздался тихий уверенный голос откуда-то сзади. Сидор оглянулся. Лицом к стене стоял среднего роста, лысоватый человек в длинном красном кимоно расшитым золотыми иероглифами. Человек повернулся, и... Сидором увидел лицо человека, не сходившее с новостных передач ТВ и с первых страниц газет, и журналов. Это был он, самый главный в стране, в которой Сидор родился и прожил всю свою неяркую жизнь.

– Рад знакомству, – сказал главный, продолжая внимательно смотреть Сидору в глаза.

– Здравствуйте, – выдавил Сидор.

– Мне Пантелеймон, рассказал суть твоей идеи и мне понравилась.

– Кто рассказал, – переспросил Сидор.

– «Пантелеймон. Мой давнишний школьный друг. Это единственный человек в этом мире, которому я полностью доверяю. Впрочем, как и в том, тоже», – сказал это главный негромко, словно кашляя рассмеялся собственной шутке. – Только вот работать со мной не хочет. Сколько лет прошу, а он ни в какую. Зато бомжует.

– Мне там лучше, Толик. Не люблю я вашу политику и бизнес. Там на улице я полностью свободный человек, а вы все здесь рабы своих желаний.

– Знаю, знаю я эту твою теорию, – раздраженно махнул рукой Толик.

– Что я разве не прав, – спросил Пантелеймон.

– Прав, прав, конечно, прав. Мы все идиоты, один ты умный. Все, давай перейдем к делу. Итак, молодой человек, вы готовы взяться за осуществление этой идеи?

–А-а-а, что за идея, напомните, – напрягая память, выдавил Сидор.

–О восстании против эвакуаторов, – лицо Толика вмиг стало жестким. Он, подошел к столу, сел в кресло и вытянув перед собой руки с крепко сжатыми кулаками.

– Я знаю, восстание рано или поздно должно случиться. И здесь инициативу надо вовремя взять на себя. Поэтому я поддерживаю твое восстание, – напирая на слово «твое», сказал Толик и пристально посмотрел на Сидора.

– А почему именно мое, – Сидор потихоньку начинал соображать.

– Потому, что все другие варианты восстаний, приведут к уничтожению меня лично и ничего хорошевшего никому не принесут. Поверь, я не только за себя здесь переживаю, но и за страну тоже. Может за страну даже в первую очередь. Вот смотри, – Толик достал откуда-то из-под стола фотографии каких-то людей и бросил их на сукно. «Узнаешь?» Сидор приблизился и стал рассматривать лежащие на столе фото.

– Этот, – Толик взял фото молодого худощавого человека, – Радикальный левый лидер. Чем раньше закончилось их восстания, мы с тобой хорошо знаем. Семьдесят лет мучились потом. – Этот, – Толик поднял фото коротко стриженного парня с переломанным носом, – один из вождей националистов. Ты сам не еврей случайно? – Толик бросил фотографию на пол.

– Совсем немного. Там, у мамы кто-то был когда-то евреем, но давно – честно признался Сидор.

– Этого им достаточно, чтобы упечь тебя далеко и на долго. Так, что эти ребята нам не подходят. Вот еще есть, но это олигархи, – Толик вытащил из кучи несколько фото. – Они за деньги смогут, конечно, набрать и вооружить головорезов. Но у власти долго не продержаться. Народ их не любит. Остальные здесь, так мелочь одна: зеленые, анархисты, защитники животных, – Толик взял оставшиеся фотографии и бросил их вверх через себя. – А у тебя свежая идея и народ за ней пойдет. Знаю, много обиженных сейчас появилось, из-за этой несвоевременной затеи мэра, с платными парковками. И больше всего их здесь, в столице. А все восстания у нас, как известно в столицах-то и начинаются. Так, что... Тебя, Сидор кажется, зовут? – Сидор утвердительно что-то промычал в ответ. – Так вот Сидор, мы с тобой такое правильное восстание организуем, всем понравится. С минимум жертв и разрушений. Отловим и уничтожим все эвакуаторы, схватим и предадим суду водителей, организаторов, сочувствующих. Посадим городскую верхушку. Я уже дал распоряжение, мои аналитики сейчас подготовят план восстания. Минут через десять, представят, посмотрим в деталях. Так, что Сидор страна тебя воспитала, выкормила, наступило время отдавать долги. – Толик встал из-за стола и протянул вперед руку. Сидор, потянулся на встречу, – Скажите, господин... – Толик, зови меня просто Толик. Тебе и Пантелеймону разрешаю, – улыбнулся Толик, крепко сжав ладонь Сидора, своей маленькой, но как оказалось железной рукой. – Ой, – простонал от боли Сидор. – Есть, какие вопросы, – сказал Толик, отпуская руку Сидора.

– Есть. У вас же своих много – министров, помощников, депутатов, почему вы из них никого не выберете? Поумнее ведь меня будут.

– Да знал бы ты, какие они на самом деле. Их же только деньги и должности интересуют. Им власть нужна вечная, не сменяемая, чтобы им при этой власти кормится постоянно. Им на страну и народ насрать с Эйфелевой башни, – лицо Толика скривилось в брезгливой гримасе.

– Почему, с Эйфелевой? – не понял Сидор.

– Да им с любой насрать. Это я так для образа вставил. Нет, Сидор, там никого нормальных. Преданные да, есть. Услужливых дураков очень много. Но способных повести народ на справедливое восстание, нет никого. Теперь, ты мой выбор. Больше эту тему не обсуждаем. – Толик, сел в кресло. Нажал какую-то невидимую кнопку и произнес куда-то вниз под стол. – Что там у вас. План восстания готов?

– Нет пока. Дорабатывают детали, минут пятнадцать просят еще, – ответил растерянный голос откуда-то из динамиков, – К вам пресс-секретарь со срочной информацией хотел зайти, – закончил голос.

– Впустите, – Толик поднял голову. – А ты Сидор поближе ко мне стань. Пусть привыкают к твоему положению в стране. – Сидор обошел стол и стал за спиной у Толика.

– Пантелеймон, может, присоединишься к новой власти, – прищурился Толик

– Нет, меня мое положение устраивает полностью, – ответил Пантелеймон, отойдя и ложась на пол, в темном углу кабинета, прикрывая глаза рукою.

Что-то скрипнуло и в кабинете, как мираж возник человек похожий на аквариумного сомика. У него под носом шевелились редкие песочного цвета усы. Такие же редкие волосики – усики, только длиннее торчали на лбу. И две черные бусинки глаз все время бегали по его плоскому незапоминающемуся лицу.

– Чего хотел? – не глядя на него, спросил Толик.

– Там это, накладка вышла с метеоритом? – сказал сомик и тяжело вздохнул.

– С каким метеоритом? – раздраженно переспросил Толик.

– С Челябинским, – грустно выдавил сомик – Сегодня в новостях дали информацию, что он улетел от нас. А они вместо восторга наоборот, расстроились и все пишут, пишу и негодуют.

– Кто они, – недоуменно произнес Толик.

– Челябинцы, – возмутился сомик.

– А зачем он у вас улетел? – недоуменно спросил Толик

– Не у нас. Это генеральный директор первого канала решил таким образом взбодрить людей. И его другие тут же поддержали, в смысле телеканалы. А народ не поддержал.

– Дурак! – выпалил Толик.

– Кто? – глаза сомика куда-то исчезли с лица

– Все! Раз придумываете информацию, так делайте ее хоть чуть-чуть правдоподобней. Вот видишь Сидор, каких работничков держим? На эти телеканалы денег из бюджета тратим, больше чем америкосы на Голливуд с конгрессом. Ты это Сидор, когда победишь эвакуаторов, гони их всех оттуда поганой метлой с телевидения. Никого не жалея.

– Сделаю Толик, не сомневайся – неожиданно высокомерно ответил Сидор и даже Пантелеймон с удивлением посмотрел на него, приподнял голову, а сомик с пониманием закивал в ответ головой.

– Так, а сейчас что делать то с метеоритом? Куда его, – возвращая глаза на лицо, спросил сомик.

– Пусть вернут, где взяли, – отрывисто бросил Толик.

– Понял, – ответил сомик и тут же испарился в воздухе.

– Видишь теперь, какие помощники? Совсем головой думать перестали. Приказов только ждут. Да и народ не подарок я тебе хочу сказать, всякой херне, что по телеку показывают верить готов. С одной стороны, хорошо, что такие доверчивые, но не до полного идиотизма доводить себя. Так, что с народ ты Сидор намаешься еще. Не лучший народ нам с тобой достался. Прямо скажу.

– Ваше величество. Сценарий восстания готов. Можем показать в 3-D изображении, – раздался из динамиков любезный голос диктора.

– Показывайте, – Толик повернулся в кресле к боковой стене, на которой высветился огромный светодиодный экран, – Сидор на, надень, в объеме будем смотреть, – и протянул Сидору специальные очки. – Пантелеймон, иди, посмотришь, что со страной будет.

– Не, я здесь полежу, послушаю, – ответил тот и повернулся на бок, спинка к экрану.

– Операция Эвакуация, – торжественно произнес голос диктора, – Действие разворачивается в столице нашей страны. В август две тысячи сегодняшнего года.

На экране появилась картинка ржавых ворот въезда на штрафстоянку, через которые сплошным потоком шли новенькие зеленые эвакуаторы груженные задержанными автомобилями. Чуть в отдалении, собралась огромная толпа народа с лозунгами и транспарантами от либеральных – остановите беспредел; оставьте в покое наш город, до радикальных – смерть эвакуаторам, власть автомобилистам. Через какое-то время в толпе началось волнение и люди двинулась к воротам, с криками, – Позор. Бей гадов. Навстречу им бросились с дубинками охранники в черном. Завязалось небольшое столкновение, закончившееся бегством охранников. Толпа разразилась радостными возгласами, но тут со стороны начали подъезжать полицейские автобусы, из которых высыпали омоновцы со щитами и выстраивались в боевую цепь между воротами и народом. Раздалась команда полицейского начальника, и омоновцы, стуча дубинками по щитам, медленно пошли на толпу. Народ попятился назад, и вдруг между народом и оцеплением возникла фигура Сидора.

– Это, что я? – указывая на экран, спросил Сидор. Картинка тут же остановилась.

– Как видишь. Мы же договорились, ты возглавишь восстание. Ты не бойся там, кто надо будут предупреждены.

– Кто предупрежден, – с беспокойством переспросил Сидор.

– Начальники полицейские, служба охраны, все короче. Давай смотреть дальше, – Толик махнул рукой, кино продолжилось.

Сидор ходил вдоль щитов оцепления, и что-то с энтузиазмом говорил Омоновцам. Через какое-то время Омоновцы начали бросать щиты и дубинки, и радостно размахивая руками стали перебегать на сторону народа. Когда последний Омоновец перешел к протестующим, толпа радостно закричав: «Полиция с народом» и пошла на штурм штрафстоянки. В тот же миг ворота распахнулись и оттуда навстречу толпе помчались сотни, если не тысячи эвакуаторы. Они разъезжались в панике в разные стороны, иногда врезаясь в толпу. Некоторых удавалось задержать. И люди, вооружившись битами и кусками труб, молотили по стеклам и кузовам ненавистных машин.

– Может не надо так жестоко, – умоляюще спросил Сидор.

– Надо. Без насилия не обойдешься. Пропадут накал восстания и вся затея впустую. Пусть лучше сейчас выплеснут гнев, а то потом не остановишь. Понял, – и Толик успокаивающе похлопал Сидора по коленке.

– Понял, – тяжело вздохнул Сидор и кино продолжилось. Вокруг по сторонам виднелись остовы разбитых, искореженных машин и только не большей части эвакуаторов удалось прорваться и уехать. Вокруг поверженных монстров стал собираться народ. И тут Сидор влез на крышу, одного из подбитых эвакуаторов и начал что-то вдохновенно говорить, размахивая кулаком. Толпа одобрительно загудела и подхватив на руки машину со стоящим Сидором, с возгласами, – Долой мэра и его шайку, – побежала и скрылась с экрана.

– Это все? – придвигаясь ближе к Толику, с надеждой произнес Сидор.

– Это только начало. Сейчас вторая и третья серия еще будут, – не отрывая взгляд с экрана, ответил Толик.

На экране снова возникла картинка. На этот раз события разворачивались вокруг здания столичной мэрии, окружённого многотысячной толпой восставшего народа. Из окон здания иногда вылетали предметы интерьера, мебель и падали, на вымощенные плиткой тротуарные дорожки.

– Кто это? – Сидор судорожно сглотнул, указывая пальцем на прыгающего из окна человека с искаженным от страха лицом, крупно взятым камерой оператора.

– Какой-нибудь чиновники, пытается уйти от народного возмездия. Ты их не жалеешь, заслужили. Раньше надо было думать о последствиях. Так, мэра, мэра мне покажите, – с нетерпением скомандовал Толик.

На экране появилось испуганное лицо мэра, смотрящего со страхом из окна, на толпу внизу. В это время в дверь кабинета начали ломиться и стали доноситься крики: «Открой дверь, предатель». Мэр, трясась всем телом, подошел к столу, выдвинул ящик, достал маленький пистолетик и поднес к виску.

– Может не надо, он вроде ничего мужик, не плохой, кажется. – Сидор тронул Толика за руку.

– Не плохой? А кто эвакуаторы эти в город ввел? Нет, кто-то обязательно должен за все ответить. Не, я же? Пусть выстрелит в рот, так надежнее, – скомандовал Толик. Мэр убрал пистолет от виска, засунул дуло в рот.

– Ну, я вас очень прошу, не стреляйте, – Сидор умоляюще протянул к Толику руки.

– Эх, добрый ты Сидор. Ладно, пусть живет, – махнул рукой Толик и вместо выстрела, Мэра вырвало на стол. Все, хватай. Переходим к третьей серии, – приказал Толик.

На экране появилось изображение Толика, в темном классическом костюме с наручными часами, одетыми на обеих руках.

– Это я. Сейчас зачитаю обращение к народу, с поддержкой законного восстания и отправлю правительство в отставку, – прокомментировал Толик, явно любясь своим изображением. Экранный Толик, проговорив минут десять, отошел и сел к столу под полосатым флагом и гербом с птицами. Дверь кабинета распахнули два солдата – гусара и вошел Сидор, в рубашке с короткими рукавами, без галстука. Он прошел к столу. Навстречу ему приподнялся улыбающийся Толик. Они протянули друг другу руки и застыли в рукопожатии с натянутыми белозубыми улыбками.

– Все, – сказал Толик, отворачиваясь от экрана, который тут же погас.

– Что все? – не понял Сидор.

– Я назначаю тебя премьер-министром. Месяца три поработаешь, разгребешь немного после этих. С Европой, с Америкой отношения восстановишь, привыкнешь и потом сам потихоньку начнешь. А на Новый год, я уже передам тебе и президентские полномочия. И дальше уже делай, что хочешь.

– А вы куда? – спросил Сидор, как будто все остальное ему было понятно.

– А я, на пенсию. Я себе уже островок в Тихом океане присмотрел со всеми удобствами. Скоро ремонт закончат. Так, что буду рыбачить там и грызть кокос, – с улыбкой откидываясь в кресле, ответил Толик.

– А с остальными, что делать? С министрами, с депутатами, с главами районов. Они же тоже как эвакуаторы эти стали. Их куда?

– Министров парочку и часть местных руководителей, осудим и посадим. Должен же народ душу отвести на ком-то. А остальных всех в самолет и в Европу отправим. Пусть тоже поживут по-человечески. Тем более деньги у всех есть. Работать не надо, – задумчиво, ответил Толик.

– Так их не пустят же в Европу. Против них там санкции ввели, после оккупации вашими человечками пляжей в Другороссии, – удивился Сидор.

– А мы их в женское платье переоденем и оформим трансвеститами. Попробуют только не пустить, их самих тогда в отставку отправят. Там права меньшинств на первом месте, – назидательно поднял палец вверх, с уважением произнес Толик.

– А силовиков тоже в женское переоденем, – проникаться событиями, спросил Сидор.

– Нет. Эти вряд ли согласятся. Этим мы или в Северную Дурю, или куда-нибудь в Африку вывезем. Остались еще там несколько неадекватных режимов. Как раз для наших условия подходящие. И без работы не останутся, – закончил Толик про судьбу соратников.

– А с депутатами, что делать будете? – приподнялся с пола Пантелеймон. – На прошлой недели, слышали, они закон приняли запрещающий пукать на улице. И где нам бомжам теперь пукать прикажете? Они кроме запретов больше уже никаких других законов не принимают. От них надо в первую очередь избавляться.

– Тем же оружием их и накроем. Я вынесу закон о запрете Госдумы. Они как всегда проголосуют с одобрением. И все. Через неделю про них все забудут. Ну что, думаю у нас все теперь должно получиться, – закончил Толик, вставая из кресла, разминая по-борцовски плечевые суставы, – Что Сидор, поработаем на благо страны и народа, – сказал Толик притягивая Сидора за плечи к себе.

– Поработаем, – скромно ответил Сидор.

– Итак, операцию по спасению страны от всего что назрело, под кодовым названием Эвакуация, приказываю начать завтра с утра, – по-военному четко скомандовал Толик. – Вопросы есть? Вопросов нет, – и он, прижал Сидора к груди. Постояв так некоторое время, Толик сделал шаг назад.

– Все Пантелеймон, уходите, – вдруг всхлипнул Толик, отвернувшись, закрывая лицо руками.

– Пошли, парень. Он у нас сентиментальный. Пусть немного поплачет. – Сказал Пантелеймон, подталкивая Сидора к открывшейся в стене двери.

Они вышли и очутились в приемной со старинными гобеленами. Там прижавшись к стене плотно стояли около двух десятков женщин в старомодных платьях, пребывающих явно в растерянном состоянии.

– Здравствуйте. Добрый вечер. Здравствуйте, – вдруг наперебой они начали здороваться с Сидором, улыбаясь заискивающе и кланяясь. Сидор рассеяно взглянул на одну из дам и с удивлением узнал в ней припухлое как у купидона лицо премьер министра, – Так это же не женщины, – Сидор остановился, указывая пальцем на министра-купидона.

– Пошли, пошли, – Пантелеймон, подтолкнув его в направлении к открывшейся двери лифта – Толя человек дела. Раз сказал, трансвеститы, значит так и будет. Все поехали, – и он нажал красную кнопку с цифрой «0».

Поднявшись наверх, они опять очутились на ночной улице, возле облезшего торгового ларька.

– Ну, чего по пивку? – потирая руки, спросил Пантелеймон, подходя к стеклянной витрине. Сидор достал из кармана и протянул ему помятую сотенную купюру.

– Тебе взять? – беря бумажку и передавая ее в окошко ларька, спросил Пантелеймон.

– Бери, – махнул головой Сидор.

– Два, Жигулевских, – делая ударение на Жигулевских, в окошко сказал Пантелеймон. Оттуда в ответ появились две руки с пивными бутылками. – Только возле ларька не пейте. Сейчас закон новый запрещает. В кусты идите, – раздался из чрева ларька грубый женский голос.

– Ничего, ничего. Скоро мы эти ваши законы по отменяем, – забирая бутылки, радостно произнес Пантелеймон, отходя от ларька. – В кусты, мы не пойдем, там все зассано алкашами. Давай ка лучше залезем вон на забор, там чисто и обдувает ветерком, – и он придвинул пустой ящик к серому бетонному забору за ларьком.

Усевшись сверху на забор, Пантелеймон зубами по очереди открыл пивные бутылки и протянул одну Сидору, – Ну, парень, давай за хорошую, справедливую жизнь, которая скоро наступит, – и, чокнувшись, он как в прошлый раз осушил бутылку одним глотком.

– Ты чего, не умеешь из горла что ли? – насмешливо спросил Пантелеймон. Сидор, молча, опрокинул бутылку в рот и так же ловко, одним глотком влил в себя содержимое.

– Могешь, – с уважением прокомментировал Пантелеймон.

– А как отсюда до метро добраться? – спросил Сидор, крутя в руках, пустую бутылку.

– А там внизу, за забором дорога, она как раз туда и приведет, – махнул рукой в темноту Пантелеймон. Сидор, перегнувшись, посмотрел вниз. Там была сплошная бесконечная темнота. – Ты, прыгай не бойся, там мягко, – раздался откуда-то сверху голос Пантелеймона. Сидор, отпустил руку, держащуюся за край забора и оттолкнувшись прыгнул вниз.

Он летел и летел, а земли все не было и не было. Вокруг иногда проносились яркие желтые огни похожие на свет от встречных поездов и редкие освещенные окна домов, через которые были видны жильцы, сидящие на диванах и смотрящие телевизор или выпивающие в одиночестве, на кухнях своих малогабаритных квартир. Через какое-то время исчезли и огни, и окна. А Сидор все продолжал лететь в полной темноте, обдуваемый ласковым теплым ветром. Он закрыл глаза и ему показалось, что он стал растворяться в ночном пространстве. Как вдруг откуда-то сверху раздался долгий и противный дребезжащий звук. Сидор открыл глаза. Серый утренний свет заполнял пространство его однокомнатной квартиры. Он лежал, на диване в одних трусах. Рядом, на тумбочке звенел будильник, стрелки которого показывали семь часов. Сидор прижал рукой кнопку будильника и тот стих. Полежав немного с открытыми глазами, он приподнялся, сел, спустив ноги на пол, и огляделся по сторонам. На полу валялись скомканные брюки. Сидор встал, поднял брюки. Они были испачканы в какой-то цементной пыли. Сидор выбросил их в коридор, подошел к окну и посмотрел вниз, где обычно вдоль дороги стояли машины жильцов его дома. На удивление двор был пуст. Ни одной припаркованной машины. И только в конце улицы мелькнул аварийный желтый маячок на крыше зеленого эвакуатора, утаскивающего за угол серый Пежо соседа сверху. Сидор протер глаза. Эвакуатор исчез.

– Ничего не понимаю, что все это значит? – он потряс головой и пошел в ванную. Открыв на полную кран холодной воды, Сидор сунул под струю голову и, отфыркиваясь, простоял так некоторое время. Выключив воду, выпрямился и посмотрел на свое отражение в зеркало. Вид был не очень.

– Похоже, мы вчера хорошо посидели, а потом мне все это приснилось, – как-то с сожалением произнес Сидор и вышел из ванной на кухню и замер в изумлении. На столе стояла пустая бутылка от Жигулевского пива. Сидор никогда не пил Жигулевского, даже с похмелья, он предпочитал хорошие импортные сорта.

– Как она здесь очутилась? – Сидор подошел, взял бутылку, понюхал. Из нее потянуло хмельным пивным ароматом.

– Так может это и не сон во все. «Откуда тогда здесь взялось Жигулевское», – произнес он вслух и поставил бутылку, быстро ушел в комнату. Вернулся через минуту, неся в руках ноутбук. Сел, за стол, включив компьютер.

– Если было Жигулевское, значит и все остальное возможно, – произнес Сидор в каком-то волнении и быстро застучал клавишами компьютера.

– Вот, нашел. Сайт президента страны, – в нервном возбуждении, потирая руки, произнес Сидор.

– Что же написать? А напишу все как есть, – и он с силой ударил по клавиатуре, произнося вслух набираемый текст, – Уважаемый президент. Понимая всю сложность ситуации, в которой в скором будущем окажется страна из-за беспредела эвакуаторов и неизбежность надвигающегося беспощадного народного восстания, я предлагаю план ее (страны) и вашего спасения, через организацию опережающего восстания, под кодовым названием – Эвакуация. Подробности и детали, могу сообщить только вам при личной встрече. С уважением. Сидор.

Написав этот текст, Сидор еще несколько раз перечитал его, поправил орфографию. Потом посидел, подумал и дописал постскриптом: «Поверьте все очень серьезно. Дополни-

тельно сообщаю, что я знаком с вашим школьным другом Пантелеймоном. Надеюсь, это обстоятельство заставит вас отнестись со всей серьезностью к моему сообщению». Написав это, Сидор с силой ударил по клавише, – Все, отправил. И он прислонился спиной к стене и закрыл глазам.

Прошло полчаса. Ничего не происходило. Сидор все также сидел с закрытыми глазами, прислонившись к стене.

– Наверное, ему сообщат не сразу. Подождем, – Сидор, встал, подошел к холодильнику, достал бутылку кефира и с наслаждением выпил. Из прихожей раздался звонок. Сидор, поднимая с пола и надевая брошенный брюки, вышел в коридор, открыл дверь. Перед ним стоял невысокий, плотный мужчина в темно-синем костюме.

– Это вы недавно написали там? – спросил невысокий, доставая и раскрывая перед Сидором служебное удостоверение.

– Я, – спокойно ответил Сидор.

– Тогда, проедете с нами, – сказал «невысокий».

– Я, готов, – улыбнувшись, ответил Сидор, снимая с вешалки рубашку и влезая ногами в кроссовки.

Они спустились во двор, где их ждал неброский серебристый фордик. Невысокий с Сидором, сели на задние сидение.

– Трогай, – сказал «невысокий» водителю, и они поехали. Ехали долго, постоянно сворачивая, и как показалось Сидору, несколько раз проезжая по одним и тем же улицам. У Сидора внутри зашевелилось какое-то беспокойство.

– Куда мы едем? – повернулся он к «невысокому»

– Туда, – однозначно ответил чекист. В это время из радиоприемника у водителя, раздался тихий голос диктора, – А сейчас, передаем последние чрезвычайные новости.

– Сделай громче, – «невысокий» похлопал по плечу водителя. Звук усилился, и голос из приемника произнес, – Сегодня рано утром на территорию Челябинской области вернулся ранее улетевший оттуда метеорит. Президент академии наук, в своем интервью нашему корреспонденту, сообщил что академия, не откладывая, немедленно начнет изучать случившийся феномен. Деньги на это уже выделены из резервного фонда.

– Ишь ты, – уважительно хмыкнул «невысокий». А Сидор понимающе улыбнулся и расслабленно развалился на сиденье. Он не сомневался, что теперь в стране все пойдет как надо.

2. Дорога на Еть.

Сидор вышел из кабины лифта остановившейся на первом этаже. Подошел к входной двери и посмотрел на стену, на которой весели почтовые ящики, забитые до отказа рекламными объявлениями и буклетами. Сидор снимал квартиру в этом доме на окраине Квасквы и никому не оставлял свой адрес, но все-таки решил проверить, мог прийти счет на квартплату, и он открыл крышку под номером 328. На пол вывалилась кипа бумажных листовок. Сидор поднял их с пола, перебрал и бросил в бумажную коробку для мусора, стоявший рядом. Потом достал из ящика оставшиеся бумажки и не найдя ничего серьезного сунул их обратно.

– Простите, это не вы обронили, – раздался сзади мужской голос. Сидор оглянулся. За спиной стоял высокий мужчина в солнцезащитных очках и протягивал ему какую-то квитанцию. Сидор взял бумажку из рук высокого и прочитал заголовок сверху: «Повестка», – Что это? – Сидор вопросительно взглянул на «высокого».

– Вы читайте, читайте, – махнул головой высокий. Сидор приблизил квитанции ближе и прочитал под «Повесткой» свою фамилию, имя, отчество написанные от руки. А еще ниже типографский текст говорящий, что вышеназванный гражданин вызывается на собеседование в районный отдел министерства безопасности.

– Ничего, не понимаю. Это, наверное, какая-то ошибка, – вслух подумал Сидор, – Спасибо, – сказал он высокому, смял бумагу и бросил в ящик для мусора. – Разрешите, я пройду, – улыбнулся он «высокому».

– Нет, не разрешу, – и «высокий» развернул перед лицом Сидора красную книжечку с символами министерства безопасности. – Вам, придется проехать со мной. И поднимите, пожалуйста, бумажку, которую вы выбросили.

– И не подумаю, – вызывающе ответил Сидор.

– Зря, – сказал высокий и, нагнувшись, взял смятый Сидором комок бумаги. – Проехать со мной вам все равно придется. А вот без этой бумажки вас обратно могут не выпустить, – и «Высокий» распахнул перед Сидором подъездную дверь.

Сидор вышел на улицу. Напротив, подъезда стоял серебристый неприметный фордик и рядом, облокотившись на крышу фордика, человек в шляпе, жуя во рту спичку, лениво смотрел на Сидора.

– Прошу, – со спичкой во рту, открыл заднюю дверь машины и сделал приглашающий жест рукой.

– Садитесь, – сзади в спину подтолкнул Сидора Высокий, – Да не беспокойтесь, вы теперь под охраной министерства безопасности.

– Мне надо на работу, у меня там срочная встреча, – Сидор стоял не двигаясь.

– Если хотите, мы официально сообщим вашему руководству. Причину вашего отсутствия, – миролюбиво ответил высокий.

– Нет, не надо, – буркнул Сидор и полез в машину. Второй, со спичкой во рту, сел за руль. А «Высокий» примостился на заднем сиденье, рядом с Сидором. – Это хорошо, что вы проявляете благоразумие. Вам зачтется, – улыбнулся Высокий, – трогай Митя, – и машина выехала со двора.

Его привезли к какому-то обшарпанному трехэтажному зданию, на другом конце Квасквы, с железными решетками на окнах, без каких-либо вывесок названия улицы или номера дома.

– Это, что тюрьма? – испуганно спросил Сидор.

– Ну, что вы. Это районное отделение министерства безопасности. Впрочем, согласен вид не очень, – извиняюще ответил «Высокий», открывая перед Сидором, большую, потрескавшуюся филенчатую дверь. Внутри вид тоже не вызывал радостных чувств. Стены, покрашенные от потолка до пола масляной светло-зеленой краской. Обтертый линолеум на полу. И маленькие двери, оббитые коричневым дерматином с еле видными номерками цифр посередине.

– Нам в пятнадцатую, это на втором этаже, – указал «Высокий» на лестницу с необлицованными цементными ступенями. Они поднялись на второй, прошли по длинному коридору и остановились у двери с цифрой «5».

– Вам сюда, – Высокий взялся, за ручку, – Единичку уже третий год никак не прикрутят. Желаю удачи, – и он потянул на себя дверь. Заходите, же, – он, втолкнув Сидора вовнутрь, и бесшумно захлопнул дверь. Это оказалась небольшого размера комната. Со старым облезшим лакированным столом, за которым сидел немного полноватый мужчина в коричневом пиджаке и почему-то синем галстуке. Мужчина, что-то писал и продолжал, не отрываясь писать, даже когда вошел Сидор. На столе стоял работающий вентилятор, направленный почему-то на окно, завешенное жалюзи, которые раскачивались от потока воздуха и стучались об стекло. У противоположной от окна стены стоял небольшой, журнальный столик, заставленный чайными чашками, чайником и еще какой-то столовой посудой. Там же стоял коричневого цвета цветочный горшок, с торчащим из него мясистым зеленым стеблем. На стене, над столиком, в

коричневой деревянной раме висел портрет Дзержинского, в фуражке со сломанным козырьком, пристально смотрящим на стебель цветка внизу.

Ой, простите, – человек за столом, перестал писать и посмотрел на Сидора. Вы уже пришли? Это хорошо, что так быстро. Присаживайтесь, – и он указал на хлипкий венский стул стоящий посередине комнаты.

– Я постою, у меня мало времени – безразлично ответил Сидор.

– Это, да. Времени у вас совсем немного остается. И, тем не менее, лучше об этом поговорить, сидя, в более раскрепощенной обстановке, – коричневый выскочил из-за стола, оббежал его, придвинул ближе стул и указывая на него раскрытыми руками, произнес: «Прошу вас, не стоит упираться. Поверьте, я желаю вам, только добра». – И он, улыбаясь всем лицом, посмотрел на Сидора. Сидор, постояв немного, подошел и сел на стул.

– Отлично, – обрадовано воскликнул «коричневый» и быстро вернулся на свое место.

– Следователь Соколов. Веду ваше дело, – представился коричневый, ласково разглядывая Сидора.

– Какое еще дело, – не понял Сидор.

– А вы разве не в курсе, – в ответ удивился Соколов.

– Первый раз слышу, – ответил Сидор, забыв про свою раздраженность.

– Э-хе-хе. Вот так всегда у нас, возьмут человека, приведут и ничего не объяснят. Когда мы научимся уважать людей. Даже если они и виноваты в чем-то, – с сожалением закончил Соколов, нагнулся под стол, достал оттуда толстую папку, и бросил перед собой, – Вот ваше дело. Сидор Сидоров, это вы, правильно?

– Я не понимаю, о чем вы, – сглотнув слюну, произнес Сидор.

– Я вам, сейчас, все расскажу. Вы не беспокойтесь, – и он, потянув за завязки, раскрыл папку и стал доставать оттуда другие, меньшей толщины папки – скоросшиватели.

– Вот, здесь материалы в том числе фото, на которых вы не подчиняетесь полицейским во время митинга, с требованиями отмены выборов, – Соколов отложив папку в сторону, достал, другую, – А это уже на майском митинге, вы с самодельным плакатом – «Свободу политзаключенным» сначала размахиваете им перед лицом полицейских, а потом отказываетесь пройти с ними в автозак. И вас приходится тащить туда силой. А вот совсем недавний ваш протест, где вы стоите у входа в метро с нецензурным обвинением в адрес правительства. В общем, здесь много такого похожего, что накопилось на вас, за последние три года. Что теперь скажите?

– Да, ничего. Это все мирные акции протеста. Да таких как я много сейчас. Это законом, в конце концов, разрешено.

– Каким законом? Что-то я не припоминаю. Может, упустил чего, с работой этой? – искренне удивился Соколов.

– О свободе, митингов и демонстраций хотя бы, – развел руками Сидор.

– Ах, вы об этом. Нет, это конечно никто вам не запрещает. Свобода, это святое. Но вот нарушать общественный порядок, оказывать сопротивление полиции, нецензурно выражаться и наконец, призывать к носильному свержению существующей власти. Это уже уголовная ответственность. От трех, до пяти лет, – и следователь приподнял толстую папку, как бы прикидывая, насколько она потянет.

– Я не призывал никого к свержению, это бред какой-то, – возмущенно выпалил Сидор.

– Не призывали? – искренне удивился Соколов.

– Нет, – твердо ответил Сидор.

– Вы, наверное, забыли. Понимаю. Человек молодой еще, увлекающийся, мог сказать в компании, не подумав и забыть. А вот мы такого никогда не пропускаем. Такая работа. Вот, пожалуйста, – и он достал совсем тоненькую папочку, – здесь несколько свидетельских показаний и даже диктофонная запись имеется, и Соколов раскрыв папочку, протянул ее через стол Сидору.

Сидор, взял папку и быстро листая, стал просматривать материалы.

– Это провокация. Может я что-то такое и говорил. Но это среди друзей по пьяни может. Или в виде анекдота, – возмущенно воскликнул Сидор, продолжая листать бумаги.

– Правильно. Так и было. По пьяни, среди друзей. Кстати, от одного из них мы и получили эти сведения, – уже серьезно отреагировал Соколов, забирая папочку

– Сволочь! Кто это? Покажите почерк. Я узнаю, я его... – Сидор с силой кулаком ударил по столу.

– Не советую. Этот человек, проходит уже как свидетель и находится под защитой государства, – Соколов захлопнул папочку.

– Все это ерунда. Глупость. За это не сажают сейчас. Не 37-й год, – усмехнулся Сидор.

– Согласен. Не 37-й. Но вот посадить. Как вы изволили выразиться, за это и сейчас возможно. Понимаете, – опять добрые глаза Соколова уставились на Сидора.

– Не понимаю. Вы на, что намекаете? – с вызовом произнес Сидор.

– Хорошо, поговорим начистоту. – Соколов, сложил все тоненькие папочки, в общую толстую и убрал ее обратно под стол. К сожалению, сейчас в стране появились люди, недовольные, в силу каких-то личностных качеств существующими порядками. И среди этих люди, стали выделяться активисты, разжигающие эти недовольства.

– Я не разжигаю, я не активист, я просто не доволен, вот и все, – как бы оправдываясь перебил Соколова Сидор.

– Мы знаем, что вы не такой. Поэтому и было принято решение, там, – Соколов указал пальцем на потолок, – Что всех активистов изолировать, а таких как вы, просто недовольных и открыто это высказывающих, выслать из страны. Кстати, вам, насколько нам известно, нравятся там всякие европейские, демократические порядки. Не правда, ли?

– Очень даже нравятся. И что в это плохого?

– Не знаю, насчет плохого. Но и хорошего тоже ничего не нахожу. Баловство это. Вот поэтому мы вам и предлагаем, – и Соколов опять нагнулся под стол, достал оттуда листок и положил перед Сидором.

– Что это? – не взглянув даже на листок, спросил Сидор.

– Постановление о высылке вас из страны, в течении 24-х часов. Время отчета пошло, с утра, с момента предъявления вам повестки, – взгляд Соколова сделался холодным, губы сжались и втянулись.

– Постойте. А куда я поеду? И что я там буду делать? Кому я там нужен, – развел руками Сидор.

– Не знаю, кому вы там нужны. Но раз вам там нравится, вот там и живите. Выбор у вас небольшой, или там как хотите, или здесь, но уже где мы это решим. Вот билет на самолет туда. Вылет завтра в одиннадцать утра. Обратного вас уже не пустят. У вас есть время собраться. Попрощаться. Кстати у вас же близких здесь никого нет? С женой вы в разводе. Отец живет в другом городе и по политическим мотивам с вами вообще не общается. Живете вы на съемной квартире. Никакой мало мальской собственности не имеете. С работы вас уже уволили. Мы им естественно уже сообщили. Так, что подписывайте о том, что вы уведомлены и согласны покинуть страну за 24 часа и в путь. Там, где вас ждут справедливые законы.

– Мне надо подумать, – взяв билет на самолет и нервно его, теребя, тихо ответил Сидор.

– Думайте, конечно. Пять минут вам надеюсь, хватит? – опять став добрым, вздохнул Соколов.

– А если я откажусь? – посмотрел на него исподлобья Сидор.

– Я же уже говорил, тюрьма. От трех до восьми. – Соколов оперся лицом на сжатые кулаки.

– Вы же говорили, до пяти? – как бы торгуясь, переспросил Сидор.

– Для вас, это не большая разница, – Соколов встал из-за стола. Подошел к журнальному столику. Взял заварной чайник и стал из него поливать зеленый стебель растения, торчащего из горшка. В комнате нависла напряженная тишина и даже жалюзи перестали биться об стекло.

– Я согласен, – глухо ответил Сидор.

– И это правильное решение. Поверьте, вы лично мне даже чем-то симпатичны. Вы же добрый, я вижу, только запутались. А туда уедете и сразу все забудете. И мы вас тоже, – Соколов подошел сзади к Сидору и положил ему руку на плечо. – Подписывайте, вон ручка справа лежит.

Сидор, медленно потянулся за ручкой. Потом взял постановление о высылке.

– В самом низу, справа подпишите, – Соколов своей рукой отвел руку Сидора с авторучкой в нужное место. Сидор разборчиво поставил свою подпись.

– Вот и хорошо, вот и умничка, – Соколов выхватил бумагу, свернул ее и спрятал в карман. – Билет можешь забрать. Завтра в полдень вылет. Слушай, а давай-ка мы это отметим.

– Что отметим? – Сидор поднял глаза на Соколова.

– Твое освобождение. Давай, вставай, пошли. У меня там коньячку немного осталось. – И он потянул Сидора за собой к журнальному столику. Достал из шкафчика внизу, распечатанную бутылку, и два граненых стакана. Плеснул в них понемногу и протянул один Сидору. Сидор взял стакан. Соколов придвинул свой, чокнулся и замер в ожидании.

– Знаешь, что парень. Мне ведь тоже многое здесь не нравится. Может вы в чем-то и правы, что выступаете. Но не сразу все наступит, как хочется. Понимаешь? Будь здоров, – и он сделал глоток, – Давай, давай. Выпей. Успокойся. – Сидор поднес стакан и выпил одним глотком. В это время зажужжал принтер, стоящий на столе Соколова и оттуда вылетела на стол бумажка.

– О! Отлично. Уже напечатали. Хорошо сейчас техника работает, – Соколов подошел к столу, взял вылетевшую из принтера бумажку. Вернулся, протягивая ее Сидору.

– Вот, взгляни. Хорошо получилось, правда?

Сидор взял листок. Это было цветное фото, где он стоял, чокаясь стаканом с Соколовым, на фоне фотографии Дзержинского смотрящего на цветок в горшке.

– Что это значит? – Сидор протянул обратно листок Соколову.

– Не надо. Можешь оставить себе. У нас в архивы тоже теперь есть эти фото.

– Зачем?

– Если ты вдруг захочешь рассказать кому-то про нашу сегодняшнюю встречу. То на следующий день, эта твоя фотография, с заголовком типа «нештатный агент МГБ Сидор Сидоров, отмечает день рождения Дзержинского в кругу сослуживцев». И твоя предательская суть будет раскрыта всем.

– Какие же вы мерзавцы, – Сидор бросил стакан на пол.

– Зря ты так. Мы нормальные, просто работа такая. Во всем надо подстраховаться.

В это время дверь распахнулась, и быстро вошел «высокий»: «Что-то случилось?» – спросил он, засовывая руку во внутренний карман пиджака.

– Все нормально. Можете отвести его обратно, – и Соколов, пошел поднимать брошенный Сидором стакан.

– Пошли, пошли парень, – Высокий взял Сидора за локоть.

– И это, – распрямился Соколов. – Ты, не вздумай завтра не улететь. Пройдет 24-часа. Мы объявим розыск, и еще года три тебе добавят сверху. Понял?

– Я завтра уеду от вас. Не беспокойтесь – сказал Сидор и пошел на выход.

– Ну, вот еще одного обезвредили. Давай Петр, отвози этого и вези следующего. Может к концу месяца, и выполним план.

– Если бы все такие были стоворчивые, ответил «высокий», выходя и закрывая за собой дверь.

На выходе из здания Сидора остановил дежурный в форме, сидевший на маленьком стульчике в углу, под дверью: «Повестку предъявите», – сказал он, вытянув вперед ногу в начищенном до блеска хромовом сапоге.

– Какую повестку? – не понял Сидор.

– Вот, вот его повестка, – подошедший сзади «высокий» протягивая дежурному листок повестки, – Я же тебе говорил, у нас бумаги никакие нельзя выбрасывать, – сказал он Сидору и подтолкнул его к выходу.

– Поздравляю, – продолжил «высокий», уже на крыльце, закуривая сигарету.

– С чем? – Сидор посмотрел на небо и глубоко вздохнул.

– С тем, что у тебя все закончилось, – выпуская дым «высокий» тоже посмотрел вверх.

– Похоже, только начинается, – задумчиво вздохнул Сидор.

– Ничего. Привыкнешь. Первое время, конечно трудно будет, но по любому там лучше, чем здесь, – с чувством продолжил «высокий».

– А ты, чего сам туда не едешь? – огрызнулся Сидор.

– А кто меня туда пустит с такой биографией? Я же из органов, – вздохнул «высокий».

– И не противно тебе здесь работать, – Сидор внимательно посмотрел на «высокого».

– А чего, работа, как работа. И у нас здесь тоже нормальных много, кто все понимает. Зря ты так думаешь. Это же не мы вас достаем. Нам приказывают, мы выполняем. Можно подумать у вас начальство лучше?

– Да не лучше, – согласился Сидор, вспомнив о недавно назначенным к ним нового, хамоватого начальника департамента.

– Я вот решил, до майора дослужусь и сразу на пенсию. У нас здесь, как только подполковниками становятся, сразу с головой у людей что-то происходит. Везде им агенты влияния, провокаторы мерещатся. Один полковник с третьего этажа, – «высокий» махнул вверх рукой, – у того вообще мания на царубийц. Уже трех задержали.

– Так у нас же царей нет? – воскликнул Сидор.

– Царей нет, а царубийцы есть. Ладно, это я тебе лишнее рассказал. Забудь. Послушай, а ты парень вроде нормальный. Мне тебя обратно приказано отвести. А потом за следующим ехать. Опять после десяти домой вернусь. Жена уже неделю не разговаривает. Может, ты сам доберешься, а? А я сразу за вторым поеду.

– Да, конечно. Не надо меня отвозить. Никакого удовольствия с вами ездить, если честно, – ответил Сидор.

– Вот, спасибо. Меня, вообще-то Петр, зовут, – «высокий» достал из кармана визитку и протянул Сидору. – Возьми, на всякий случай.

Сидор взял визитку и прочитал: «старший агроном Селиванов Петр, телефон.» – Агроном значит? – усмехнулся он.

– Старший, однако, – улыбаясь, поднял указательный палец вверх Петр. В это время из-за угла выскочил серебристый фордик и остановился перед ними. Петр, открыл заднюю дверь, – Давай садись, до метро подвезем. Сидор залез в машину, рядом плюхнулся Петр.

– Давай Митя, до ближайшего метро, там высадим парня, – хлопнул Петр по плечу водителя.

– Освободился, значит. Поздравляю, – обернулся к ним в пол-оборота все тот же утренний водителя в шляпе со спичкой во рту.

– Какие вы все добрые здесь оказывается, блять, – развел руками Сидор.

– Зря иронизируешь, Сидор. Мы действительно тебе только хорошего желаем. Ну, поехали. – Водитель, сплюнул спичку на пол, отвернулся и машина резко рванула с места. Через десять минут, они остановились у входа в метро.

– Спасибо добрые люди, – бросил Сидор, вылезая из машины.

– Ты, это, ты только не убегай, ладно. А то мне выговор и не дослужусь, до майора, – высунулась голова Петра через заднее стекло фордика.

– Дослужишься. Не останусь я здесь с вами. Не переживай, – обернулся к нему Сидор, – Будь здоров агроном, – и он, махнув рукой, пошел к вестибюлю метро.

– Старший, – поправил Петр. Стекло опустилось и машина, развернувшись с визгом, исчезла за поворотом.

Полупустой вагон метро, раскачиваясь, мчался в темноте тоннеля. Сидор присел на изношенный диван в дальнем конце у двери и сидел с закрытыми глазами, пытаясь обдумать сложившуюся ситуацию. В общем все складывалось как-то странно. Да, он всегда посещал митинги оппозиции. Испытывая при этом, даже какой-то душевный подъем. Но никогда не являлся, ни организатором, ни активным участником. Один раз он оказывался, случайно в толпе рядом с какими-то радикальными ребятами, пытавшимися перевернуть автобус и его не разбираясь, задерживали полицейские, и отвезли в отделение. Но быстро выпустили, оформив протокол об административном нарушении. Он не исключал, что попадал в объективы фотокамер, скрытых агентов, выдающих себя за журналистов и его фото, могло сохраниться в фотоархиве МГБ. Да, еще один раз его забирала полиция, когда на митинге кто-то попросил поддержать транспарант с какой-то вызывающей надписью и ушел. И тут же к нему подошел полицейский начальник и потребовал выбросить плакат. Сидор отказался и был силой препровожден в автозак. Про этот случай как раз ему сегодня напомнил следователь Соколов. И все. Никаких других прегрешений за Сидором не было. То, что он мог в компании по пьяне, что-то сказать против власти, был просто детский лепет, по сравнению, с тем, о чем писали про это открыто в социальных сетях. В общем Сидор ничего не понимал в случившемся с ним. Но не возвращаться же обратно и не требовать объяснений. Тем более он им уже подписал это дурацкое постановление на выдворение из страны. «Но с другой стороны и Довлатова так же выставили когда-то ни за что» – мелькнула в голове Сидора сразу понравившаяся мысль, и от этого ему стало даже как-то теплее на душе. «Хоть я быть может и не написал ничего, такого как он» – другая уже критическая мысль возникла следом, но тут же Сидор отогнал ее как провокационную.

«Нет, что-то за этим все равно стоит» – и Сидор стал вспоминать свою небогатую событиями биографию. Он родился в небольшом Подквасковном городке, где его отец работал на закрытом оборонном заводе инженером. И к моменту распада СССР дослужился до директора завода. А потом, когда все развалилось, и завод закрыли, не простил новой власти такого окончания своей карьеры, возглавил местное отделение компартии и даже был выбран депутатом в городской совет. Где до сих пор работал и продолжал препираться с районными властями из-за тарифов за свет, ремонта дорог и прочие бытовые проблемы городка. «Может из-за отца меня они решили?» – подумал Сидор. Но тут же отбросил эту мысль как бесперспективную. Отец оставался всегда законопослушным и даже перестал с ним общаться, когда узнал, что Сидор поддерживает либеральную оппозицию. «Не потерплю в своем доме американских агентов», – с такими словами отец захлопнул дверь перед носом Сидора, когда он в прошлом году приехал, поздравит его с днем рождения. С тех пор отец не отвечал даже на телефонные звонки. Матери не стала давно, когда еще Сидор уехал в Кваскву, учиться в институт на инженера, по профилю отцовского завода. Женился он еще в институте на квасквичке. Остался в Кваскве, работал в каком-то секретном НИИ, живя с женой у ее родителей скучно и однообразно. Потом наступили новые времена, с женой он развелся и был выставлен на улицу в зимнем пальто советского образца с каракулевым воротником и большим целлофановым пакетом ИКЕА. Освоил несколько новых, рыночных профессий, начинающих со слова менеджер. Наконец-то пристроился работать в наружной рекламе, жил в съемной квартире на окраине, выезжая иногда в отпуск либо в Турцию, либо в Египет. Близких друзей не имел. И вот когда

последние несколько лет, новая власть в стране стала закручивать гайки, с энтузиазмом стал ходить на мероприятия, организуемые так называемой несистемной оппозиции. В его биографии трудно было найти, что-то похожее на похождения Довлатова. Да, пили одно время с друзьями– художниками. Еще в молодости он посещал закрытые поэтические вечеринки. Еще выпускал какие-то студенческие стенгазеты. Рисовал немного карикатуры для друзей. Раз-два их даже где-то напечатали. Короче кроме как пили где-то с друзьями сходство с Довлатовым и ограничивалось. Воспоминания о тех временах, как-то отвлекли его от реальных событий, он расслабился и тихо заснул под легкое покачивание вагона-метро.

– Выходите, приехали, – Сидор открыл глаза. Перед ним стояла бесформенная тетенька в красной шапочке, тыкая ему в грудь толстым указательным пальцем. – Поезд в депо идет, не положено здесь, выходите, – тетенька указала пальцем на дверь.

– А тыкать в человека пальцем положено? – раздраженно сказал Сидор, вставая и выходя из вагона.

– Хам, я полицию вызову, – донесся сзади беззлобный голос красной шапочки, но Сидор уже поднимался по эскалатору. «Что же делать, – подумал Сидор, выходя на улицу и останавливаясь у киоска с мороженым. – Сейчас три часа, – Сидор взглянул на часы над выходом, – Самолет улетает завтра утром, кажется в одиннадцать, так сказал следователь. Значит, у меня еще есть часов десять в запасе до регистрации. И что же делать?» – в очередной раз он вопрос, так и не зная точного ответа. «Надо будет позвонить отцу, попрощаться. Если он, конечно, станет разговаривать. На работу звонить наверно бессмысленно. Следователь же сказал, что меня уволили. Может Лизе позвонить? Да, пожалуй, ей стоит. Вот теперь она точно пожалеет, что ушла от меня, – злорадно подумал Сидор». Лиза, бывшая подружка Сидора с которой он расстался пару месяцев назад. Точнее сказать, Лиза ушла от него из-за того, что Сидор никак не мог подстроиться под ее потребительское отношение к жизни – шопинг, ночные клубы, какие-то гламурные тусовки. Ему нравилась Лиза как женщина и как человек, но ее интересы сильно напрягали Сидора, и он постоянно находил причину, чтобы увильнуть от очередного вечера с ее веселыми, но примитивными друзьями. И в последний раз, когда он отказался идти на свадьбу к Лизиной подруге, она ушла одна. Ночевать не вернулась, а потом позвонила под утро и весло сообщила: «Я нашла себе Вадика, и теперь буду жить у него. Прощай котик. Ты был большая зануда. Как же ты меня достал, – и бросила трубку. С тех пор они перестали общаться и даже не звонили друг другу ни разу. – Точно, позвоню ей, – и Сидор полез в карман за телефоном. – Стоп, мои же звонки наверняка, прослушивают гэбешники. Нет, со своего телефона звонить нельзя, – и он засунул телефон обратно в карман.

– Угостить мороженым, начальник, – услышал он сзади хрипловатый голос и обернулся. Сзади стоял знакомый бомж Василий, постоянно крутящийся возле метро и занимающийся здесь попрошайничеством.

– Привет Василий, – улыбнулся ему Сидор, обрадовавшись, возможности немного отвлечься от внутренней неопределенности. Он познакомился с Василием случайно в прошлом году, когда доставал из кармана мелочь, чтобы бросить ее в лежащую на асфальте ковбойскую шляпу Василия с широкими полями и вместе с мелочью из кармана выпала тысячная купюра. Сидор не заметил вылетевшей бумажки и зашагал домой. Но уже через минуту Василий догнал его и протянул обратно тысячу: «Ты, кажется, обронил парень». Потом Сидор угостил Василия пивком. И несколько раз приносил ему свою старую одежду. И даже пускал иногда Василия к себе, полежать и помыться в горячей ванне. Так между ними и завязались, что-то типа дружбы.

– Тебе, какое, фруктовое в стаканчике, за «семь копеек» как всегда? – спросил добродушный Василий.

– Как всегда, – согласился Сидор.

– Чего такой грустный? – спросил Василий, бросая в окошко киоска мелочь, – Два фруктовых, Зоя.

– Да, вот, кажется, уезжаю я, – неопределенно ответил Сидор.

– В отпуск, что ли собрался? – спросил Василий, протягивая Сидору стаканчик с мороженым.

– Нет, не в отпуск. Насовсем, – тяжело вздохнул Сидор.

– Без настроения что-то уезжать собрался. С бабой, что ли со своей разругались, – Василий начал сосредоточенно ковырять палочкой мороженное из стаканчика.

– О, кстати насчет бабы. У тебя есть мобильный Василий. Мне бы позвонить? – осенило Сидора, – Я заплачу.

– Звони, – протянул Василий, дорогую модель смартфона, – там льготный тариф, много не наговоришь.

– Спасибо друг, – Сидор схватил телефон и быстро набрал Лизин номер.

– Да, слушаю тебя незнакомец, – раздался ласковый и такой знакомый Лизин голос. Она почему-то всегда ко всем, даже не знакомым, обращалась на «ты». И такой способ общения, как-то подходил к ее невинному личику с красивыми, немного припухшими сексуальными губками.

– Это не незнакомец. Это я. Только не клади трубку пожалуйста. – быстро произнес Сидор.

– Что нужно тебе от меня зануда, – потеряв ласковость, ответил Лизин голос. Она почему-то считала, что «зануда» самое унижительное ругательство мужчин.

– Лиза, я завтра уезжаю, хотел попрощаться, – ничего не придумав оригинального, сказал Сидор и через паузу, добавил, – Навсегда.

– Провожать не приду, не рассчитывай, – безразлично ответила Лиза. – А куда, уезжаешь? – все-таки женское любопытство пересилило создаваемый образ безразличной женщины.

– В Европу или Америку, я еще не определился до конца, – немного подумав, ответил Сидор. Наступила пауза.

– И, что ты там будешь делать? – Лизин голос напрягся.

– Жить, работать. Что еще? – не зная точного ответа, неопределенно ответил Сидор

– А почему ты мне раньше об этом ничего не говорил? – с нотками наступающей истерики простонала Лиза.

– Да я и сам не знал. Как-то так получилось все неожиданно.

– А ты не врешь, – с сомнением переспросила она.

– Нет. Вот у меня билет на самолет, – Сидор достал из кармана билет-книжечку, открыл. Квасква – Амстердам.

– А когда вылет? – с трудом выдохнула Лиза.

– Сейчас посмотрю. Завтра, в 11-00 из Баба дедово, – прочитал Сидор, – рейс 15214.

– Я приеду тебя провожать, – сначала в трубке раздалось всхлипывание Лизы, потом короткие гудки телефона. Она положила трубку.

– Вот иногда думаешь, что в полной заднице, а оказывается нет, не совсем еще, – озадаченно вслух произнес Сидор. И у него в душе вдруг потеплело от чего-то неясного, но обнадеживающего.

– И чего, в кучи дерьма, вдруг мелькнуло семечко надежды? – все это время внимательно прислушиваясь к разговору Сидора, прокомментировал Василий.

– Типа, того. Только куча слишком большая, а семечко еле-еле видимое – ответил Сидор, улыбаясь, покачав головой.

– Слушай, ты мороженное будешь, свое есть, а то растает? – закончил Василий, выливая себе в рот остатки из своего стаканчика.

– Нет, не хочу. Съешь за меня.– Он протянул свой стаканчик. – А можно я еще отцу позвоню? – вдруг осенило Сидора.

– Звони, – и Василий принялся за второй стаканчик. Сидор вспоминая, стал набирать мобильный отца.

– Депутат Сидоров слушает, – раздался в трубке строгий голос отца.

– Папа, это я. Я быстро. Я завтра уезжаю и неизвестно когда еще мы сможем, увидится, – быстро выпалил Сидор, – звоню, вот попрощаться. – Я уезжаю за границу, у меня не было выбора. Точнее сказать, это был самый безболезненный для меня.

– Я понял. Не продолжай. Что-то еще? – спокойно спросил отец.

– Да. Не обижайся на меня. Все эти разногласия, не стоят того, чтобы люди переставали любить друг друга. Прости меня, – с облегчением выдохнул Сидор.

– Я рад, что ты это понял. И ты меня прости. Извини, у нас начинается совещание. Я вынужден отключить телефон.

– Ничего, теперь отключай, – криво улыбнулся Сидор.

– Ты, как устроишься там, напиши мне, я буду ждать.

– Обязательно напишу. Вот, кажется, отключился, – Сидор убрал руку с телефоном от уха и протянул его Василию.

– За границу значит, собрался? – беря телефон и пряча в карман, спросил Василий. – И правильно. При всех за и против, и отбросив ненужную патетику, все– таки там немного лучше относятся к простому человеку. Немного, но лучше. – закончил Василий.

– А ты откуда знаешь, – удивился Сидор. – Был, что ли там?

– Знаю. Как-то в одной из прошлой жизни довелось и там пожить, – хитро усмехнулся бож, – А ты когда уезжаешь?

–Завтра, утром, – тоже чему-то, улыбаясь, ответил Сидор. – У тебя счастливый телефон. Позвонил с него и сразу померился и с отцом и с подругой. Кстати сколько я тебе должен, Василий?

– Ни сколько. За счастье денег не берут.

– Послушай, ты ко мне вечером зайти, выберешь себе, что захочешь из одежды. Я все равно много с собой брать не буду, а тебе здесь пригодится.

– Зайду, – сказал Василий, выбрасывая пустой стаканчик в урну. Сидор, махнув рукой, и быстро пошел по аллее сторону своего дома.

– Там немного, но лучше, – задумчиво произнес Василий, глядя вслед вприпрыжку идущему Сидору и положив мелочь в окошко киоска, крикнул, – Еще одно фруктовое.

Аллея вела прямо к дому Сидора. Минут двадцать ходьбы не больше. В этом районе он прожил около пяти лет и как-то привык к нему. Стал считать своим. Здесь с Лизой, по этой аллеей они катались летом на роликах. И придумали свой фирменный стиль. Первой ехали Лиза, наклонившись вперед туловищем и отставив назад свою превосходную попку в коротеньких шортиках. Потом сзади на скорости подлетал к ней Сидор и, упершись ладонями в ее упругие ягодицы, со всей силы толкал Лизу в попку, и та, расставив в стороны руки само-летиком, громко смеясь с ускорением, катилась вперед под восторженный, завистливые или негодующие взгляды прогуливающейся публики. Посмотреть на эти их катания иногда специально выходил народ из близлежащих домов. Воспоминания о Лизе и то, что она обещала завтра прийти его провожать, вернули Сидора в хорошее настроение и он, сбавив шаг, шел и с удовольствием рассматривал знакомые пейзажи своего района. Аллея была засажена большими как на юге пирамидальными тополями. И не с обычной зеленой листвой, а какой-то двухцветной. Верхняя часть была темно-зеленой до коричневого, а снизу серо-серебристой. И когда начинался ветер они, листочки, начинали трепетать и казалось, что тополя переливаются каким-то серебристым, дребезжащим светом. Недалеко от детской площадкой, на газоне

как всегда лежал небольшой, черный, лохматый, похожий на репейник пес. Он сюда приходил утром и вечером в определенное время и устраивался в этом месте, откуда просматривалась почти вся аллея. И как только где-то мелькал хвостик какой-нибудь собачки, черный подскакивал и мчался в направлении сородича. Подбежав, понюхав, извиняющее махнув хвостом и не вступая в контакт, опустив голову возвращался обратно, ложился на прежнее место печально прижимая голову к лапам. Такое ощущение, что он кого-то все время ждал, друга или подругу, а они все не приходили и не приходили. Сколько лет Сидор проходил утром и вечером вдоль аллеи до метро, столько и видел здесь этого замечательно пса непонятной породы. Сидор попробовал приносить ему что-то из еды, но пес ни разу даже глазом не повел в сторону угощения. Один раз, проходя по аллее Сидор, не обнаружил на привычном месте пса, а увидел его метров через сто лежащим неподвижно с откинутой головой. Сидор торопился на работу и не придавал этому особого значения. И только в метро до него дошло, – пес-то, наверное, умер. И вечером после работы Сидор, выпросив у дорожных рабочих лопату, помчался к месту, где он последний раз видел черного, чтобы похоронить его. Но никого там не обнаружил. Наверное, дворники в мусорку выбросили, – с сожалением, что так и не удалось по-человечески проститься, подумал Сидор. Прошла неделя, или две и Сидор, возвращаясь по аллее, домой с изумлением увидел, своего старого знакомого лежащего на том же месте и рассматривающего бегущего в стороне пуделя. Пес опять вернулся, откуда -то дежурить на свое место к неопишуемой радости Сидора. И они с тех пор начали здороваться друг с другом. «Привет старик. Как дела? – говорил ему негромко Сидор, проходя мимо, а пес, приподняв голову, в ответ беззлобно рычал, типа, – «Нормально. Проходи не мешай. Не видишь, я занят». Сидор очень привязался к этому независимому и живущему в постоянном ожидании кого-то псу, что, проходя сейчас мимо него, он остановился и подумал: «Как мне тебя там, в Европе будет не хватать дружище». Пес, приподнял голову и привычно, беззлобно прорычал привычное приветствие. «Что опять не пришла? Жаль. Ладно, не буду мешать. Жди дальше. Пока», – и Сидор, махнув «черному» рукой, пошел своей дорогой под удивленными взглядами двух старичков, сидящих на лавочке с газетами в руках. А Сидору вдруг подумал: «Если меня спросят, а что есть твоя Родина Сидор? Как она выглядит? И я, наверное, опишу в ответ вот эту аллею от метро, с серебристыми тополями вдоль пешеходного тротуара, навеянную моими воспоминаниями о Лизе, с этим черным псом, ждущим все время кого-то. Вот это и есть моя настоящая Родина. И еще, вон тон угол девятиэтажки, выглядывающей из-за деревьев, где я провел не самые худшие, несколько последних лет жизни на этой самой Родине».

Сидор подошел к подъезду своего дома и остановился, пропуская дворника-таджика вывозящего бак с мусором на разбитой детской коляске.

– Привет, Сидор, чего так рано с работы. Не заболел? – приостановившись, добродушно улыбнулся ему таджик.

– Привет Нурик. Нет, все нормально, – ответил Сидор и подумал: «Хороший парень этот Нурик. Надо будет оставить ему свой велосипед.» Сидор купил недавно, это не дешевое современное вело-чудо, с дисковыми тормозами на обоих колесах и даже с амортизаторами на раме, – «Все равно с собой не заберешь». – Сидор видел, с каким восхищением Нурик смотрит на велосипед, когда по вечерам Сидор выезжал на нем на аллею. Они познакомились, уже давно, еще когда Сидор въехал в эту квартиру и по условиям договора с хозяйкой должен был сделать ремонт. Он тогда обратился за помощью к Нурику и тот привел ему двух своих братьев работающих на стройке, которые быстро и недорого привели квартиру в нормальный вид. Иногда Сидор давал Нурику покататься на своем велосипеде и тот, возвращая его обратно, с восхищением всегда приговаривал: «Ай, какой жеребец. Настоящий арабский скакун».

– Послушай Нурик. Я завтра уезжаю, насовсем. Зайди вечерком ко мне. Хочу подарить тебе свой велосипед, – как будто решив, что-то важное для себя сказал Сидор.

– Как подарить? – Нурик, отпустил коляску, и та медленно покатила по асфальту. Сидор успел подставить ногу под колесо: « На память обо мне. Держи коляску. Мусор рассыплешь ».

– Ты, что умирать собрался? – Нурик перехватил коляску и поставил на тормоз. – Нет, я не могу принять такой дорогой подарок, – замотал головой Нурик.

– А я, к сожалению, не могу взять его с собой. И оставить никому другому, кроме тебя не хочу. Так, что вечером зайди, заberi. – Сидор подошел к двери и стал набирать код замка.

– Ты, что не вернешься больше сюда? – спросил озадаченный Нурик.

– Не знаю. Может быть, когданибудь, когда борода вот такая вырастет, – и Сидор провел по коленям ребром руки.

– Да. Такую бороду много, много лет надо растить, – серьезно произнес Нурик, прикидывая на себе длину бороды.

– До вечера, – и дверь подъезда шумно захлопнулась за Сидором.

Поднявшись к себе Сидор, почувствовал, что проголодался. Быстро открыл холодильник, достал распечатанный утром пакет сосисок и тут же, сырыми стал жадно есть, обливая их кетчупом из пакета. Он любил так есть, без лишней готовки, ощущая себя каким-то суровым мужиком, не то охотником, не то геологом в тайге. Открыв еще раз холодильник, и радостно разглядев пакет кефира в глубине, достал и стал пить маленькими глотками кислую кефирную жидкость. «Наверное, так, аборигены пьют кокосовый сок», – потрясся уже пустым пакетом, подумал Сидор и, насытившись, удовлетворенно развалился на кухонном диванчике. « Что же делать?», – в очередной раз попытался он вернуться к вечному вопросу. Но мозг оказался думать в сытом состоянии и Сидор, медленно сползая со спинки дивана, стал отключаться и быстро заснул.

События сегодняшнего дня не оставил Сидора даже во сне. Ему приснился сначала следователь Соколов, поливавший из чайника в своем кабинете странный стебель в горшке, который прямо на глазах стал расти и, упершись в потолок с грохотом его пробил и устремился куда-то вверх. «Видишь, мы все можем. Так, что не пытайся нас обмануть и сбежать», – он вытер вспотевший лоб свои синим галстуком, отчего лоб стал тоже синим. « Теперь тебе понятно, для чего мне синий галстук?» – спросил строго Соколов. «Понятно», – утвердительно ответил Сидор и оказался вдруг возле дома, в котором жила Лиза, стоя на коленях и умоляя ее вернуться к нему. А Лиза сверху с балкона с хохотом поливала его из чайника какою-то синей жидкостью. Потом вдруг чайник выскочил из рук Лизы и полетел прямо в Сидора, но, не попав в него, упал рядом, разбился и из него выскочил старший агроном Петр, в солнцезащитных очках грозя пальцем, строго выговаривал: «Почему ты не улетел еще? Твое время жизни в этой стране уже закончилось».

– Я лечу, лечу. Уже лечу, – и Сидор плавно замахав руками, взмыл вверх и, правда, полетел в абсолютно белом, как туман небе. Через какое-то время туман рассеялся, и Сидор оказался стоящий уже на земле перед кабинкой паспортного контроля. Он протянул через окошко свой загранпаспорт, сидящий внутри милой девушке в сером форменном кителе. Та, взяла, полистала паспорт и, возвращая его, с улыбкой, сказала Сидору на русском языке, с небольшим акцентом: «Извините, в Европе свободных мест сейчас нет. Мы вас не можем принять».

– И, что же мне делать? – испуганно воскликнул Сидор, на каком-то неизвестном ему языке. А где-то сверху доносился перевод его слов на русский.

– Летите, дальше, – ответила девушка, переставая улыбаться.

– Куда дальше? – изумился Сидор.

– Сейчас посмотрю, где есть свободные места, – и она застучала, пальчиками по клавиатуре смотря в экран монитора. – Вот, есть одно место в Гренландии. Охотника на тюленей. И сразу двадцать мест в Африке, погонщиком слонов. Что выбираете?

- Я не знаю. Я же не охотник и не погонщик, – застонал Сидор.
- Все. В Гренландии место ушло. Осталась только Африка, – сказала девушка и отвернулась от Сидора.
- Я не хочу в Африку, – возмутился Сидор.
- Поздно, – Сидору на плечо опустилась сзади чья-то рука.
- Я не хочу, не хочу в Африку. Я хочу в Гренландию к тюленям – Сидор с силой схватил и стал оттаскивать с себя чужую руку, и открыл глаза. Над ним склонившись, стоял Нурик, положив свою руку на плечо, в которую вцепился обеими руками Сидор.
- Ты, чего? Жалко стало отдавать велосипед? – Нурик пытался освободить свою руку.
- Что? Какой велосипед? – Сидор распрямился и сел на диван, выпустив руку Нурика.
- Ты же сказал, зайди вечером за велосипедом. Я, в смысле ты, тебе, в смысле мне его подарю. Я зашел, там дверь входная открыта была. Подхожу к тебе, а ты как закричишь на меня. Так, что не подаришь велосипед?
- Подарю. Раз обещал. Зачем он мне в Африке... Тьфу, в смысле в Гренландии. В общем, иди, забирай, он там на балконе, – пробормотал Сидор, растирая ладонью лоб.
- Ага, – заулыбался Нурик и исчез.
- Интересно, который сейчас час? – Сидор оглядел уже наполненную полумраком кухню.
- Девять вечера, десятый, – появился Нурик, катя перед собой велосипед.
- Девять. Сколь же я проспал? – он протянул к стене руку и дернул за шнурок-выключатель настенного бра. Кухня немного осветилась.
- Так я пойду? – голова Нурика вытянулась на длинной, худой шее вперед.
- Угу, пока, – Сидор встал, подошел к раковине и пустив холодную воду стал брызгать ее себе на лицо. – Вот, теперь кажется, проснулся. Нурик? – он оглянулся, но в квартире уже никого не было.
- Пора, пожалуй, собираться. Если в одиннадцать вылет. В девять надо быть в аэропорту. Значит, выезжать надо в семь, – посчитал Сидор резерв времени, – Вызову такси на шесть, – и он достал мобильный. Посмотрел на него внимательно. – Нет, со своего не буду. Пришлют мне под видом таксиста гэбешного агента. Потом позвоню от соседей. – И убрав телефон в карман, прошел в комнату к платяному шкафу. Достал большую сумку на колесиках, побросал туда белье и мелочевку, новые походные ботинки. Покрутил в руках ласты с маской и тоже сунул их в сумку на всякий случай. Потом пошел в ванную, сгреб с полки у зеркала бритвенные принадлежности и зубные щетки, парфюм и засунул в боковой карман сумки. Постоял, подумал, вернулся опять к платяному шкафу: «А ведь неизвестно куда попаду. Не зря мне эта Гренландия приснилась», – подумал Сидор и снял с плечиков свое старое советское пальто с каракулевым воротником. Ему его купили, когда он поступил в институт. Оно было на два размера больше, и Сидор его толком не носил, но почему-то не выбрасывал. Он надел пальто, закрыл створку шкафа и посмотрел на себя в зеркало. Пальто сейчас было в самый раз. Выглядел он конечно в нем как чиновник из прошлого века, – «Но зато теплое. И кто там, в Гренландии будет на это особо смотреть», – усмехнулся Сидор и, свернув пальто, запихнул его в сумку, с трудом застегивая молнию. «Все, больше ничего не возьму. Итак, осталось проверить документу, деньги». – Сидор достал бумажник. Российских денег было немного, как раз на такси и на всякий случай. Все остальные, небольшие сбережения хранились на банковской карте. «Вот и все, что я накопил, почти за сорок лет жизни», – безразлично подумал Сидор и в это время в прихожей раздался звонок. Сидор пошел открывать дверь. На пороге стоял бомж Василий, в своей низменной ковбойской шляпе попыхивая сигареткой.
- Это здесь раздает одежду бездомным гражданам Квасквы? – и он сплюнул сигаретку на лестничную площадку.
- Здесь, здесь проходите, господин шериф, – Сидор повел рукой в стороны комнаты. – Там, смотри Вася в шкафу. Забирай все, что есть.

Василий, не разуваясь, прошел в комнату, осмотрел содержимое шкафа. «Не богато», – произнес он скептически. Потом достал пододеяльник и все, что было в шкафу, не разбираясь, набил в него. Повернулся к Сидору: «Что-то еще предложите?»

– Да, нет вроде. Мебель и посуда хозяйская, – развел руками Сидор.

– А коврик этот на полу можно? – указал пальцем, на небольшой ковер, лежавший на полу.

– Точно. Забирай. Мне же его сослуживцы подарила на тридцатипятилетние. Это мой, – радостно воскликнул Сидор. Василий, отставив узел с вещами в сторону, принялся сворачивать ковер. Сидор вышел на балкон. В углу, замотанные рваными Лизиныными колготками стояли две пары лыж. Сидор взял их, подумал и вернулся в комнату.

– Василий, лыжи вот возьмешь. Пластиковые. Правда, без ботинок, – он, протянув вперед сверток.

– Лыжи? – Василий задумался. Дай-ка посмотрю. – Он взял сверток покрутил в руках увидев надпись, спросил, – Иностранцы что ли?

– Польские, – вспомнил Сидор.

– У-у-у. Если польские тогда возьму. – Василий сунул лыжи под мышку. – Ты когда уезжаешь-то?

– Да вот думаю. В аэропорту надо быть крайний срок в девять. Сейчас почти полночь. Уснуть не усну. А чего мне здесь делать? Вызову ка я такси, прокачусь напоследок по городу, а потом в аэропорт, там, среди людей, не так грустно будет, – обрадовавшись хорошей мысли, произнес Сидор. – Послушай Вася, дай с твоего телефона позвоню в такси.

– Не, проблема. Звони. – Василий протянул аппарат. Сидор, нашел в вазе стояще на столе визитку заказа такси, набрал номер: «Але. Здравствуйте. Мне такси в Бабадедово через час. Тополиная аллея дом 9. Сидор меня зовут. Нет не по этому номеру. Я внизу у подъезда буду ждать. У второго. Спасибо», – и он протянул телефон Василию, – Спасибо.

– Помоги мне ковер на плечо забросить, – сказал Василий и немного пригнулся. Сидор с трудом уложил ему ковер на плечо.

– А как же я лыжи возьму, – закрутил головой Василий, пригибаясь под весом ковра и держа в другой руке узел с вещами.

– Я вынесу и у подъезда в кусты положу, потом вернешься за ними, – предложил Сидор.

– Хорошая идея, – прохрипел под грузом вещей Василий. – Ой, совсем забыл, там у меня в кармане пачка сигарет для тебя, достань ка. В правом.

– Я не курю, не надо, – махнул рукой Сидор.

– Да, нет. Там телефончик для тебя записан. Отец потом твой мне позвонил, просил передать тебе. У него мой номер высветился. Доставай. – Сидор, вытащил из кармана смятую пачку и прочитал вслух: « Франция. Париж»

– Нет, с другой стороны. Чего там читай? – прохрипел Василий. – «Ирландия. Дублин», прочитал, с трудом разбирая почерк Сидор.

– Вот. Это оно. Это телефон ихнего главного в компартии. Твой пахан его знает, оказывается. Сказал если, будешь там, обратись. Он поможет. – с трудом пригибаясь под тяжестью ковра выдавил Василий.

– А про Париж, это что? – перевернул пачку Сидор.

– Это уже моего дружка телефон. Он клошар, бомж по-нашему. Под мостом там живет, в Париже. От меня привет передашь, он тоже поможет. Телефон там записан. Ладно, пошел я. Уж больно ковер твой тяжелый, – и передвигая ноги, не отрывая их от пола Василий выполз в коридор.

– Подожди, я лифт вызову.– Сидор прошел на площадку и нажал кнопку лифта. Двери открылись, и Василий с вещами втиснулся в небольшую кабинку.

– Прощай, друг. Про лыжи не забудь, – почти задохнулся Василий.

– Прощай, – Сидор нажал кнопку, и двери закрылись.

– Ну, отец дает. Не ожидал, – улыбаясь, подумал Сидор. – Да и Василий тоже молодец. Откуда он клошара этого знает?

Сидор вернулся в комнату. Постоял, огляделся: «Нет, не могу я, здесь больше находится». Он взял стул поставил посередине, присел. Закрыв глаза, перебрал в памяти, ничего ли он не забыл. Встал, еще раз осмотрелся. Увидел на трельяже лежащую книжку. Подошел, взял. Это был Евгений Онегин. Лиза как-то купила ее, собираясь выучить оттуда некоторые отрывки. Но как всегда, быстро охладела к очередной своей завиральной идеи, а книжка так и осталась лежать на том же самом месте. Сидор повертел книжку и засунул в карман сумки. Потом взял сверток с лыжами и, набросив на плечо ремень сумки, прошел в прихожую. Положил ключи от квартиры, на тумбочку перед входом, выключил свет и вышел, с силой захлопнув за собой входную дверь.

На улице уже стемнело. Хотя был конец сентября, но весь месяц погоды стояли теплые, и поэтому все было вокруг зелено по-летнему. Сидор бросил сверток с лыжами в кусты у подъезда, поставил на лавку сумку, освещенную светом уличного фонаря затерявшегося где-то вверху среды листвы, и сел рядом. – «Как будем прощаться с Квасквой?» – задумался он, разглядывая тени деревьев на асфальте. – «А не съездить ли мне в Вельфортово» – сразу, пришло ему в голову. Жизнь Сидора как-то всегда пересекалась с этим достаточно старым районом Квасквы, расположенным вдоль речки Язузы, основанным еще переехавшими в Россию в 17-м веке немцами. Вдоль одного, высокого берега реки тянулись парки вперемешку с жилыми постройками, а с другой – институты, конструкторские бюро и разные научные лаборатории. Именно в этом районе Сидор впервые ребенком оказался в Кваскве, когда его отец поступил в аспирантуру, и семья стала снимать комнатку в старом, деревянном двухэтажном домике, с малюсеньким огородиком под окнами, где хозяин дома, старик в телогрейке, выращивал земляные орехи – арахис. Сидор стал ходить там, в детский сад, недалеко от кинотеатра Спутник. Потом они переселились в отдельную квартиру, выделенную отцу от института, аж на восьмой этаж, в новом, невероятно высоком по тем временам двенадцатиэтажном доме. Здесь Сидор пошел в первый класс. Но в третьем, отец закончил учебу, и они вернулись в Подквасковье на завод. В этом районе Сидор опять оказался, поступив в институт и получив место в студенческом общежитии, расположенном в парке на левом берегу Язузы. И уже после окончания, его направили на работу в оборонный институт, расположенный на противоположном берегу. Потом, уже в свободные времена, часто меняя работу и профессию, Сидор несколько раз оказывался, в этом районе. – «Других вариантов нет. Прощаться будем в Вельфортово, – решил Сидор, – Надо будет по дороге купить вина что ли?» – тут он немного призадумался. Он первый раз в своей жизни прощался с городом и не знал никаких традиций на эту тему.

– Такси вы заказывали? – раздался веселый голос у дороги. Сидор, погрузившись в воспоминания, даже не услышал почти бесшумно подъехавшую желтую машину.

– Я? В аэропорт. Правильно? – подскочил он, хватая сумку.

– Нам все равно куда. Куда скажите, – из машины вышел молодой парень в легкой куртке и пошел открывать багажник. – Во сколько вылет? – деловито уточнил он.

– В одиннадцать утра, – ответил Сидор, заталкивая сумку в машину.

– Не рано ли выезжаешь? – вопросительно посмотрел на него таксист.

– Скажите, а вы могли бы сначала отвезти меня в Вельфортово. Я там немного побуду, а потом уже в аэропорт. Вот, три тысячи хватит? – и он протянул таксисту деньги.

– Должно хватить, если не задержишься, – забирая деньги, ответил тот, – Садись, поехали.

Машина вырулила с аллеи на магистраль и быстро понеслась по почти свободным ночным улицам.

- А, куда в Вельфортово? – повернулся таксист.
- Да проехать там по району немного. Сначала по набережной, потом подняться наверх и по Больничному валу в сторону к Анчаровской. Знаете?
- Конечно, я сам там недалеко живу. У Измазанного парка. Меня, Толик зовут.
- Меня Сидор. Очень приятно.
- А летишь куда?
- Не знаю еще? – усмехнулся Сидор.
- Что значит, не знаешь. Билета нет? – уточнил Толик.
- Билет есть. До Амстердама. Потом не знаю куда, – и он опять задумался.
- А-а-а. Понятно. – Толик посмотрел с интересом на Сидора и прибавил газа.

Машина неслась по освещенным улицам. Но Сидор не обращал внимания на виды за окном, задавая себе в очередной раз вопрос «что делать?», дополнив его еще словом «дальше». Таксист иногда поглядывал на него, но видно научившись понимать состояние клиента, не отвлекал его разговорами. Включив только тихо радио с легкой джазовой музыкой. Через некоторое время, Толик переключая, указатель поворота, сказал: «Почти приехали. Переезжаем Язузский мост и выходим на набережную. Приготовься».

– Спасибо, – и Сидор стал вглядываться в знакомые с детства пейзажи. Водитель понял его и поехал помедленнее. На противоположной стороне Язузы виднелись освещенные коробки институтов и лабораторий. А другая сторона, вдоль которой они ехали, была закрыта высокими темными деревьями. Так что разглядеть было ничего не возможно.

– Может остановиться? – спросил понимающе Толик.

– Нет, не здесь, – замахал рукой Сидор. Если можно потом, когда верхом поедем, у магазина. Мне выпить бы купит чегонибудь.

– Понял, – утвердительно ответил Толик и чуть прибавил скорость.

Проехав немного и свернув на Больничный вал, Толик остановил машину у ярко освещенной витрины магазинчика с вывеской «Круглосуточно», – Подойдет?

– Конечно, – Сидор вышел из машины и зашел в открытую дверь магазина. Внутри все было заставлено пивными и винными бутылками. Не понимая как разобраться среди этого нагромождения, Сидор подошел к прилавку и спросил ярко накрашенную, грузную продавщицу: «А у вас коньяк есть? Армянский, например»

– У нас все есть, – почти не открывая рта, выдавила продавщица.

– Мне бутылочку, пожалуйста. И шоколадку, какуюнибудь, – и Сидор протянул ей деньги. Продавщица, не двигаясь, достала с витрины шоколадку и бросила на прилавок.

– А коньяк? – Сидор потянулся за шоколадкой.

– После одиннадцати алкоголь запрещено продавать, – повернув голову в сторону, лениво ответила продавщица.

– Кем запрещено? – не понял Сидор.

– Не знаю. Депутатами какими-то, – тем же безразличным тоном ответила дама

– А зачем тогда все бутылки эти у вас? – развел руками Сидор.

– А куда их теперь денешь?

– Узнаю тебя, Родина? – криво улыбнулся Сидор.

– Чего? – не поняла продавщица, поправляя руками грудь.

– Ни чего. Обойдусь без шоколадки, – и он быстро вышел на улицу. «А где шнапс?» – спросил Толик, заводя машину.

– После одиннадцати не торгуют. Безалкогольные проводы получились, – как-то грустно ответил Сидор.

– Подожди. У меня тут клиент вчера оставил, – и он, открыв бардачок, достал красивую бутылку. – Вот, смотри, Виски Чивас. Устроит? Он совсем немного отпил, и уснул. Тащил его потом на четвертый этаж на себе.

– Спасибо,– обрадовался Сидор. – Сколько я должен?

– Ни сколько, выпивка за счет заведения, – и он медленно выехал на дорогу. – Куда дальше?

– В парк, возле Анчаровской. Сразу за железнодорожными путями. Тут рядом, – указал рукой вперед Сидор.

– Да, знаю я. – Толик хорошо ориентировался в местности и уже минут через пять, машина свернула с дороги, въехала на аллею парка и остановилась. Сидор вышел, держа бутылку в руке, и осмотрелся вокруг. В парке было выключено освещение и видны были лишь только контуры отдельных деревьев на фоне освещенной дороги вдалеке.

– Стакан возьми, – подойдя сзади, Толик на ощупь протянул Сидору пластиковый стаканчик.

– Спасибо, – Сидор плеснул в него немного виски, постоял немного и выпил залпом. – Хорошо.– И опять налил, но уже больше. – Здесь, когда-то было старое драгунское кладбище. Во время войны с Наполеоном образовалось. Потом, наверное, лет через сто, устроили этот парк, снеся могилы. И только в стволах деревьев остались вросшие куски чугунных оград. Раньше здесь было много таких деревьев. Но и деревья эти со временем пропали. В прошлом году, проходил мимо и ни одного не осталось.

– Я и не знал про это. Хотя, в детстве, точно видел здесь такие деревья. Там дальше каток. Мы в хоккей здесь играли, – уважительным голосом произнес сзади Толик и отошел в темноту – Вот, нашел, кажется. Остался кусочек, – в темноте блеснул огонь зажигалки. Сидор подошел к Толику. Тот освещал толстый ствол дерева, глядя рукой по его коре. – Вот, смотри, похоже на ограду?

– Точно. Она. Здесь завитушка литая, – Сидор потрогал маленький кусок железа, торчащий из ствола. – Сохранилась. Наверное, последнее дерево. – И он, чокнувшись со стволом, медленно выпил стаканчик до дна. – Не зря приехали. Хорошо попрощался. Теперь можно и в аэропорт, – сказал Сидор и пошел к машине.

– Послушай, – догнал его Толик,– у нас времени вагон. – Там, километров десять-двенадцать от трассы на Баба дедово, в деревне, собака моя живет, одна. Не против, если заедем, консервы ей собачьи завезем? Час времени, туда-сюда.

–Без проблем, – ответил Сидор, садясь в машину.

– Сейчас, только ко мне домой заскочим, я консервы эти заберу. Заодно и поужинаем, – выезжая назад, на дорогу, сказал Толик.

– А чего там одна у тебя? – поинтересовался Сидор.

– Да, мне друзья как-то подарили на день рождения щенка породы бигль. У Елизаветы, английской королевы, даже такие есть. Охотничья собачка, с длинными ушами на коротких ножках. Вылитый кубик, так я его и назвал, – предаваясь воспоминаниям, заулыбался Толик. – А тут, я женился третий раз,– улыбка спала с его лица. – И моя невзлюбила Кубика. Заревновала ко мне. Вот и пришлось к бабке в деревню его эвакуировать. От греха подальше. Отвез, я его значит, а моя эта третья, через полгода ушла. Надоело, говорит, жить с таксистом. Интеллигентная. Английский язык знала. Секретаршей работала у какого-то босса. Э– ха-ха, – и он замолчал, задумавшись.

– А Кубика, что так в деревне и остался, – заинтересовавшись рассказом, переспросил Сидор.

– Представляешь. Не захотел уезжать. Я приезжаю за ним, зову в машину, а он ни в какую. Убегает сразу в лес, и не выходит, пока я не уеду. Понравилось ему там. А потом бабка моя умерла. А Кубик так один и остался жить в деревне, – Толик остановил машину на светофоре и закурил. – Летом он вроде сам пропитание добывает, кузнечиков ловит, лягушек, ягоды, грибы ест – охотничья же собака. А вот на зиму я туда ему консервы запасаю. – Загорелся зеленый, поехали дальше.

– Что ж он и консервы умеет открывать? – удивился Сидор.

– Нет, консервы ему Мишка Белорус открывает. Он где-то там, в другой деревне живет. У него свой трактор старый, марки Белорус, поэтому и кличка такая. Ну и когда мимо нашей деревни проезжает, дорогу там чистит от снега раз в неделю, он, значит, и покормит Кубика.

– Что ж он раз в неделю всего ест? – не понял Сидор.

– Почему, питается, как положено. Три раза в день. Мышей ловит из-под снега. Я же говорю охотничья собака. А консервы – это так, добавка к рациону. Все приехали, – Толик затормозил машину у старой двенадцати этажки. Точно такой, в какой жил Сидор в детстве, в первый приезд в Кваскву. И квартира была точна такая же, однокомнатная, малогабаритная, только на третьем этаже.

– Давай, я сейчас яичницу пожарю. Поужинаем заодно, – сказал Толик, входя на кухню и зажигая газовую плиту. Сидор сел, за маленький стол, поставив перед собой еще бутылку Чиваса.

– О, правильно. Возьми там над раковиной рюмки, – оглянулся Толик, разбивая в сковородку одно за другим куриные яйца. Сковородка весело зашипела, и по кухне пополз аппетитный запах яичницы с жареным луком. – Все, готово, – И Толик, перехватывая руками, поставил раскаленную сковородку на стол. – Сейчас хлеб нарежу.

Они сели друг против друга, над большой черной сковородкой с выпуклыми желтками глазуньи на дне. Сидор, разлил виски в две рюмки.

– Нет, только себе. Я же на работе, – Толик поддел большой кусок яичницы и засунул в рот. Сидор поднял рюмку: « За знакомство».

– Будем здоровы, – продолжая жевать, выговорил Толик. – Ты, давай закусывай, закусывай. Там тебе в Амстердаме, такую никто яичницу не приготовит. Моя фирменная.

Яичница действительно, оказалась очень вкусной. И они за считанные минуты очистили от нее сковородку. Толик все время подливал Сидору в рюмку, и в конце Сидора немного развезло и он, улыбаясь чему-то, откинулся на спинку стула и мечтательно произнес:

«Хорошо – то как сразу стало. Может и не уезжать ни куда?»

– Так и не уезжай. Если не хочешь. Хорошо там за границей. Но дома по любому лучше, – философски закончил Толик, убирая со стола сковородку и заливая водой.

– Нельзя мне оставаться здесь. Иначе в тюрьму посадят, – тяжело вздохнул Сидор, и он выпил еще одну рюмку.

– У-у-у, – Толик внимательно посмотрел на Сидора. – Тогда забираем консервы и поехали, – и он вытащил из-под мойки два увесистых картонных ящика.

– Я помогу, – Сидор встал из-за стола.

– Не надо, ты бутылку свою забирай, газ проверь, свет выключи, и дверь закрой на ключ. – Толик, взяв оба ящика, направился к выходу. Сидор потрогал рукоятки газовой плиты. Взял со стола бутылку и пошел следом за Толиком.

Начинало светать. Они выехали за город и мчались по шоссе в сторону Бабадедово.

– Сейчас через три километра свернем на грунтовку и там еще километров двенадцать лесом, и мы на месте, – прокомментировал маршрут Толик. – Сейчас погода сухая, без проблем доедем. А вот когда дожди начнутся, все, дорогу развезет не проедешь. Что там за прогноз погоды обещают, послушаем, – Толик потянулся к приемнику, включил, сначала заиграла музыка. Он покрутил тюнер и из приемника раздался голос диктора: «А сейчас передаем прогноз погоды. До конца недели. В Кваскве и области установилась сухая, малооблачная погода. Это и есть так называемое бабье лето. Удачного дня», – диктор замолк, и опять заиграла музыка.

– То, что и требовалось доказать, – обрадовался Толик.

– А как же туда люди в дожди проезжают? – спросил Сидор и отхлебнул из бутылки Чиваса.

– Никак. Дожди пойдут все, болото там. Теперь только или зимой на лыжах. Или жди следующего лета. Вот поэтому я и делаю сейчас запасы Кубику, – ответил Толик и закурил.

– А как же там люди живут? – Сидор хотел сделать еще глоток, но остановился.

– Люди в Ете не живут. Кроме Кубика конечно. Но Кубик привык уже, – как само собой, ответил Толик.

– Что такое Еть? – не понял Сидор.

– Деревня. Куда мы едем. Да какая там деревня. Пять заброшенных домов, да здание бывшего сельсовета. В котором когда-то раньше барин жил. Давно, до революции конечно, – Толик притормозил и стал сворачивать налево, в лес, – вот и начинается наша дорога на Еть. Видишь, когда сухо она не хуже асфальта, – и Толик прибавил газу.

– Ты же говорил, что там Белорус какой-то еще? – вспомнил Сидор.

– Мишка, что ли? Нет, он дальше километрах в трех живет. Там еще две деревни есть, Березовка и Сосновка. Не знаю точно, в какой он из них. Да и там тоже человек десять стариков осталось не больше.

– Так, а они как оттуда до Квасквы в дождь добираются? – явно заинтересовавшись этим вопросом, спросил Сидор.

– Никак. Это же другая область. Язанская. Зачем им в Кваску ездить, если у них там до райцентра тридцать километров. А если до Квасквы, в объезд, все сто пятьдесят будет. А этой грунтовой, наверное, один я и пользуюсь. Давай, остановку сделаем, – и Толик нажал на тормоз. Машина остановилась. Он выключил зажигание и вышел. Сидор тоже открыл дверь.

– Хорошо, то, как здесь, а, – Толик с удовольствием потянулся. Сидор тоже вылез из машины.

– Тут грибов, видимо невидимо, – Толик заглянул под куст, – О! Я же говорил, – и радостный вытащил оттуда большой переросший подберезовик. – На пенсию уйди. Сюда перееду жить.

– Послушай, а мы не опоздаем в аэропорт? – забеспокоился Сидор.

– Нет, не беспокойся. Нам к девяти га регистрацию, а сейчас только семь. Тут десять километров осталось до Ети. Разгрузимся и обратно.

– Поедем все – таки. Мне нельзя опаздывать, – и Сидор пошел к машине.

– Как скажешь, – Толик сел за руль, включил зажигание и дальше они ехали молча, пока не закончился лес и выехали на небольшое поле заросшее высокой, сухой травой, за которым виднелись несколько почерневших от времени деревенских домишек.

– Вот она и есть наша Еть, – засеяв лицом, прокомментировал Толик и остановил машину у крайней избы, сложенной из черных бревен и крытой деревянной дранкой. – Это мой дом, от бабки достался. Крышу все никак не перекрою по– новому.

Сидор вышел и огляделся по сторонам. По деревне шла единственная улица из пяти таких же старых покосившихся домов. За домами, где должно быть раньше были огороды, все было покрыто зарослям-антеннами высоченного борщевика. Дальше огороды заканчивались, не то полем, не то лугом, тоже заросшим каким-то бурьяном. А еще дальше, на пригорке виднелись еще какие-то деревенские строения.

– Это и есть Сосновка или Березовка, – увидев направление взгляда, прокомментировал Толик. – Нет, вот там кажется Березовка, – и Толик показал пальцем правее, где на другом холме выглядывали такие же деревенские постройки под большими, ветвистыми березами. – А мы значит здесь, между ними в низине устроились, – закончил Толик описание района.

– А теперь пойдем, покажу нашу достопримечательность, – и Толик, взял Сидора под руку отвел метров сто в сторону. – Вот, смотри. Историческое можно сказать сооружение. Бывший барский дом, потом здесь, кажется, школа была, сельсовет и еще чего-то. – Перед ними

стоял действительно выделяющийся по архитектуре двухэтажный дом, с большими красивыми окнами на втором этаже, в обрамлении искусно вырезанных наличников. Первый этаж дома был кирпичный и выкрашенный белой краской. Второй, сложен из толстых прочных бревен. Крыша была покрыта уже сильно поржавевшим и давно не крашеным железом, с декоративным слуховым окошком над входом, тоже в резных наличниках. Этот дом смотрелся здесь, как что-то случайно прилетевшее из другого мира. Сзади раздался радостный лай и из зарослей борщевика вылез коротконогий, светлый с коричневыми пятнами пес, с длинными охотничьими ушами и помчался на прямых, не сгибающихся ножках в направлении Толика, вертя хвостом, похожим на пятую ногу, только торчащую вверх.

– Ах, ты мой родной Кубик, – Толик присел на корточки и пес с разбегу бросился к нему, повизгивая и облизывая длинный розовым языком его лицо и руки. – Соскучился, засранец. А я тебе консервы привез. Запас, к зиме, – обнимая и глядя собачку, радовался встрече Толик. – Познакомься, это Сидор. Он в Америку скоро улетит, – он повел в сторону Сидора рукой и Кубик, как по команде подскочил к нему и радостно лая стал бегать вокруг, играя.

– Ну, хватит, хватит, разошелся. У нас времени мало, – потрепал собаку за ухом Толик, – Пойдем, занесем консервы, и я тебе свой дом внутри покажу. Они вытащили из багажника ящики, и поднялись на крыльцо по скрипучим, шатким ступенькам. Толик пошарил наверх, над дверью рукой, вытащил ключ и открыл им железный, навесной замок.

– Света нет, аккуратно, – раздался из темноты дома его голос. Потом внутри отворилась следующая дверь, и стало немного светлее. Сидор вошел следом и прошел на свет в достаточно большую и единственную комнату в доме, в три окна на одной стене. Слева в углу, стоял кухонный стол с газовой плитой подключенной резиновым шлангом к баллону и рукомойником, прикрепленным к стене над пластмассовым тазом. Вдоль всей стены тянулась широкая деревянная лавка, с ватным матрацем брошенным сверху. Из– под лавки торчали старые сапоги, валенки, плетеные корзины, и железные ведра. Посередине комнаты, под свисающей лампочкой без абажура, стоял большой обеденный стол накрытый клеенкой. В углу, напротив входа, висела иконка с темным ликом в самодельном окладе из фольги. А у противоположной стены, выступала вперед невысокая кирпичная печь, с двумя конфорками и толстой прямоугольной трубой уходящей вверх.

– Вот так мы и живем, – ставя на стол ящик, сказал Толик, – Нравится?

– Нормально вроде, – согласился Сидор.

– Ничего лишнего. Готовлю и умываюсь здесь, – он указал на маленький стол с плитой и рукомойником. Сплю на лавке. Очень полезно кстати. Если холодно, вот печка, взял, затопил. Во дворе, в сарае дрова. Там лет на десять запас. Так, что войну можно переждать.

– Какую войну? – не понял Сидор, ставя ящик на стол.

– Любую. Там еще в огороде за домом погреб, – уточнил Толик. – И туалет рядом.

В это время за окнами, на улице вдруг стало темнеть, комната погрузилась в полумрак, контуры предметов стали не четкими, и лишь мерцание фольги на окладе иконки отражал какой-то слабый свет.

– Что это? – недоуменно спросил Сидор.

– Не знаю, – прошептал Толик, – Что-то на улице. Надо посмотреть, – и он осторожно, на ощупь пошел к выходу. Дверь скрипнула и открылась, но света от этого не прибавилось. Постояв минуту, Сидор тоже стал двигаться к двери. Выйдя на крыльцо, он увидел большую черную тучу, надвигающуюся на них по всему горизонту от Сосновки до Березовки.

– Ведь, они же сказали, что не будет дождя, – тряся руками, протянутыми в сторону тучи, застонал Толик.

– Что? – Сидор, еще ничего не понимая, оглянулся на Толика.

– Бежим быстрее, может, успеем, – крикнул Толик и бросился к машине. Сидор до конца, не понимая суть происходящего, продолжал смотреть вверх, на надвигающуюся катастрофу.

– Ну, что ты там стал, давал быстрее, – заорал Толик, включая зажигание. Сидор, вмиг скатился с крыльца и запрыгнул в машину. Толик выжал газ, с визгом развернулся и они понеслись через заросшее бурьяном поле, к лесу, в сторону от надвигающейся тучи.

Дождь настиг их, как только они въехали в лес. Он сначала упал крупными, тяжелыми каплями громко стуча по капоту. А потом обрушился водопадом с такой силой, что бешено работающие дворники, перестали справляться. Дорогу исчезла из вида, и Толик остановил машину.

– Все, приехали, – и он положил голову на руль.

Как приехали, – не понял Сидор, – нам же в аэропорт надо. Толик повернул голову к Сидору и обреченно произнес: « Не попадем мы сегодня в аэропорт. Может, и завтра не попадем».

– Послушай, мне надо обязательно. Если я не улечу, то они схватят меня и посадят в тюрьму, – умоляюще проговорил Сидор.

– Кто они?

– Гэбешники. Они меня дали 24 часа, чтобы я уехал из страны. Понимаешь?

– А-а-а. Вот значит ты кто, – криво усмехнулся Толик.

– Кто я? – переспросил Сидор.

– Американский шпион значит, – закончил Толик и, прищурившись, посмотрел на Сидора.

– Сам ты, мудак, – выкрикнул Сидор и, открыв дверь машины, выпрыгнул наружу под нескончаемые потоки воды льющиеся сверху. Постояв мгновение, Сидор ничего, не соображая, бросился бежать вперед, с трудом различая колею дороги. Но пробежав немного, соскользнулся и упал в липкую глинистую жижу. С трудом поднявшись, попробовал еще идти, но вместо дороги под ногами разлилось жидкое и вязкое болото. Он опять упал. На четвереньках отполз в сторону леса, и обессилено сел на землю, прислонившись спиной к толстому стволу дерева.

Дождь закончился, наверное, через час. Сидор все также сидел, прислонившись к дереву. Где-то в стороне раздавался нервный сигнал автомобильного клаксона. Это Толик подавал ему знак, где стоит машина. Но Сидору, похоже, было уже все равно.

– Ну, чего ты? – раздался через какое-то время над ним голос Толика, – Пойдем в деревню. Печь затопим, обогреемся. Подумаем, как дальше жить, – и он протянул ему руку. Сидор, сам поднялся и, не обращая внимания на Толика, пошел вдоль дороги в сторону видневшейся впереди машины. Подойдя к ней, остановился, разглядывая полностью увязшие в грязи колеса.

– Нет. Ее трактором теперь тащить надо. Пойдем в деревню. Мишку Белоруса будем ждать. Без него здесь в округе никто нам не поможет.

– Там сумка моя, – показал на багажник Сидор.

– Пусть лежит. Багажник закрыт и никого здесь нет кроме нас, – сказал Толик и пошел вперед, вдоль леса над дорогой. Сидор постоял и пошел следом. Выйдя из леса, они еще раз попали под дождь, но не такой уже сильный. А на подходе к деревне, к ним на встречу из зарослей борщевика радостно лая выскочил Кубик, и они уже втроем добрались до дома Толика. Толик быстро растопил печь. Они, сняв верхнюю одежду, бросили ее сушиться прямо на пол, рядом с печкой. Потом Толик вскипятил, и заварили чай из листьев зверобоя, развешанного пучками на веревке под потолком избы. Пожарили картошку, запас которой хранился в погребе, за домом. Поужинали, все также молча. Накормили консервами, обалдевшего от счастья Кубика и когда стало темнеть, так и не сказав друг другу ни слова, легли один за другим на лавку и сразу уснули. Так закончился, этот как потом оказалось знаковый для Сидора день.

– Проехал, проехал, – истошно орал Толик, пытаясь влезть в кроссовки. Одев, кое – как только одну он, держа вторую в руке, выбежал из дома. Сидор сел на лавке. Где-то вдалеке слышалось удаляющиеся таракание трактора. Сидор вышел на крыльцо. В гору, по раскисшей дороге, взбирался синий колесный трактор, отбрасывая за собой куски отлипшей от колес глины. Внизу стоял Толик, что-то кричал в направлении трактора и размахивал над головой кроссовкой. Потом он развернулся, махнул рукой и стал возвращаться. Откуда-то из кустов выскочил Кубик и звонко лая помчался вслед за уезжающим трактором.

– Проспали. Уехал Мишка. Когда теперь вернется, – раздраженно высказал Толик, подходя к дому, одевая по ходу вторую кроссовку.

– А чего нельзя позвонить? – Сидор достал из кармана мобильник.

– Здесь связи нет. Здесь почти необитаемый остров. Не понял что ли, – сказал раздраженный Толик, проходя в дом. Сидор посмотрел на экран телефона, там были два пропущенных вызова от неизвестного абонента. «Уже ищут», – подумал он тяжело и совсем отключил телефон. Постояв еще немного, оглядев унылую округу, он тоже вернулся в дом. Толик возился у плиты, разогревая чайник. Сидор подошел к углу где висела иконка с темным неясным ликом. – «А кто тут изображен?» – спросил он пытаясь разглядеть картинку.

– Не знаю. Бог, наверное, – не оборачиваясь, ответил Толик, запихивая в чайник целый пучок зверобоя. – От бабки осталась. Давай умывайся, там, в рукомойнике вода. Чай будем пить, – сказал успокоившийся немного Толик, ставя чайник на стол. В это время во дворе раздалось сильное таракание мотора. Толик метнулся к окну и радостно произнес: «Мишка вернулся. Сегодня день удачный обещает быть». Дверь распахнулась, и в комнату вошел довольно крупный, немного опухший на лицо мужчина, в кирзовых сапогах и в телогрейке на голое тело, с потухшей сигареткой во рту. Это и был Мишка Белорус. Следом за ним, виляя всем телом, перелез через высокий порог, радостный Кубик.

– Здорово, мужики, – улыбнулся Мишка, распространяя вокруг себя сладкий запах свежеего перегара. – А, я это смотрю, что-то Кубик за мной увязался. Думаю, значит, что-то не так. Кубик, умная тварь, просто так до Березовки не побежит. Разворачиваюсь, возвращаюсь, а тут гостей полна хата, – сказав это, Мишка протянул Толику громадную ручищу. – Машина, поди, в лесу осталась, увязла? – хохотнул Мишка. – А, я в Березовку ехал. Там огороды пахать пора. Дня на два работы. Да, потом, глядишь и запили бы дня на три. Скажите Кубику спасибо, а то долго вам пришлось здесь чай со зверобоем гонять. Миша, – обращаясь к Сидору, сказал Мишка и протянул свою ладонь-ковш.

– Очень приятно, Сидор, – и он с трудом обхватил своей рукой, только три пальца Толикой ладони.

– Чего, приехали то? – Мишка, уселся на лавку между окон. – Дай, огоньку, – добавил он, почмокивая ртом с потухшей сигареткой.

– Да, вот Кубику консервы привезли. На зиму запас. Ты уж как проезжать будешь мимо, не забудь покормить, – ответил Толик, поднося к сигаретке зажженную спичку.

– Не забудешь с ним. Он сам всегда напомнит. Так, что далеко машина увязла?

– Нет. Рядом. Километра три отсюда.

– Ну, поехали тогда, а то меня бабки там, в Березовке уже третий день ждут, – почесав затылок, вставая, сказал Мишка.

– Может, чаю выпьешь? – предложил Толик.

– Чай не водка, сам знаешь, – открывая дверь, закончил Мишка.

– Может я с вами? Тоже помогу, – приподнимаясь из-за стола, сказал Сидор.

– Не, там в тракторе только вдвоем еле-еле. Будь здоров. – попрощался Мишка и вышел. Толик с Кубиком выбежали следом за ним. Сидор отхлебывая из большой алюминиевой чашки крепко заваренного зверобоя, подошел к окну и наблюдал как они развернулись на тракторе во дворе и поехали через поле, в сторону леса, вместе с прыгающим рядом Кубиком. Сидор вер-

нулся к столу, достал из нагрудного кармана паспорт и кошелек. В кошельке, оставалось еще несколько тысяч наличными и кредитная карта. Он вытащил деньги и вложил их в паспорт, а кошелек с кредиткой снова убрал в карман. Потом вышел из-за стола и огляделся по сторонам. Взгляд остановился на иконке в углу. Сидор подошел, дотянувшись рукой до полочки, на которой стояла иконка, и засунул за нее паспорт с деньгами: « Пусть, здесь полежит. Так надежней будет», – подумал он вслух и, вернувшись к столу, принялся допивать уже остывший чай.

В Кваскву они возвращались объездной дорогой по Язанской области. И здесь, после утреннего дождя тоже на дороге встречались огромные лужи. Раза три, Сидору приходилось выходить и подталкивать буксующую машину. Один раз даже цепляли к грузовику тросом и тащили. Так, что километров двести ехать пришлось больше пяти часов и только к вечеру они въехали в Кваскву.

– И куда ты теперь? – с сочувствием спросил Толик, узнав за время пути всю историю Сидора, случившуюся с ним вчера утром.

– Не знаю. Где-то надо отсидеться пока. Потом видно будет, – задумался Сидор.

– Хочешь, поживи у меня? Я сейчас один, в разводе. И вообще редко дома бываю, – предложил Толик.

– Да? Это вариант, конечно, – приободрился Сидор. В это время зашипела рация, закрепленная на торпеде, и раздраженный женский голос произнес: « Толик, Толик. Ответь диспетчерской».

– Да, я на связи, – Толик протянул ко рту трубку рации.

– Ты, где болтался, – зло спросила женщина из рации.

– Сломался я, в области. Там связь плохая, – соврал Толик.

– Связь плохая, связь плохая. Тебя тут приходили в парк, искали уже.

– Кто?

– Старший лейтенант какой-то из ГБ. Ты куда своего ночного клиента отвез, который в Бабадедово заказ делал? – спросила рация.

– Я? – Толик, резко затормозил и остановился у обочины.

– Ты, опять пропал, – раздался раздраженный голос диспетчера.

– Не пропал я. Здесь я. А клиента, я в аэропорте оставил, еще утром, – не сразу сообразил Толик с ответом.

– Это ты не мне будешь объяснять. Давай возвращайся в парк. Я им отзвоню, что ты едешь. Конец связи, – рация зашипела и отключилась.

– Вот так, парень. Нельзя теперь тебе ко мне, вычислили суки, – зло произнес Толик.

– Да. Что же делать? – первый раз за все время Сидор вслух произнес этот мучающий его второй день вопрос. – Я же теперь как вне закона получается. Никто, нигде не примет.

– Да, ладно тебе. Вон, бомжи живут же как-то, без прописки и регистрации. Годами и ничего, – преувеличенно уверенным тоном сказал Толик.

Да? А ведь точно. Есть у меня один знакомый, – ухватился за спасительную мысль Сидор.– Слушай, ты меня до метро Западного не подбросишь. Это не далеко ведь.

– Поехали, – и Толик, тронул машину вперед.

– И можно, я свою сумку у тебя оставлю пока? – спросил Сидор, додумывая ситуацию.

– Хорошо. Только ты мне не звони. Твой телефон они прослушивают наверняка. Если понадобится, ты к дому приходи и жди меня у подъезда на лавочке. Помнешь адрес? – Толик взглянул на Сидора.

– Помню, – махнул головой Сидор. – Ты тогда меня здесь у моста высади, дальше я пешком. – Ткнул пальцем вбок Сидор. Толик остановил машину. Сидор выбрался наружу.

– Давай парень. Держись. Не унывай, – натянуто улыбнулся Толик через опущенное стекло. Сидор махнул рукой, и машина с Толиком помчалась по дороге.

Сидор прошел немного вперед и остановился у моста через канал. Достал кошелек, открыл, пересчитал деньги. Подошел к рядом стоящему ларьку, купил мороженое и колу. Опять вернулся к мосту, дошел до середины, облизывая мороженное. Остановился, рассматривая течение воды в канале и произнес: «Вот тебе бабушка и Амстердам. Выходи, приехали. Ха-ха-ха». Отхлебнув колы, достал из кармана телефон, включил. Тут же трубка завибрировала, и появилась надпись «у вас двадцать новых сообщений». Сидор включил входящие. Все сообщения были с одно и того же номера. Сидор открыл первое.

«Куда ты пропал гондон? Тебя же предупреждали. Не вздумай остаться в стране. Агроном». Сидор быстро, одним пальцем, набрал ответ: «Сам ты, гондон». Нажал «отправить» и выбросил телефон в воду канала. Постояв еще немного с удовольствием вдыхая освежающий, воздух, идущий от воды, развернулся и быстро зашагал в сторону метро.

Не доходя до метро, он свернул к банку и остановился у вмонтированных с улицы банкоматов, решив снять деньги с карты, пока кредитку не вычислили гэбешники. «Ваш остаток средств восемьдесят две тысячи», – высветилось на экране. Он набрал всю сумму, но банкомат сообщил, что максимальная одноразовая выдача, сорок тысяч. Сидор заказал сорок и через какое-то время с облегчением услышал шелест купюр в считывающем устройстве. Забрав первые деньги, он еще раз заказал сорок. Банкомат задумался на какое-то время, а потом с громким, противным попискиванием сообщил, – «Ваша карта заблокирована. Вы не можете получить деньги». «Суки. Пробили уже и банковский счет», – зло подумал Сидор и попытался вытащить карту назад. Но кто-то внутри банкомата крепко, как будто пассатижами вцепился в нее и карта не вынималась. Сидор с досадой махнул рукой, оставив карту, сбежав вниз по ступеням на тротуар, и быстро пошел в сторону метро.

Василия он разглядел сразу, среди массы спящего у входа народа, по черной ковбойской шляпе которую он не снимал ни зимой ни летом, в любую погоду. Сидор не подходя близко, помахал ему рукой. Василий подошел, сделав удивленное лицо: «Ты же на улицах Амстердама уже должен кайфовать?»

– Не получилось. Опоздал на самолет, – оглядываясь по сторонам, ответил Сидор. – Послушай Вась. У меня, похоже, проблемы с властями. Можно я среди ваших поживу? – и Сидор пристально посмотрел на Василия.

– Почему, нет. Тебя я знаю. Ты парень нормальный. Твои проблемы меня не интересуют. У нас многие с такими проблемами живут и ничего. Когда хочешь переехать во дворец? – усмехнулся Василий.

– В какой еще дворец? – не понял Сидор.

– С золотыми стенами и потолком из сапфиров. В пристанище нищих и бомжей. Что за вопросы задаешь начальник.

– А-а-а. Извини, не понял шутки юмора. Да хоть прямо сейчас, – расслабившись с радостью, ответил Сидор.

– Подожди, я ребят предупрежу, – и Василий отошел в сторону к кучке бомжей сидевших на гранитном ограждении у входа в метро с пластиковыми стаканчиками в руках для сбора милостыни. Что-то сказав им, те в ответ громко заржали, Василий вернулся к Сидору.

– Пошли, будем поселять тебя, – проходя мимо, не останавливаясь, бросил Василий. Сидор двинулся следом за ним, обратно, в сторону моста через канал. Подходя к банку, вдруг раздался вой сирены и на площадь въехали несколько полицейских машин с включенными проблесковыми маячками. Из машин высыпали спецназовцы с автоматами, в черных комбинезонах с надписью на спине «Антитеррор» и окружили цепью здание, направив автоматы на вход в банк. Сидор остановился и почувствовал, как внутри у него все сжалось.

– Давай, давай не останавливайся. Они не любят любопытных, – скомандовал Василия, и Сидор инстинктивно отворачивая голову от полицейских, прибавил хода, догнал Василия.

На мосту через канал, скопился народ, стоящий и что-то рассматривающий внизу. Подойдя ближе они с Василием пробрались к ограждению. Внизу, на воде, в том месте куда Сидор выбросил свой мобильник, стояло несколько полицейских катеров с которых в воду прыгали люди в черных облегающих костюмах с аквалангами за спиной.

– Это, олигофрены тут свои деньги награбленные затопили, а вот наша полиция их теперь ищет, – прокомментировала какая-то старуха, стоящая сбоку от Сидора.

– Какие еще олигофрены, – не понял, высокий, небритый мужик, стоящий в толпе, обдавая сверху окружающих запахом не то чеснока, не то лука.

– Которые самые богатые в стране, – добавила разъяснение старуха.

– Олигархи, что ли, – перевел мужик.

– Какая разница. Жулики одно слово, – зло парировала старуха.

– Пошли, пошли, – потянул Сидора за рукав Василий. – Ты чего так побледнел. Тебя что ли ищут?

– Меня, похоже, – пересохшим горлом выдавил Сидор. Василий внимательно посмотрел на него, – Тогда тебе здесь оставаться не рекомендуется.

– А что же теперь делать? – растерялся Сидор.

– Ничего. Поедем в другое место. Там где тебя не узнают. Ты в районе метро Луговая часто бывал?

– Нет. Вообще ни разу. Это другая ветка, – ответил Сидор.

– Вот там теперь и будешь обитать. Поедем дальше на трамвае. У него как раз на Луговой конечная, – и Василий пошел к трамвайной остановке, коробочка которой стояла за мостом на дороге. Сидор, еще раз оглянулся назад, на канал, где вынырнувший из воды аквалангист размахивал над головой его мобильником.

– Нашли все-таки, – радостно завопила старуха.

– Трамвай подходит. Поторапливайся, – Сидор обернулся на голос Василия, быстро идущего к остановке, на которую со стороны парка подходил красно-желтый трамвай. Сидор бросился догонять Василия. Трамвай остановился, и они запрыгнули в полупустой вагон.

– Там на Луговой, тебе конечно не Амстердам. Но тоже надеюсь, не скучно будет, – Василий усмехнулся и похлопал по плечу Сидора. Трамвай, зазвонив колокольчиком, и тронулся вперед.

С этого дня, точнее с вечера началась новая, другая жизнь Сидора. Ночлежка куда привел его Василий, располагалась в подвале старой пятиэтажки, под потолком которого походили трубы отопления и постоянно журчащий канализационный коллектор.

– Шум прибора над головой и зимой тепло, – указав рукой на трубы, прокомментировал Василий, – и от метро, как заметил десять минут ходьбы. – Там будешь сидеть, попрошайничать. Денежное место, – закончил Василий, крутя ручку выключателя от чего в подвале загорелась единственная тусклая лампочка под потолком. Подвал был разделен несколькими фанерными перегородками на отсеки, где на полу валялись старые матрасы и стояли набитые вещами бомжей, большие сумки – весь их скарб. Посредине, на деревянных козлах лежало дверное полотно, приспособленное под стол.

– Вот здесь и будешь жить, – сказал Василий, подводя Сидора к одному из отсеков, явно сейчас пустовавшему. – Пойдем, матрас тебе выдам, – и он подошел к закрытой на замок двери в маленькую коморку отгороженной от общей площади подвала. Достал ключ, открыл дверь и включил достаточно яркий свет. В камере стояла старая железная кровать под покрывалом с тумбочкой у изголовья. Напротив, на журнальном столике, небольшой телевизор, а из-под стола выглядывала дверка мини-холодильника.

– Это моя хата, – развел руками Василий, – Правда, я здесь бываю редко, раз-два в месяц. Когда за деньгами приезжаю. Но тебя пока поселить сюда не могу. Должен пообжиться,

с людьми сойтись, зарекомендовать себя. Тогда может быть я тебя, и старшим здесь поставлю, и будешь жить с комфортом, – рассказывал план поведения Сидору, Василий, доставая из-под кровати скрученный матрац и солдатское одеяло. – У тебя теплые вещи есть? – спросил Василий, – Завтра уже похолодание обещают до нуля.

– Нет, я все в машине оставил, – огорченно махнул рукой Сидор.

– Сейчас посмотрим, – и Василий, отдернув шторку над кроватью, где на вмонтированных в стенку полочках лежали разные вещи и предметы. – Вот померяй, – и он вытащил немного потертый свитер крупной вязки с высоким горлом, почти такой же, как у Хемингуэя на известной всем фотографии. – Это, мой. После химчистки, не переживай. Так, а вот на голову у меня для тебя ничего нет, – задумчиво продолжил Василий, рассматривая содержимое полка. – О, нашел, – и он протянул Сидору, вязанную цветную шапочку, с косичками вместо завязок.

– Это же детская какая-то или женская, – скривился Сидор.

– Какая детская? Ты теперь бомж. Носить должен все, что попадается. Давай, давай. Одевай, – и он натянул шапочку на голову Сидору, – А голова в тепле должна быть. Забирай матрац. Относи к себе, и пойдем с ребятами знакомиться.

Они вылезли из подвала через аварийный вход и вернулись к метро Луговая. Там на лавочке, в сквере, собралась компания из человек пяти бомжей, с которыми теперь Сидору предстояло жить и делить ночлег. Василий быстро их познакомил, не вызвав при этом у бомжей никаких эмоций. Но после того как он вытащил сотню и протянул чернявому с заросшей кучерявой головой бомжу сказав: «На Цыган, сбегай в магазин. Купи две пол-литра. Сидор сегодня проставляется». – Бомжи радостно загалдели, хлопывая Сидора по плечам и спине с ободряющими возгласами «Наш пацан сразу видно. С нами Сидор не пропадешь». И вся компания поспешила в подвал-ночлежку.

В эту ночь Василий остался ночевать в подвале. Он еще раз отправлял Цыгана за водкой. Всем было весело. Болтали, пели шансон. Вспоминали, что-то из прежней жизни. Потом двое подрались, но их тут же разняли. Потом отключился свет. В конце, все расплзлись по своим отсекам, и уснули. На следующее утро резко похолодало. Так, что Сидор не раздумывая одел свитер и шапочку с косичками.

– Потом, подберем тебе что-то из верхней одежды. «Ну, привыкай», – сказал на прощанье Василий, спускаясь вниз в метро на станции Луговая. А Сидор с пластиковым стаканчиком устроился вместе с Цыганом на деревянном ящике недалеко от входа в метро.

Так теперь для него начиналось каждое утро. Они по очереди с Цыганом дежурили у метро, собирая подаяния, отходя на время погреться в подвал. Остальные тоже где-то промышляли попрошайничеством, сбором стеклотары и алюминиевых банок. Рылись на помойках, выискивая старые вещи и остатки еды. Вечером все уже, как правило, пьяные, собирались в подвале. Каждый должен был внести «в общак», стеклянную трехлитровую банку, спрятанную за кирпичами в углу, по двадцать рублей за день проживания в ночлежке. Раза-два в месяц приезжал Василий за деньгами и каждый раз, ругался за то, что их всегда оказывалось меньше положенного: «А ментам чем я должен платить, что бы вас здесь не трогали, – пересчитывая мелочь из банки, возмущался Василий и, назначая старшим кого-то другого из бомжей, уезжал до следующего раза. Жизнь в подвале не отличалась разнообразием – пока светло бродили по улицам, вечером недолго играли в карты или домино, если не были совсем пьяными, и потом расходились по своим отсекам. Все хвалили эту ночлежку и старались соблюдать правила общежития так сказать. Тем более Василий тут же выселял, если кто-то начинал борзеть. С каждым днем становилось все холоднее. В середине октября в доме включили отопление, в подвале стало даже жарко. Но при этом запах от бомжей, их вещей хранящихся в отсеках становился все более тяжёлый. Сам Сидор, раз в неделю обязательно ходил в городскую баню. Стараясь раздеваться, где нибудь в уголке, подальше от народа. Чувствуя, что запах этот начал проникать и в его одежду.

– Да, ничего, только вот к запаху ихнему никак привыкнуть не могу, – пожаловался раз Сидор Василию в один из его приездов.

– А ты представь, что в сортире живешь, – посоветовал Василий.

– Это как? – не понял Сидор.

– А так. Можно подумать от твоего в сортире розами пахнет. Там, то ты дышать и ничего – съязвил Василий. Но совет оказался дельным. Сидору понравилось эта идея Василия, и через какое-то время он совсем перестал обращать внимание и на этот запах. Недели через три Василий, распек за недобор денег «в общак» очередного бомжа и назначил старшим Сидора. К момент следующей сдачи, как всегда не хватило рублей сто– сто пятьдесят. И Сидор доложил из своих, философски подумал: «За все рано или поздно приходится платить». Василий похвалил его, но не разрешил пока перебраться в отдельную комнату. «Тебе еще надо расположение их заслужить. Что бы они в тебе настоящего, а не назначенного жожа почувствовали, – объяснил свой отказ Василий. И такой случай скоро представился. У входа в метро были две мирно сосуществующих группы попрошайек – наши бомжи и так называемые «беженцы», женщины, мужчины прилично одетые, стоящие с табличками с просьбой дать денег на билет к маме или на операцию ребенку. И вот однажды у метро появились две девицы с лошастью. Настоящей гневной кобылой оставляющей за собой большие кучи навоза. Девицы держали в руках картонку с надписью «Помогите лошади на корм». И народ стал просто заваливать их деньгами, не обращая никакого внимания ни на бомжей, ни на «беженцев». Сидор в это день простыл и остался в ночлежке. Вернувшиеся погреться бомжи, объяснив ему ситуацию с лошастью и, стали требовать, что бы он пошел и разобрался.

– Это наша территория. Здесь все поделено давно. Они с лошастью, должны у метро «Беговой», работать, у ипподрома. Им же государство за лошадь по тысячи рублей доплачивает в день! Это беспредел полный, – доказывали они, перебивая друг друга Сидору, почему он должен разобраться с не зваными гостями. Сидор ничего не оставалось, как пойти к метро. Лошадь выглядела хорошо откормленной и чистой. Стояла и безразлично размахивала хвостом. Девчонки, поставив табличку у коробки для сбора денег, сидя на их ящиках, курили и болтали о чем-то своем. Из-за угла, с опаской за этим наблюдали бомжи, зло переговариваясь друг с другом. Но, не подходили близко к месту разборки. Эта картинка, с наглой лошастью, безразличными девицами и трусливыми бомжами, почему то привела Сидора ярость. Он подошел к девицам, наклонился и тихо произнес: «Если вы сейчас не уйдете отсюда. Я вон оттуда, – Сидор показал на противоположный угол дома, – Выстрелю в вашу лошадь из духового ружья стрелой отравленной ядом гюрзы и потом вам придется вызывать эвакуатор, чтобы забрать отсюда ее труп, – и Сидор сплюнул под ноги. – Понятно? – закончил он, злым и презрительным взглядом смотря на девиц.

– Дурак. Сумасшедший, – девицы в испуге повыскакивали с ящиков и, схватив за уздцы лошадь, потащили ее по дороге от метро, не забыв прихватить коробку с пожертвованиями. С тех пор лошадь больше не появлялась у метро. Авторитет Сидора в глазах бомжей вырос невероятно. Василий тоже оценил его поступок и разрешил Сидору перебраться в комнату не вызывая нарекания со стороны бомжей. Теперь по вечерам, посидев немного с бомжами и послушав одни и те же истории из прошлой их жизни, Сидор уходил к себе, включал телевизор и бессмысленно смотрел однообразные сериал про честных ментов.

В начале ноября резко похолодало. Температура воздуха установилась стабильно ниже нуля. Выпал первый снег, который лежал тонким слоем и не таял на газонах и кустах в парке. Василий привез для Сидора большой китайский пуховик, от которого так кисло, пахло, что Сидор, не смотря на уже привычку к подобным запахам, не смог заставить себя, его одеть. Он решил съездить, навестить Толика, у которого осталась его сумка и зимнее пальто. Два раза

ездил безрезультатно. В квартиру звонить не решился, а стоял, дожидаясь на улице, у подъезда пока не замерзал. На третий раз, ближе к вечеру у подъезда остановилось желтое такси Толика.

– Толик, – обрадованно крикнул Сидор. Но Толик прикрыв рот рукой и испуганно посмотрел по сторонам: «Тихо, не ори. Там за углом магазин. Иди туда. Я скоро подойду», – произнес он, в полголоса проходя мимо Сидора.

Сидор уже сильно замерзший, с удовольствием зашел в магазин. Прохаживаясь, между витринных полок, он согревался, растирая озябшие руки.

– Тебе чего здесь надо? – раздался грубый голос. Сидор обернулся. Сзади стоял охранник, держа в руке дубинку и похлопывая ей по ладони другой руки.

– Ничего не надо, – растерянно ответил Сидор.

– Тогда вали отсюда. Нечего сюда греться ходить, – зло сказал охранник, делая шаг в направлении Сидора.

– Я зайца хотел купить, – первое, что пришло на ум, сказал.

– Мы зайцами не торгуем. Иди, кому сказал, – и охранник угрожающе поднял дубинку.

– Шоколадного, вон, – и Сидор снял с полки шоколадного зайца в разноцветной фольге.

– Иди тогда кассу, – скомандовал охранник.

– Иду, иду, – Сидор подошел к кассе и в это время в магазин вошел Толик, увидев Сидора, отошел к аптечному киоску в конце магазина перед кассами. Сидор расплатился и направился к Толику.

– Ты, чего пришел, – разглядывая лекарства, спросил Толик.

– Мне пальто надо забрать из сумки. Помнишь, я у тебя оставил в багажнике.

– Ко мне сейчас нельзя. У меня дома засада, – произнес Толик, быстро оглянувшись по сторонам.

– Какая засада? – не понял Сидор.

– Гэбешная. Ко мне на следующий день после возвращения из Ети, бабу подселили. Сержанта ГБ. Под видом жены. С тех пор и живет постоянно у меня. Даже на улицу не выходит. Как же она меня достала. Друзей привести не разрешает. Тут пьяный раз пришел, так она приемчиком так вырубил. Вот сюда, – Толик провел рукой справа под ребром. – До сих пор болит. Как же ты меня подставил Сидор. Все! Жизнь нормальная закончилась.

– Это я тебя подставил? – возмутился Сидор. – Не надо было в свою Еть ехать.

– Я же не знал, что дождь пойдет. Говорили, без осадков. Ладно, у меня твоя сумка на балконе спрятана. Я сейчас домой вернусь. Минут через пятнадцать выйду покурить на балкон. Она мне теперь курить дома не разрешает. И сброшу тебе вниз. Ты там жди, под балконами, с другой стороны дома. Девушка, дайте мне, пожалуйста, анальгин, – просунув деньги в окошко киоска, обратился Толик к аптекарше. – Я ей, сказал, что зуб разболелся, забирая лекарство и сдачу, шепнул он Сидору. – Давай, подходи к дому с другой стороны, – и он вышел из магазина.

Через пятнадцать минут Сидор стоял в темноте, под балконами Толикова дома и вглядывался вверх, не зная точно, где находится его квартира. Где-то сбоку раздался кашель, зажглась спичка, осветившая лицо Толика. Сидор закашлял в ответ. Через мгновение прямо на него упала сумка, сбив его с ног. Сидор упал на спину, выронив в снег из руки шоколадного зайца.

– Да ни с кем я там не разговариваю, – раздался сверху голос Толика. Сидор затаился. И только когда наконец-то хлопнула балконная дверь, на четвереньках, держа на весу сумку, отполз за угол дома.

Старое советское пальто с каракулевым воротником никак не смотрелось с идиотской шапочкой с косичками подаренной ему Василием. Когда Сидор первый раз так оделся и вышел к метро, его вид даже у бомжей вызвал смех. Пришлось ехать на рынок, что бы купить, что-то соответствующее. Его выбор остановился на серой кроличьей шапке и еще он вдобавок купил черные войлочные ботинки на резиновой подошве, модель «прощай молодость». «Именно в таком виде я, когда-то давно, поступив в институте, ходил по зимней Кваскве», – остановив-

пись и разглядывая свое отражение в витрине книжного магазина вспомнил Сидор. В это время дверь магазина распахнулась и на улицу вылетела, наткнувшись на Сидора, блондинка, с ярко покрашенным лицом, с распущенными волосами, в коротком жакете из дорого меха и лыжной шапочке.

– Извините... – ойкнула блондинка, и замерла, с открытым ртом глядя на Сидора, – Ты? Это ты, Сидор? – это была Лиза. Он – то узнал ее сразу, – Я, привет Лиза.

– Я так и знала, что ты теперь будешь прятаться, – презрительно скривив ротик, сказала она.

– Прятаться? Откуда ты узнала, – растерялся Сидор.

– Я? Ты же сам сказал, что улетаешь. Я бросила Вадика, примчалась как дура в аэропорт. Прождала там, пока не улетели все самолеты на Амстердам.

– Прости, я опоздал тогда на самолет и остался здесь, – печально смотря на Лизу, произнес Сидор.

– Остался здесь, – рассмеялась Лиза. – Да, ты никуда и не собирался улетать. Ты просто решил отомстить мне за Вадика. Посмеяться надо мной. Какая же ты мелкая зануда, – она сжала губки и на ее подбородке проявилась хорошо знакомая Сидору маленькая ямка. Она всегда проявлялась, перед тем как Лиза впадала в истерику.

– Лиза, что случилось? – раздался сзади строгий голос мужчины, вылезавшего из дорого черного Ягуара припаркованного к тротуару.

– Ничего Вадик. Все нормально, – оглянувшись, ответила Лиза.

– Вадик? – удивился Сидор.

– Да, Вадик. Он меня понял и простил. А ты я смотрю, совсем опустился. Прощай зануда, – и она, развернувшись, побежала к своему Вадиду, который поспешно уже открывал для нее дверку машины. Лиза впорхнула на заднее сидение. Вадик строго посмотрел на стоящего посреди тротуара Сидора, сел на водительское место и машина плавно отъехала, оставляя за собой какой-то не здешний, ароматный запах выхлопных газов.

– Ну, чего отец застрял. Мешаешь проходу, – отодвигая Сидора в сторону, прошла мимо компания молодых парней.

– Отец, – усмехнулся Сидор, поправил съехавшую кроличью шапку и побрел привычным маршрутом в сторону к метро.

Как-то перебирая вещи в сумке, Сидор достал из бокового кармана томик «Евгения Онегина», брошенного туда случайно тогда, вечером, во время сбора к отъезду. Он открыл книгу на первой странице, начал читать и уже не смог больше представить без нее свою последующую жизнь в подвале. После всех событий и мытарств эффект от книги был какой-то воссоздающий. Читая, он ощущал себя, не в ночлежку с бомжами, а в те времена, населенными красивыми людьми с манерами, искренними и обманчивыми страстями и какой-то наполненной смыслом жизнью, несмотря на простой и немного наивный сюжет. Эта простота и глубина захватила Сидора. Теперь возвращаясь вечером от метро, он быстро собирал с братвы деньги в «общак» и, выставив телевизор из своей коморки на общее обозрение, сам ложился у себя на кровать и с наслаждением вчитывался в полюбившиеся строчки. Сначала он представлял себя Ленским, а Ольгу Лизой. Потом, больше в душе мечтая о Татьяне, стал Евгением. Потом мужем Татьяны, что уносило его в эротические грезы. Потом опять Евгением, путешествующим по стране. И, в конце концов, стал добрым другом автора, с которым он по вечерам беседовал за стаканом чая, обсуждая вольные мысли. Моральное состояние Сидора постепенно восстановилось. Страхи и опасения притупились. Он почувствовал, что может даже радоваться жизни.

График же самой жизни Сидора однообразно повторялся изо дня в день. Народ в подвале просыпался поздно, когда уже рассветало. Пили чай с хлебом за общим столом. Большинство предпочитало чифирь. Посидев, покулив, поболтав немного, расходились группами, каждый

по своим делам. Сидор работал в паре с Цыганом, по очереди. Часа два один сидит у входа в метро, потом его сменял другой. Сидор не любил этих утренних посиделок за столом и уходил первым, пораньше, к моменту, когда основная масса городского люда выбегала из метро и разбегалась по работам. Он покупал в киоске, напротив метро, торгующего шаурмой, черный растворимый кофе в пластиковом стаканчике, садился на ящик не далеко от входа в метро, а второй, пустой стаканчик держал в протянутой руке для сбора мелочи. Нехитрая эта работа располагала наблюдать за людьми, толкающимися вокруг входа в метро. Они приходили, встречались, о чем-то договаривались, кто-то целовался, кто-то наоборот сорился. Здесь сложился уменьшенный макет окружающего общества, полностью отражающего то большое с правительствами, банками телевидением и торговыми центрами. Здесь тоже кто-то правил, продавал, покупал, обменивался информацией, выстраивал отношения. Сидору даже стало нравиться наблюдать за этим бурно живущим маленьким миром, и он здесь впервые осознал себя его частичкой.

Иногда на эту небольшую площадь перед входом в метро приходила молодая еще, слепая женщина, с каким-то внутренне счастливым лицом. Точнее сказать, ее приводила, опрятно одетая старушка. Ставила на асфальт звукоусилитель. Слепая брала в одну руку микрофон, а в другую, обычный пластиковый пакет для сбора пожертвований. Включив усилитель, старушка куда-то уходила, а женщина начинала петь. Она пела высоким и необыкновенно красивым голосом какие-то старинные и очень светлые песни. Она появлялась здесь не часто, раза – два, три в месяц. И Сидор просто с наслаждением слушать ее выступления. С таким голосом, наверное, надо петь в капеллах или в церковном хоре. Сидор на этот случай всегда держал при себе сто рублей, чтобы положить в пакет слепой певице. Часа через два за ней приходила старушка. Она, собрав вещи куда-то уводила женщину вниз по улице, сворачивая в соседний переулок. Обе женщины были чисто одеты и выглядели ухоженными. И Сидора очень заинтересовало кто они, откуда, где живут. И один раз, когда старушка с певицей стали уходить от метро, Сидор, дождавшись, когда они, свернут в переулок, быстро пошел следом. Свернув за угол, он остановился в растерянности от увиденного. Певица стояла, с поднятой вверх головой и улыбалась, а чуть впереди, остановилась старушка с сумкой, для сбора пожертвований, в которой шарил руками полицейский, доставая оттуда деньги. Рядом стоял второй. Это был дежурный наряд полиции, наблюдающий за порядком в этом районе. Этих совсем молодых ребят с наглыми и брезгливыми лицами, Сидор почти каждый день встречал у метро. Но они не трогали бомжей. Василий заранее регулировал с ними все отношения.

– Чего так мало сегодня? – зло спросил первый, доставая пригоршню денег и выбирая из них купюры, бросая мелочь обратно.

– Так, холодно уже долго стоять, – извиняющим тоном произнесла старушка. А слепая продолжала, молча стоять и отстраненно улыбаться кому-то там наверху.

– Теплей одеваться надо, – нравоучительно произнес второй, пряча в карман деньги.

– Что же вы делаете, суки, – Сидор, не отдавая себе отчета, бросился на полицейского, шарившего в сумке и с силой оттолкнул его сторону. В тот же самый момент он почувствовал острую пронизывающую боль в районе бедра. Мышцу ноги его свело судорогой, и он упал на асфальт, отключившись от происходящего.

В себя он пришел уже в полицейской машине, ехавшей медленно по улице.

– Очухался, бомжара, – услышал он голос одного из полицейских сидящих сбоку. И тот больно ткнул его под ребро концом резиновой дубинки.

– Хорошо, на него электрошокер подействовал. Что значит зарядить на полную, – заржал первый, за рулем машины.

– Куда, вы меня везете? – еще чувствуя остаточную боль в бедре, произнес Сидор.

– В отделение. Будем оформлять нападение на полицейского, если к вечеру выкуп твои дружки не принесут, – сказал сидевший рядом с Сидором. В это время машина остановилась перед полицейским участком. – Все выходи, приехали, – и он потащил Сидора из машины.

Сначала его посадили на несколько часов в «обезьянник», – клетку для задержанных в которой спал сильно пьяный мужик. Два раза забирали на допрос к дежурному. Но Сидор естественно, на вопросы – кто он, откуда и где живет, ничего не сказал. Бомж и все. Не помню ничего из прошлой жизни. Его опять вернули в клетку, несильно побили для профилактики, обыскали одежду, вытряхивая из карманов всю денежную мелочь среди которой в руки полицейского попала завалывшиеся визитка Петра, оперативника из ГБ.

– А, это что такое? – тыкая визиткой в лицо Сидору, спросил полицейский.

– Не знаю. Нашел на улице, – отворачивая лицо, ответил Сидор. Полицейский, снова потащил Сидора в кабинет дежурного вместе с найденной визиткой.

– Старший агроном Петр, – прочитал дежурный. – Так, ты что выходит деревенский, – откусывая бутерброд, посмотрел на Сидора дежурный.

– Я не знаю, это не моя, – отводя глаза в сторону, буркнул Сидор.

– А вот мы сейчас узнаем. Мы все узнаем. – Дежурный, подтянул к себе телефон, и стал набирать номер, посматривая в визитку. – Але. Это ты, что ли старший агроном Петр, – растягивая небрежно слова, спросил в трубку дежурный. – Кто с тобой говорит? С тобой говорит, дежурный Луганского отделения полиции, сержант Птюхин. Понял? А ты, правда, агроном? – спросил сержант, открыв рот, чтобы укусить бутерброд, и так и остался с открытым ртом, слушая ответ трубки.

– Да, товарищ старший лейтенант, – лицо сержанта сделалось испуганно – угодливым. – Поймали бомжа, а у него была ваша визитка, – немного заикаясь, продолжал, объяснять сержант. – Нет, ничего не говорит. Молчит. Понял. Будем ждать, – сержант медленно положил трубку, смотря на нее с откровенным испугом. Потом перевел взгляд на Сидора, проглотил застрявший в горле кусок бутерброда и заискивающе произнес, – Что ж ты друг сразу не сказал, что из ГБ? Они сейчас за тобой приедут. «Приедут, – подумал Сидор, – Вот ты и попался. Глупо получилось как-то», – и он криво улыбнулся.

– Ты, это, ты только на нас не сердись. Я понимаю, что ты агент. Тебе нельзя раскрываться. Ну, а мы откуда знали, – продолжал оправдываться сержант. «Агент?» – пронзило мозг Сидора спасительное слово. И он, встав, подошел к столу и, посмотрев презрительно на сержанта, сказал. «Ладно. Прощаю в этот раз. Пойду я, не буду их дожидаться. Приедут, скажи домой уехал»

– Да, конечно. Может подвести? – засуетился сержант.

– Не надо. Я здесь не далеко живу, – и Сидор, развернувшись, медленно пошел к выходу.

«Деньги, деньги то заберите. Это же ваши», – Сидор оглянулся. Сержант достав, не считая из ящика стола смятую кучу купюр, пододвигал их в сторону к Сидору.

– Угу, – буркнул Сидор. Вернулся к столу. Не глядя, собрал рукой деньги, сунул в карман и быстро вышел из комнаты.

– Фу, пронесло, кажется, – откидываясь в кресле и расстегивая верхнюю пуговицу на рубашке, облегченно выдавил сержант. Посидев так немного, он наклонился под стол, и достал уже наполовину отпитую бутылку коньяка. Вылив почти весь коньяк в чайный стакан, он разболтал и вылив в рот остатки, бросив пустую бутылку в корзину для бумаг.

– Эх-хе-хе, – пробормотал сержант и, подняв стакан на уровень глаз. Некоторое время он продолжал рассматривать, прищурившись налитую жидкость на свет. «Да, уж», – закончил он в уме какую-то свою мысль и медленно мелкими глотками, не останавливаясь выпил стакан до дна. «Так, то вот», – сказал он, ставя стакан на стол и с удовольствием закуривая. Явно успокоившись, он откинулся на спинку кресла и сидел так расслабившись, что-то тихо напевая, пока не заснул. Прошло быть может полчаса или немного больше. Вдруг дверь в дежурную со

стуком распахнулась и на пороге в расстегнутом кожаном пальто, появился Петр, из-за спины которого в помещение испуганно заглядывали двое полицейских арестовавших Сидора.

– Где он? – махнув в лицо сержанта развернутым удостоверением, нетерпеливо спросил Петр.

– Кто он? – ничего не понимая со сна, вытаращил глаза сержант.

– Бомж твой где? – заорал Петр.

– Так он же не мой. Он ваш, – приходя в сознание, ответил сержант. – Он домой поехал. Сказал, чтобы вы не беспокоились.

– Так ты его отпустил? – присаживаясь на стол перед сержантом, тихо переспросил Петр.

– Ну, да. В смысле он сам ушел, – неуверенно начал сержант.

– У тебя сейчас здесь был опасный государственный преступник, – стуча указательным пальцем по столу, грозно чеканил Петр, – И ты его отпустил. Завтра утром принесешь подробный рапорт в городское управление МГБ. Они и решат, что с тобой делать, – закончил он и подозрительно принюхался, – Чем у вас здесь пахнет таким? – и он даже сморщился лицом.

– Ничем. Полицией, наверное, – жалостливо смотря на Петра, пролепетал сержант.

– Полицией, – зло повторил Петр, спрыгнув со стола, и вышел из дежурной, громко хлопнув дверью.

Сержант все с тем же непониманием в глазах, порылся в ящиках стола. Ничего не найдя, заглянул в корзину из-под мусора. Достал пустую бутылку, потряс ее с огорчением и, бросил обратно в корзину. Потом обхватил голову руками, и тихо заплакал.

Сидор радостный вышел из отделения и решил сразу вернуться в подвал. Возле дома где находилась ночлежка из подворотни его окликнул Василий: «Я не понял, тебя, что отпустили?»

– Нет, хитростью ушел, – усмехнулся Сидор. – А ты откуда знаешь про меня?

– Так мне менты сразу позвонили и деньги за тебя потребовали. Ты же мента ударил. А теперь еще выходит и сбежал. – Сидор стоял, не отвечая. – Это плохо парень. Значит, они скоро вернутся за тобой сюда. – Василий как-то отчужденно посмотрел на него.

– И чего теперь делать? – спросил Сидор, радостное настроение его вмиг улетучилось.

– Тебе? Забрать свои вещички и свалить отсюда навсегда. – И Василий подтолкнул ногой к Сидорову его сумку стоящую сбоку на земле.

– Надо же, и вещи мои уже вынесли, – махнул головой Сидор, нагибаясь и закидывая сумку на плечо. Он, было, собрался идти, но остановился и спросил, – А, что собственно случилось, объясни? Два негодяя в полицейской форме, пытались ограбить беззащитных женщин. Я вступился. И что?

– Мы живем здесь тоже по своим законам, Сидор.

– Закон, для бомжей? Что уже приняли такой?

– Ты зря так. Бомж, он ведь у последней черты находится. Его подтолкни чуть и все, дальше для него пустота. Бомж тихо должен сидеть и в чужие дела не соваться. Это и есть основной его закон. А сейчас менты из-за тебя здесь такое устроят. – укоризненно произнес Василий. Сидор стоял, слушал, опустив голову. – Я не подумал об этом. Прости, – не поднимая головы, ответил Сидор. – У меня вот деньги есть, – он достал из кармана бумажный комок, полученный от сержанта, – И еще, если надо, достану.

– Оставь себе. Сами разберемся. Иди и больше здесь не появляйся. В твоих же интересах, – уже более миролюбиво ответил Василий. Сидор, развернулся и продолжая смотреть в землю, медленно пошел через двор. В это время у Василия зазвонил мобильник. – «Да. Понял, спасибо», – услышал Сидор короткий разговор по телефону.

– Сидор, подожди, – крикнул Василий. Сидор повернул голову. – Мне от ментов звонили. К ним сейчас гбэшники приехали. Тоже тебя ищут. Так, что ты к бомжам теперь не

суйся. Гэбешники сейчас все подвалы в городе перевернут. Отсидись, у когонибудь знакомых, недельки две, а потом уезжай из города.

– Понял. Спасибо, Вася – и Сидор, помахав рукой, прибавил шаг. Свернул за угол, немного прошел еще дворами, он вышел на многолюдную улицу. «Так, и где же мне теперь отсидеться две недели? Они же все выезды из города сейчас проверять будут, – понимая важность совета Василия, задумался Сидор. – Может у Нурика, у дворника-таджика? Точно. – Осенило Сидора, и он поднял руку, останавливая проезжающее такси.

Нурик жил на соседней улице в районе, где раньше снимал квартиру Сидор. Соблюдая конспирацию, Сидор вышел немного раньше и дошел до дома Нурика пешком. Позвонив в дверь, подождав немного, Сидор услышал быстрые шаги с другой стороны. «Кажется дома, – обрадовался Сидор. Дверь распахнулась, и он увидел перед собой, заспанного Нурика одетого в яркий полосатый халат.

– Это ты? – испуганно произнес Нурик и попятился назад в квартиру.

– Я, – ответил Сидор, заходя и закрывая дверь. – Ты, чего не узнал меня? Это я, Сидор, – и он снял с головы кроличью шапку.

– Ты за велосипедом пришел, наверное? Но у меня его больше нет. Понимаешь? – залепетал Нурик.

– Не понимаю? Какой еще велосипед? – растерялся Сидор.

– Твой. Который ты мне подарил. Я на него себе жену купил, – обреченно ответил Нурик.

– Какую еще жену? – вообще ничего не понимая, переспросил Сидор.

– Совсем молодую. Всего шестнадцать лет. У нас, чтобы жениться надо калым платить или подарок хороший родителям невесты сделать. Вот я твой велосипед им и подарил. Но ты бы видел, какая она красивая. Персик, а не девочка. Я тебе сейчас ее покажу, – и Нурик убежал в комнату.

– Фу, – выдохнул Сидор, бросая сумку на пол и расстегивая пальто. В квартире было по южному жарко. В это время в проеме двери появился радостный Нурик, держащий за руку маленькую восточную девушку, почти девочку, с короткой челкой, двумя тоненькими косичками, торчащими в стороны и абсолютно плоским лицом, на котором слабо различались две щелочки глаз, такая же щелочка – рот и две точки в месте, где должен быть нос.

– Разве она не совершенство, – гордо произнес Нурик, крутя перед Сидором это неясное создание природы.

– Да, хороша. Повезло тебе – выдал кисло, улыбаясь Сидор, и ему почему-то стало очень жаль своего бывшего велосипеда.

– Значит ты, не будешь требовать от меня обратно велосипед? – обрадовался Нурик.

– Нет, конечно. Я же тебе его подарил, – безразлично ответил Сидор, проводя рукой по подбородку. «Они вдвоем. Значит, здесь мне похоже места не найти», – додумал он.

– А, зачем ты тогда приходил? – не переставая улыбаться, спросил Нурик.

– Мне надо где-то пожить две недели. Там где меня никто не знал бы, – откровенно ответил Сидор.

– Какой вопрос. У меня братья на стройке, в вагончике живут. Помнишь, которые тебе ремонт в квартире делали, – развел руками Нурик. – Хочешь, у них поживи.

– Хочу, очень хочу, – обрадовался Сидор.

Нурик достал телефон, набрал номер, что-то быстро проговорил на своем, языке. – «Они скоро приедут и заберут тебя, – сообщил он, помогая снять пальто Сидору. – Проходи, сейчас чай будем пить». Потом они сидели втроем на полу, на ворсистом ковре, пили чай из пиал. Нурик весело болтал, все время, поглаживая по спине свою юную жену. Та сидела молча, не меняя выражения лица, – «А она так ни разу и не моргнула, или вообще не открывала глаз», – подумал Сидор глядя на плоское лицо жены Нурика. Часа через два приехали братья. Они долго обнимались в прихожей – здороваясь, потом так же долго – прощаясь. На стройку в

вагончик они приехали уже под вечер. Опять пили чай. Потом застелили для него постельное белье, на второй полке, подвешенной сбоку, к стене вагончика. Сидор, быстро раздевшись, залез на полку и вытянул с наслаждением уставшие за весь день ноги. Братья Нурика сели играть в нарды, что-то бормоча на своем языке. А Сидор закрыл глаза и тут же уснул.

Рано утром, когда за окном еще висела сплошная темнота, братья разбудили Сидора, – «Нам на работу пора. А в вагончике, днем не разрешают находиться. «Так, что ты походи, погуляй по городу, а вечером приходи», – сказал старший брат. «Мне сейчас гулять по городу никак нельзя, – подумал Сидор и спросил, – А можно я с вами работать буду?». Братья, что-то переговорили по-своему и согласились. Они работали штукатурками, в рядом строящемся доме. В задачу Сидора входило, разгружать мешки, с сухой смесью поднимаемые на этажи подъемником. Замешивать штукатурный раствор в небольшом корыте и ведрами подавать на подмости, с которых работали братья. Работа была не сложная, но тяжелая. Рабочая смена продолжалась около десяти часов. Дом готовили к сдаче, но как всегда опаздывали и поэтому работали в авральном режиме. Возвращаясь вечером в вагончик, Сидор, падая с ног от усталости, что-то съедал, в основном быстро приготавливаемую лапшу из пакетиков, лез на верхнюю полку и успокаивал себя:

«Ничего, ничего еще несколько дней осталось. Главное, что на свободе», – и тут же засыпал. Так прошла первая неделя. В воскресенье они все вместе сходили в баню, которая располагалась тут же на стройке в одном из вагончиков. Вернувшись, братья приготовили плов и, достали из тайника бутылку водки и хорошо посидели втроем. Потом братья засели играть в нарды, посасывая «насвай», а Сидор, расположившись у себя на полке. Лежал и он с удовольствием вспоминал отрывки из Онегина. Василий, собирая его сумку, не положил туда книжку. За последние два месяца Сидору еще не удавалось так хорошо отдохнуть.

В понедельник на стройке приехал проверяющий технадзор. Он ходил по этажам, заглядывая во все дыры, и что-то записывал в толстую тетрадь. Зайдя в помещение, где работали штукатурки, он остановился за спиной Сидора, делая пометки в своей тетрадке, и случайно выронил карандаш.

– Эй, черножопый, подай мне карандаш, – ткнув под зад Сидора носком ботинка, сказал технадзор. Сидор не отреагировал, продолжая сидя на корточках мастерком размешивать раствор.

– Ты, что чурка, русского языка не понимаешь, – технадзор ударил ногой посильнее, так что Сидор упал вперед руками в корыто с раствором. Застыв на мгновение в такой позе, Сидор потом резко выпрямился, и быстро развернувшись к технадзору, схватил его за лацканы пальто, посадил в корыто с раствором, – Теперь все смогут разглядеть твою белую задницу, мудило.

– Помогите, убивают, – вытаращив испуганно глаза, тихо, почти шепотом выдал технадзор. Сидор, зачерпнув еще из стоящего мешка сухой гипсовой смеси, сыпнул ее сверху на технадзор и быстро вышел из помещения.

Вернувшись в вагончик, он сел на койку, и делая глубокие вдохи и выдохи, стал успокаивать себя: «Все хорошо Сидор. Все хорошо. Главное ты его не убил. А ведь мог. Все нормально. Успокойся». В это время дверь немного распахнулась и показалась голова старшего из братьев.

– Зачем ты так Сидор сделал, – печально проговорила голова.

– А как я должен был поступить? – раздраженно спросил Сидор.

– Не обращать внимание, и все, – брат вошел в вагончик, за ним следом другой, младший. – Ну и что, что черножопый. Ты пойми, мы здесь живем по другим законам.

– По каким другим? – злобно бросил Сидор.

– Мы же приезжие, Гостарбайтеры. Значит, сиди тихо и не высывайся, а то вышлют из страны, – пояснил «старший».

– Технадзор уже сказал, что будет в миграционную службу жаловаться, – добавил второй.

– И что теперь делать? – вопросительно посмотрел на братьев Сидор.

– Уходить тебе надо отсюда. Прораб к охранникам жаловаться побежал, – сказал старший и развел руками.

– И как можно быстрее, пока они ментов не вызвали, – подтвердил второй.

– Ментов, – вскочил с кровати Сидор и стал быстро собираться. Один из братьев выглянул на улицу из вагончика: « Давай выходи, никого нет». Сидор, держа сумку в руке, вышел из вагончика и огляделся по сторонам.

– Ты в ворота не иди, ты через забор иди, – посоветовал старший брат.

– Ага, – бросил Сидор и пошел, прячась за вагончики к серому бетонному забору, окружающему стройку. Перебросив сначала сумку, он быстро перемахнул через забор и упал в сугроб снега, с другой стороны. « Так, и куда мне теперь идти? Где прятаться дальше? – вставая, подумал Сидор, отряхиваясь от снега. В это время из-за забора раздались голоса: «Он, кажется, через забор перелез. Надо, все-таки в полицию позвонить». Сидор схватил сумку и со всех ног побежал дворами подальше от стройки.

Что бы не вызывать к себе лишнего внимания, Сидор спрятал сумку в подвале дома недалеко от большого торгового центра, а сам зашел в это светящиеся вывесками и модными витринами здание, где всегда было много народу и можно было походить спокойно, и обдумать дальнейшие действия. Он стал у ограждения вокруг искусственного катка, смешавшись с кучей пап и мам, приведших на лед своих чад. Перебрав всех знакомых к кому можно было, еще обратится, он остановился на одном парне Гене, с которым познакомился случайно на митинге оппозиции. Гена был, кажется, журналист в каком-то свободном интернет издании и занимался правозащитной деятельностью. Где живет Гена, он не знал, но они пару раз встречались в кафе возле Гениной работы. И Сидор, не став забирать сумку и не придумав лучшего варианта, вышел на улицу, сел в подошедший троллейбус и поехал к месту, где располагалось это кафе. На этот раз ему повезло. Рабочий день подходил к концу и, походив минут десять перед входом в кафе, он увидел выходящего из противоположного здания Гену с ноутбуком в руке.

– Привет, – окликнул он Гену, взявшегося за дверную ручку кафе. Гена обернулся, и посмотрел на Сидора, явно не узнавая его.

– Я, Сидор. Мы с тобой весной на митинге встречались, помнишь? На Заросшей площади, – и Сидор снял шапку, давая Гене разглядеть себе.

– А, привет Сидор, – заулыбался Гена, узнав Сидора.

– Гена, меня гэбешники пасут. Арестовать хотят. Не знаю что делать? – быстро выпалил Сидор.

– Понял, – Гена, оглянувшись по сторонам. – Пошли в кафе, там расскажешь, – и он приоткрыл дверь шире, пропуская вперед Сидора. Сев за отдельный столик и заказывая несколько раз кофе, Сидор рассказал все, что произошло с ним за последние два месяца.

– Все понятно. Надо поднимать на твою защиту общественное мнение. Естественно западное. От нашего толку здесь не будет, – выслушав, подвел итог Гена.

– Это как? – не понял Сидор.

– Сейчас, через правозащитные сайты, распространим твою информацию. Подключим левых в Европарламенте. Тиснем несколько статей про тебя в западных изданиях. Так, что месяцев через пять-шесть, гэбешникам проще будет тебя выслать по-новой, чем иметь все эти проблемы с Западом. Тем более никакой реальной опасности ты здесь не представляешь. Так, что жди, пока я все это запущу.

– А где же мне эти пять-шесть месяцев находится? – растерянно произнес Сидор.

– Ну, не знаю. Лучше уехать из Квасквы. В деревню, какуюнибудь глухую. Есть у тебя такое место? – предложил Гена.

– Вообще-то есть, – неуверенно ответил Сидор, вспомнив почему-то про Еть.

– Вот и отлично. Значит так. Вот мой адрес в электронной почты, – он положил перед Сидором бумажный прямоугольник, – Через полгода, напиши, типа, «Жить в деревне надоело. Хочу домой». Я пойму и отвечу, где и когда встречаемся. Понял? – закончил Гена, вставая из-за стола, – Извини, мне надо бежать пикетировать зимбабвийское посольство. Опаздываю уже, – и он, махнув рукой, подхватил ноутбук, выбежал из кафе.

– Пять-шесть месяцев, – задумчиво произнес Сидор, крутя в руках Генину визитку. – Но выбора другого, похоже, у него не оставалось. Надо ехать к Толику и проситься на постой в Еть, – вставая, не уверенно подумал Сидор, и побрел к троллейбусной остановке. На метро ему сейчас ездить было нельзя. Там наверняка у дежурных полицейских было его фото.

Сидор уже начал сильно замерзать, ожидая Толика у его дома, и подумывал о каком-нибудь теплом подвале поблизости, где возле труб теплотрассы можно было переночевать, когда к подъезду подъехало такси Толика.

– Толик, Толик, – окликнул его Сидор. Толик оглянулся, увидел его и махнул рукой – «уйди, мол, за дом». Сидор зашел за угол, гадая, придет Толик или нет. Вдруг сзади раздался его голос: «Чего тебя от меня надо?»

– Толик, мне надо спрятаться на полгода? – умоляюще произнес Сидор.

– Я же тебе говорил, у меня баба из ГБ живет до сих пор. У меня нельзя, – зло ответил Толик.

– Я не здесь хотел. Я в деревне в твоей, в Ети, можно? – и он опять умоляюще посмотрел на Толика, а потом вдруг добавил, – Я бы за Кубиком там заодно приглядел.

– В деревне, – задумался Толик, – В деревне конечно без проблем, живи. Только туда кроме как на лыжах сейчас не дойдешь.

– На лыжах, – обрадовался Сидор. – А я могу на лыжах. Я даже очень могу.

– Больше десяти километром идти, – засомневался Толик.

– Легко, – заверил Сидор, – У меня в институте разряд был.

– Только у меня лыж нет.

– Я достану, – вскрикнул Сидор, вспомнив про свои лыжи, отданные когда-то Василию.

– Ну, хорошо, – согласился Толик. – Тогда завтра утром, приходи сюда, отвезу тебя до поворота на Еть. Дальше сам на лыжах, по просеке, там не заблудишься.

– Спасибо, спасибо тебе большое. Ты даже не представляешь. Как ты меня выручил, – лицо Сидора засветилось от счастья. – Тогда я завтра утром приду. Обязательно приду, – и он как-то неловко развернулся и пошел назад от Толика.

– Подожди, – позвал его Толик. Сидор обернулся, – А ты куда сейчас?

– Гденибудь здесь найду теплый подвал, переночую.

– Не надо искать. Садись в машину. Я тебя в таксопарк отвезу. Там есть место, – и он пошел к своей машине.

Пока ехали до таксопарка, Сидор рассказал кратко про свою жизнь, утаив про задержание в полиции и инцидент на стройке. Сказав только, что стройку, закрыли, а из подвала выгнал ЖЭК.

– Ну, а у тебя как с этой женщиной, – для порядка спросил Сидор.

– Все также. Живет, не уезжает. Друзей приводить нельзя. Правда, по выходным стала разрешать выпивать немного. И... – Толик задумавшись, сделал паузу. – Предложила иногда вместе заниматься сексом, – закончил, Толик, немного смущаясь.

– А, ты что, – спросил Сидор.

– А, что я. Попробуй, откажись. Я же тебе рассказывал, как она умеет драться.

Он устроил Сидора на ночь в бойлерной таксопарка, а рано утром они заехали сначала за сумкой Сидора к торговому центру. Заодно купили ящик консервов для Кубика и потом поехали к станции метро возле бывшего дома Сидора, где по его расчетам должен был нахо-

даться Василий, у которого Сидор надеялся забрать свои лыжи. Ковбойская шляпа Василия мелькнуло возле ларьков у входа в метро. Чтобы не рисковать, за Василием пошел Толик и привел его к машине, где дожидался Сидор.

– Опять ты, – раздраженно буркнул Василий, – Когда же ты от меня отстанешь? На вопрос о лыжах, Василий призадумался, потом сел в машину и велел ехать вперед. Через два квартала они остановились у здания ломбарда.

– Пятьсот рублей есть? – посмотрел он на Сидора, – Залог надо вернуть. Сидор достал из кармана смятые в комок деньги, полученные еще от сержанта, и протянул Василию, – Вот, сдачи не надо.

Василий зашел в здание ломбарда и через некоторое время вернулся, неся Толиковы лыжи.

– Забирай, – сказал он, просовывая их через опущенное стекло в машину, – И очень прошу, исчезни надолго. Тут меня каждую неделю из-за тебя то менты, то гэбешники дергают.

– Полгода теперь можешь жить спокойно. Я уезжаю, – улыбаясь, помахал ему Сидор из отъезжающей машины.

Через час они были уже на Баба дедовском шоссе у поворота на Еть. Разложив консервы по сумке, среди вещей, Сидор одел ее на спину, как рюкзак. Встал на лыжи и поприседал, держась за палки. – «Нормально. Часа за два дойду по целине».

– Ключ там над дверью, за косяком. Картошки немного в подвале осталось. В сарае канистра с керосином для лампы и дрова. Остальное там, на месте, через Мишку достанешь. Он дорогу от снега будет чистить, проедет через Еть. Не пропусти, – проинструктировал его Толик.

– Все понял. А ты теперь когда? – спросил Сидор.

– В мае, если сухо будет. Ну, давай, – он махнул рукой, Сидор оттолкнулся палками и пошел классическим ходом через целину в направлении леса. Толик постоял немного, посмотрел вслед. Потом сел в машину, развернулся и помчался обратно в Кваскву. А Сидор вошел в лес и не спеша катил по засыпанной снегом дороге на Еть. Так начинался следующий этап в его жизни. Жизни в Еть.

Лесная дорога закончилась и перед Сидором открылась абсолютно белое, до горизонта, снежное пространство, переходящее в однообразное серое небо. Слева и справа на сером, чернели строения Сосновки с Березовкой. А посередине внизу, на белом выделялись пять домиков Ети, с большим двухэтажным, бывшем барским в центре. Подходя уже к деревне, услышал приближающийся, низкий, глуховатый лай Кубика. Сидор остановился крутя головой, пытаясь найти собаку и увидел только радостную палочку хвоста мчащуюся ему навстречу. Из-за глубокого снега остального Кубика не было видно. Палочка подлетела к Сидору и из снега появилась длинноухая собачья морда, жадно втягивающая носом воздух.

– Ах, ты мой хороший Кубик, – присел к нему Сидор и потрепал за ухом. Тот, почуяв тепло руки и распознав, наверное, запах консервов исходящий от Сидора радостно повизгивал, пытаясь лизнуть его в лицо.

– Пошли, пошли домой. Теперь мы с тобой вместе жить будем, – Сидор взялся за палки и, шагая лыжами по проваливавшемуся снегу, пошел к Толикову дому вслед за обогнавшим его Кубиком.

Вся деревня была замечена снегом. Вокруг ни одной дорожки, ни тропинки. Найдя за сараем большую фанерную лопату, Сидор сначала разбросал по основным проходам снег. Открыл дверь в промерзшую избу. Потом действуя по инструкции Толика, принес дров, затопил печь, сходил в погреб за картошкой. Натопил из снега воды и поставил чайник. Кубик неотвязно, видно сильно соскучившись по людям, везде следовал за ним. И только когда в избе стало теплеть, выбежал в сени и лег под дверью, не спуская глаз с Сидора. Сидор вспомнил про консервы, вытащил одну банку, открыл и не найдя куда переложить, дал прямо в банке Кубику.

Содержимое тот высосал одним глотком и потом, обхватив банку лапами, долго вылизывал невидимые крупинки жира. Сидор из условий экономии, впереди еще целая зима, не решился открыть ему вторую банку. Сам для себя заварил чай из зверобоя и сварил несколько картофеля в мундире. За окном стало темнеть. Он нашел лампу, заправил ее керосином и зажег фитиль. «Как в старину, – подумал он, ложась на лавку, и почти мгновенно заснул, уставший за прошедший день.

В таком режиме они с Кубиком прожили несколько дней. Сидор просыпался затемно, затапливал печь, чтобы в темноте не видно было дыма из трубы. Давал Кубику очередную банку консервов. Сам пил чай с холодной картофелиной, сваренной с вечера. Брал лопату и выходил на улицу чистить снег с дорожек. Он расчистил уже все вокруг дома и теперь продолжил вдоль улицы в сторону к большому дому. Кубик бегал по деревне, охотясь под снегом за мышами. Он, почуяв мыш, замирал на некоторое время в охотничьей стойке, и потом что есть силы, подпрыгивал и нырял мордой в снег, пытаясь ухватить зубами заснувшую мышку. Надо сказать, охота не всегда заканчивалась успешно.

Дойдя дорожкой до большого дома, Сидор увидел старый заржавевший замок на оббитой дерматином двери. Справа над дверью были криво прикручены несколько слабо читаемых вывесок, когда-то располагавшихся здесь организаций – начальная школа, сельсовет, правление колхоза «Рассвет», строительный участок ПМК-24. Дверь была опечатана, приклеенным куском бумаги с выгоревшей синей печатью. Увидев печать, Сидор не решился трогать замок и больше не подходил к большому дому.

Мишка Белорус, так ни разу и не появился за это время на своем тракторе. Иногда над Сосновкой или Березовкой пробивался дымок из печной трубы, но Сидор не рискнул сходить туда на разведку.

Как-то утром Сидор, порезав себе кружочками картошку, открыл для Кубика его банку и чуть не потерял сознание от ударившего в нос сильного мясного запаха. Вот уже больше недели Сидор питался одной вареной картошкой. Он, проглотив слюну, отнес банку и поставил перед Кубиком. Кубик не набросился как обычно на содержимое банки, а положив на пол ушастую голову, лежал и смотрел на Сидора своими большими грустными глазами. Сидор отвернулся от него за столом и стал без аппетита, есть свою картошку, как вдруг сзади послушался какой-то шорох. Сидор оглянулся, Кубик толкал перед собой мордой нетронутую банку в направлении Сидора.

– Думаешь, мне стоит попробовать? – обратился Сидор к Кубику. Кубик, оставив банку, выбежал в сени и лег под дверью. Сидор поднял с пола банку, посидел, немного задумавшись, потом осторожно вилкой подцепил кусочек в прозрачном желе и положил себе в рот. Это была настоящее тушеное мясо. Да, такое вкусное, что он пожалуй ничего подобного никогда не ел.

В это время входная дверь распахнулась, чуть не придавив отпрыгнувшего в сторону Кубика и на пороге в клубах пара, появилась богатырская фигура Мишки Белоруса.

– А, кто это тут у нас живет? – улыбаясь во весь рот, выдохнул Мишка.

– Это я Сидор. Друг Толика помнишь? – вставая из-за стола, обрадовался Сидор.

– Конечно, помню. А я еду смотрю, кто-то вроде дорожки чистил. Остановил трактор, вылезая, а дорожка прямо сюда ведет, – наполняя избу запахом вкусного перегара, сказал Мишка, садясь за стол. – А Толик, чего не приехал?

– Нет, он потом, в мае будет. А меня от Квасквы до дороги довез и я дальше сюда на лыжах через лес.

– Так, ты надолго к нам?

– До лета. Вот Толик попросил за Кубиком присмотреть, – не придумав ничего другого, ответил Сидор.

– Понятно. Значит, с нами будешь жить, – деловито сказал Мишка, взяв со стола консервную банку, и прочитал вслух: « Лучшая еда для ваших любимцев» – Это, ты, что ли это ешь?

– Нет. Это Кубику привез. Просто попробовать решил. Не испортились ли, – глупо улыбаясь, соврал Сидор. – А где у вас здесь магазин?

– Здесь нет магазина, – развел руками Мишка. Автолавка по средам приезжает в Сосновку. Вот там народ и закупается на неделю.

– А ты не мог бы мне купить немного еды. Я деньги дам, – Сидор привстал, ища по карманам деньги, – Сколько надо.

– Не надо деньги. Мне и так в долг дают. Я потом рассчитываюсь. В конце месяца, – бросив на пол банку и поддав ее ногой в сторону Кубика, ответил Мишка, вставая из-за стола – Но теперь только завтра смогу привести.

– Спасибо тебе Мишка. Выручил. Я тебя уже вторую неделю здесь дожидаюсь.

– Так я работал там, в лесу за Березовкой, дрова возил для деревенских. Но теперь чаще буду заезжать. Навещать тебя. Поеду я, сегодня сосновским возить обещал, – и он хлопнул Сидора по плечу, так что тот присел на лавку.

– Пока ребята, – открыв дверь, впуская клубы пара, Мишка вышел из дома. Через несколько минут, за огородами затарахтел трактор и Сидор, выйдя на крыльцо, увидел его уже бодро взбирающегося на холм в сторону Сосновки.

Прошло уже три дня с отъезда Мишки, но он так и не появился. Сидор, как-то зайдя в дом после очередной чистки дорожек в деревне, решил провести ревизию своих денежных средств. Прощупав сумку, он с удовлетворением убедился, что завернутые в целлофан и зашитые в одном из боковых карманов сорок тысяч, снятые когда-то в банкомате, лежали на месте. В карманах у себя он еще насобирал чуть больше двух тысяч, что осталось от бомжовой жизни. Потом встав на табурет, достал из-за иконки паспорт, в котором были вложены еще пять тысяч. «Не густо, – подумал Сидор, – Но до лета должно хватить». В это время на улице затарахтел трактор и раздался бодрый голос Мишки: «Хозяин, выходи, харчи приехали». Сунув деньги в карман, Сидор выбежал во двор, где Мишка уже вытаскивал из кабины два больших чем-то набитых мешка.

– Извини, в Сосновке дела задержали. Сразу не смог приехать. Зато на месяц тебе запасы привез, – взваливая на плечи оба мешка, добавил Мишка.

Он поднялся по ступенькам на крыльцо и вошел в дом. Сидор поспешил за ним. Невероятно, Мишка привез целый магазин продуктов. Он раскладывал на столе, вытаскивая из мешков – банки с тушенкой, огромные пакеты макарон, упаковку растительного масла, большой кусок сала, несколько буханок хлеба, сахар и еще много всякой вкусной мелочи.

– Ну, спасибо тебе Миша. Теперь я заживу как барин, – восхищенно воскликнул Сидор, – Так, а сколько я тебе должен? Я прямо сейчас отдам, – сказал он и полез в карман за деньгами.

– Не надо сейчас. Это я все в долг взял. Потом в конце месяца отдашь, а то не ровен час, пропью, – отрицательно замахал головой Мишка. – А, вот еще. Тут водку какую-то новую привезли, – и он достал и поставил на стол пол литра. – Не знаю, что за водка. Взял чисто на пробу. Ты, как не возражаешь?

– Конечно. Сейчас я только макарончиков отварю с тушенкой, – засуетился Сидор.

– Не надо ничего варить. Тут килька где-то была, – и Мишка, порывшись среди продуктов на столе, достал маленькую банку кильки в томате, – Ты хлеба порежь и стаканы давай, – откручивая пробку у бутылки и садясь за стол, сказал Мишка.

Сидор поставил стаканы, порезал хлеб и сел напротив. Мишка налил ему полный стакан.

– Не, не, не. Мне только на два пальца, – показывая сжатые пальцы, замахал головой Сидор.

– Что больной что ли? – с пониманием спросил Мишка.

– Да, типа того, – махнул головой Сидор.

– Сочувствую. Тогда этот стакан я выпью, – пододвигая полный стакан к себе, он плеснул немного во второй, – С новосельем тебя, Сидор, – и Мишка поднял свой стакан.

– Спасибо Мишка. За новоселье. – Они чокнулись и Мишка медленно, мелкими глотками, не морщась, выпил весь стакан, смотря пристально на свой оттопыренный мизинец. Выпив, он поднял брови, типа что-то соображая, отломил кусочек хлеба, макнул его в банку с килькой, прожевал и сказал утвердительно, – А ничего водка. Пить можно. – И с удовольствием закурил.

– Скоро новый год, – продолжая разговор, развил тему Мишка. – Ты где отмечать будешь?

– Здесь. Где еще.

– Тогда может, я к тебе приеду. Вместе и встретим, чтобы не скучно было одному, – взяв бутылку и наливая себе опять полный стакан, а остатки, сливая Сидору, предложил Мишка.

– Отличная идея. У меня здесь больше никого нет знакомых, – немного захмелев, обрадовался Сидор.

– Тогда, за наступающий новый год. – Толик, чокнулся со стаканом Сидора и в той же манере, медленно, смотря на мизинец выпил второй стакан. Потыкав корочкой хлеба в банку с килькой и бросив ее в рот, Мишка встал и сказал, – Извини Сидор, еще дел много в Сосновке, мне ехать надо.

Они вместе вышли на крыльцо. Мишка опять закурил, а Сидор спросил: «Миш, а у тебя случайно почитать нет ничего?»

– Что значит почитать? – не понял Мишка.

– Ну, там книги или журналы, какие – перечислил Сидор.

– А, ты про это. Нет, такого у меня нет. Ты бы лучше в большой дом ходил. Там раньше и школа была, и правление колхоза. Там наверняка, что-то осталось.

– Я был, но там замок весит на двери. Не зайдешь, – махнул рукой Сидор.

– А ты в другую дверь не пробовал? – немного заплетающимся языком уточнил Мишка.

– В какую еще другую? – не понял Сидор.

– Пойдем, я тебе покажу. – Они прошли по деревне к большому дому и остановились у входа с вывесками. – Там, сзади еще одна дверь есть, тоже с замком. Но ключ вверху, на гвоздике висит. Открывай, заходи и ищи свои книжки, – покрутил в воздухе рукой Мишка.

– Так это же не законно, – расстроился Сидор.

– Почему не законно? Вообще-то я здесь сторожем оформлен. Уже шестой год как. Зарплату за это получаю от государства. Маленькую, правда. А тебя я знаю с самой лучшей стороны. И доверяю. Так, что заходи. Читай. А мне, извини в Сосновку пора. Там уже люди заждались, – и он, отдав по военному честь, развернулся и пошел, немного пошатываясь к своему трактору. Залезая в кабину, оглянулся, еще раз помахал своей большой ладонью, втиснулся в кабину и трактор, затарахтев, выпустив короткий черный дым из трубы, полез вверх по склону, в направлении к Сосновке.

– Что бы я делал без тебя Мишка? – пьяно улыбаясь и размахивая рукой над головой, вслед уезжающему трактору, подумал счастливый Сидор.

На следующий день Сидор пришел с лопатой к большому дому и прокопал дорожку к другому входу. Замок был просто брошен на ручку, видно Машка когда-то забыл его закрыть. Внутри, на первом этаже, было две зеленые двери. На одной висела вывеска «Классы» и за дверью располагалась большая комната с партами, учительским столом и большим стеклянным шкафом со школьными учебниками для начальных классов. В углу стояло не понятно, для каких педагогических целей большое чучело медведя со стеклянными пуговицами вместо глаз. Сидор перебрал весь шкаф, но ничего интересного кроме тоненькой книжечки «История

нашего края», не нашел. Прихватив эту книжечку, он открыл дверь во вторую комнату под вывеской «Сельсовет». Это было совсем небольшое помещение с печкой-буржуйкой в углу и железной кроватью под панцирной сеткой стоящей под окном. Рядом на полу валялись пустые бутылки из-под водки, точно такие какую вчера они пили с Мишкой. И консервные банки «Кильки в томате». «Наверное, здесь и располагался Мишка, когда приезжал охранять дом», – усмехнулся Сидор.

На второй этаж вела двух пролётная, деревянная лестница с красивыми резными балясинами. Вдоль длинного коридора располагались выкрашенные такой же зеленой краской четыре двери с табличками: «Зоотехник», «Агроном», «ПМК 24» и «Красный уголок». Первые две были абсолютно пустые – только голый деревянный пол. В «ПМК 24» стоял письменный стол, на котором лежали две толстые папки с завязками и написанными от руки названиями: «материалы за 1973 и 1974 годы», и совсем тоненькая за 75 год. В папках находились какие-то ведомости по зарплате, процентовки, отчеты, объяснительные записки. Не найдя ничего интересного Сидор зашел в Красный уголок. Там на стене висел портрет Ленина, сильно засиженный мухами. Посередине стоял такой же стол как в ПМК-24, с лежащей сверху подшивкой старых газет за 1974 год. «Хотя бы газеты», – удовлетворенно подумал Сидор, перебрасывая подшивку через плечо. Выйдя из дома, Сидор попытался закрыть замок на ключ, но тот сильно заржавел и не поддавался. Пришлось оставить, как было, повесить замок на дверную ручку.

Вернувшись, домой он положил добытое богатство на стол и первым делом пролистал «Историю нашего края». Сама история уместилась в несколько абзацев, остальное было заклеено иллюстрациями из недавнего прошлого. Вот синий трактор, похожий на Мишкин, пахущий поле. Вот разрушенная церковь 18 века в Сосновке. И конечно большой дом в Ети, еще с красным флагом на крыше. А дальше в основном фотографии природных пейзажей и растений. Просмотрев быстро фотографии Сидор, вернулся к описанию истории. И вот, что там было написано: «Здесь, в районе песчаного карьера пионеры когда-то обнаружили стоянку еще древнего человека – кости животных и угли от костра. Само название Еть предположительно могло произойти от старославянских племен, обитающих в этих местах, которые и могли так называться. Или от речки, которая протекала где-то за Березовкой, которая тоже давно высохла и точное название ее не сохранилось». – Так я и не понял, откуда произошло название? – сделав удивленное лицо, подумал Сидор, и продолжил читать дальше: « В 18 веке земли вокруг Ети купил богатый квасковский боярин Трефилов. Он за свои деньги пробил дорогу через лес к квасковскому тракту, и развернул здесь большое строительство. За три года, как было записано в церковной книге, были построены две кирпичные церкви в Сосновке и Березовке и большой барский дом в Ети. Второй этаж, которого, был достроен из бревен позже, при советской власти. Все материалы на строительство церкви доставляли из Квасквы», – Как за три года они могли это все привезти? По небу что ли? – недоуменно пожал плечами Сидор. Потом в истории наступал пробел, вплоть до 30-х годов двадцатого века: « Когда в Ети был организован колхоз «Прогресс», переименованный в начале 60-х годов в совхоз «Рассвет», специализирующийся на выращивании кукурузы». Все. Дальше шло описание деревьев, животных, птиц, пресмыкающихся, самыми распространенными среди которых был уж обыкновенный и сорока белобокая». – Как же они по такой плохой дороге ездили и ничего. Вон, даже, сколько навозили, на церкви и на дом? – отложив «Историю», еще раз удивился Сидор. – Что-то здесь не так. Надо будет Мишку расспросить. – В это время, из-за двери, заскулил прибежавший с улицы Кубик. Сидор встал, впустил его в дом, поставив на пол открытую банку консервов. На улице уже стемнело. Сидор зажег керосиновую лампу и, придвинув ее к подшивке с газетами, стал не спеша перелистывать, вчитываясь в отдельные заметки и рассматривая фотографии.

Жизнь в Ети теперь стала для него простой, размеренной и понятной. «Такой же, как во времена Евгения Онегина», – он постоянно возвращался к этому сравнению и все чаще находил в этом большое совпадений. Единственное, это вставать приходилось, ни свет, ни заря,

чтобы незаметно, в темноте протопить на день печку. Потом они плотно завтракали с Кубиком, и Сидор ложился досыпать, выпустив собаку на улицу. Теперь Кубику кроме своих консервов доставалось со стола Сидора. Он все также ловил мышей под снегом, но как заметил Сидор, теперь не ел их, а поиграв, отпускал. Когда совсем рассветало, Сидор выходил на улицу, брал лопату и до обеда чистил дорожки. После обеда, они с Кубиком ложились поспать и уже перед вечером шли гулять по деревне. Возвращались затемно, ужинали. Кубик ложился в прохладных сенях и засыпал. А Сидор, прибавив для яркости фитиля в лампе, садился за свои газеты. Несмотря на достаточно внушительную подшивку газет, события, происходящие тогда в стране, очень сильно повторялись и выглядели просто, понятно и жизнерадостно. Рабочие, перевыполняя план, лили сталь, увеличивали с каждым годом выпуск тракторов и товаров народного потребления. Колхозники, не отставая, сеяли, доили, собирали урожай. Солдаты, повышая военную и политическую подготовку, осваивали новые виды вооружения. Дети собирали металлолом. Коммунисты и беспартийные одобряли политику партии и правительства. Все было так замечательно и радостно. Единственное, западные империалисты дико завидовали и похоже тихо готовились к ядерной войне. Из всех газетных материалов Сидор больше всего любил читать фельетоны на отдельных нерадивых граждан, статьи из мира животных, клуб путешественников и отгадывать кроссворды. И все равно, читать эти газеты, было более увлекательным и познавательным занятием, чем смотреть сериалы про ментов, по телику – как когда-то в подвальные ночлежки.

Мишка не появлялся уже вторую неделю. Иногда Сидор слышал в отдалении таракание трактора и, выйдя на крыльцо, видел, как тот ползет в направлении не то Сосновки, не то Березовке таща за собой иногда прицеп загруженный дровами или сани с большой копной сена или соломы. Иногда, после снегопадов, он ездил с навешенным отвалом и чистил дорогу. Один раз, он медленно полз впереди похоронной процессии, идущей на кладбище, везя на открытом кузове гробик, оббитый красной материей. Но чаще он ездил просто, без прицепов и отвалов, наверное, перевозя кого-то из деревни в деревню или доставляя продукты из застрявшей где-то автолавки. «И вот не будь здесь Мишки со своим стареньким трактором, – подумал Сидор, глядя как тот ползет в в гору по снежной целине, – Который за пол-литра, а может и просто так не тянул бы на себе всю эту тяжелую деревенскую работу, наверное, уже не было ни Березовки, ни Сосновки. Но они были и еще долго останутся, потому, что там обязательно найдется вот такой Мишка, который это все не бросит. Про такого не напишут в газетах, потому, что он где-то пьяница и врун, и слово не держит. Но вот, что удивительно, уже и колхозов нет и колхозников передовых с рекордными надоями. Остались одни бабки да детки и редко кто из молодых. И Мишка, который так все еще и продолжая тащить на своем стареньком тракторе эти почти заброшенные русские деревни» – закончил пафосную мысль Сидор глядя на взобравшийся, на холм Мишкин трактор и приложив руку к голове, отдавал ему военный салют.

До Нового оставались считанные дни. Сидор решил навести порядок в доме в честь праздника. Он собрал из-под лавок и вынес в сарай все эти ведра, корзины, сапоги и валенки. И убираясь, нашел, забытую при первом приезде, недопитую бутылку Чиваса.

« Будет, чем отметить, – обрадовался Сидор и ставя бутылку в сени, в холодильник. Пройдя мокрой метлой по полу, он выгреб два мешка мусора, от опилок до куриного навоза. « Да, похоже, Толик здесь ни разу не убирался, – подумал он, снимая веником черную паутину по углам. Еще, он отмыл окна, клеенку на столе и отчистил металлической щеткой, найденной в сарае, деревянный пол. Кубик испуганно поглядывал из сеней за работой Сидора, видно предчувствуя не понятные перемены, которые он не любил.

– Как будто сразу больше и светлее стало в два раза, – вслух сказал Сидор, оглядывая, сильно изменившийся вид комнаты. Потом они сходили с Кубиком в лес и срубили маленькую елочку. Кубик все время замирал в охотничьей стойке, поднимая голову и потягивая носом,

когда чуял рядом какую-то живность. Но тут же прижимался поближе к Сидору, видно его охотничьи рефлексы были полностью удовлетворены ловлей мышей под снегом возле дома. Возвращаясь в деревню, Сидор зашел в большой дом, в классы, где он заметил при первом посещении старую гирлянду из фольги и еще, открыв ящик учительского стола, нашел там алюминиевые бигуди с резинками, привязанные к ним колечками.

Придя домой, он поставил елку в угол под иконкой, нарядил ее гирляндой, вместо елочных шаров развесил бигуди и посыпал сверху, самодельными конфетти из порезанной на кусочки школьной тетради. «Хоть Дед Мороза приглашай со Снегурочкой, – удовлетворенный своей работой подумал Сидор, – Не стыдно будет людям в глаза посмотреть».

За следующие два дня, он привел в порядок маленькую покосившуюся баньку, стоящую в соседнем огороде, через дом. Прочистил дымоход, протопил ее, нагрел воды и, используя веники зверобоя, попарился от души. «Нет, пожалуй, это больше похоже на жизнь Робинзона Крузо в лесах Нечерноземья, чем на Евгения Онегина, – ложась спать на лавку и сладко зевая подвел итог дня Сидор.

Проснувшись утром, тридцать первого, Сидор перебрал в уме возможности своего праздничного стола. Выходило все то же самое: макароны по флотские, с тушенкой, пару баночек кильки, сало и фруктово-ягодная карамель на десерт к чаю из зверобоя. «Но у меня еще есть, полбутылки Чиваса, – обрадовался Сидор, и тема меню была закрыта. Уже под вечер, ближе к восьми часам с улицы раздался звук подъезжающего трактора и через минуту в дверь ввалился Мишка, немного обсыпанный снегом и как всегда пахнувший сладким перегаром.

– Встречайте гостей, господа крестьяне, – эхом прозвучал его голос в пустой после уборки комнате. И он поставил на стол, затертый армейский рюкзак. – Тут съехал я с горки от Березовки, глядь заяц бежит с рюкзаком. Ты куда спрашиваю косою? А он рюкзак бросил, а сам в лес сиганул. Открыл я рюкзак, – Мишка, немного повозившись с ремнями, распустил узел горловины, – А там гостинцы. Вод думаю кстати. Как раз Кубику и Сидору подойдет, – И он достал из рюкзака огромный мосол, – Это Кубику, – Мишка протянул кость Кубику, который уже вертелся под столом. – А, это тебе Сидор, – и он поставил на стол бутылку водки, точно такую же, какую они пили раньше, – Закуска тоже имеется, – закончил Мишка, бросив на стол банку кильки в томате.

– Спасибо Миша, – растерялся немного Сидор, – А мы вот елочку нарядили, – отвел он сторону рукой. – И еще, у меня для тебя специально есть, – он выскочил в сене и вернулся с бутылкой Чиваса, – Вот, тоже тебе подарок.

– Иностранная, – взяв бутылку и посмотрев этикетку, сказал Мишка, – Не знаю, не пробовал такую, – он поставил бутылку на стол. – А который сейчас час?

– Скоро девять, – взглянул на наручные часы Сидор.

– Ё, а чего же мы стоим. Уже Дальний Восток встретил, Сибирь встретила. Скоро к Уралу новый год подойдет, а мы ни в одном глазу, – беря бутылку водки и свинчивая крышку, сказал Мишка, – Давай тащи стаканы Сидор.

– Так я сейчас макароны отварю, с тушенкой, – ставя стаканы на стол, засуетился Сидор.

– Зачем макароны, килька же есть. Хлеб неси, – и он, развернув складной охотничий нож, привычным движением вскрыл консервную банку.

– Не будем торопить события, – наливая не полные, а лишь по половине стакана, засопел Мишка, – Ну, за новый год, идущий по стране, – Они чокнулись и выпили. – А ничего водка, – ставя пустой стакан, привычно констатировал Мишка, макая коркой хлеба в банку с килькой. Они еще выпили, за Сибирь, за Урал. Сидор, боясь быстро захмелеть, просил наливать ему на пальчик. Из сеней доносилось довольное рычание Кубика, грызущего подаренную Мишкой кость.

– Послушай Миш, я так и не понял, откуда название Еть пошло, от реки или от племени, – смотря, как Мишка прикуривает, задал вопрос Сидор.

– Причем здесь это. У нас тут речек поблизости нет никаких, и не было. И кроме русских здесь никогда ни кто не жил, – выпуская клубы дыма в потолок ответил Мишка, – Откуда ты это взял?

– В книжке про историю края прочитал, – и он показал брошюрку, принесенную из класса.

– Да, напишут они там журналисты. Сами ничего не знают, – махнул рукой Мишка. – Название Еть положил Иван Грозный, проезжая как-то здесь мимо с войском, на Волгу. Налей ка немного, – он пододвинул свой стакан. Сидор налил. Мишка поднял стакан и продолжил, – И карета его, царя, застряла прямо тут на дороге, в грязи, – он махнул на окно рукой. – Вылез Грозный из кареты, посмотрел вокруг и говорит – это еб твою ать, а не деревня. А писарь за ним тут же записал в указ, сократив все в одно слово. С тех пор она так Етью и зовется. Ну, за Еть, – и чокнувшись, он вылил в рот водку из стакана.

– Откуда ты это знаешь, – недоверчиво спросил Сидор.

– Так об этом все здесь знают, – вылавливая вилкой кильку из банки, ответил Мишка. – Любого спроси.

– Хорошо, еще вопрос, – Сидор сложил руки как школьник и посмотрел захмелевшим взглядом на Мишу.

– Давай.

– А как вот раньше при боярине Трефилове, в 18-м веке из Квасквы по этой дороге, по которой мы с Толиком с трудом проехали, могли столько кирпича привезти, чтобы и на большой дом, и на церкви хватило?

– Не было тогда здесь никакой дороги, – уверенно ответил Мишка.

– Как не было? – не понял Сидор.

– Это не дорога вообще, по которой Толик сюда ездит. Это бывшие торфоразработки. Здесь после революции местных всех раскулачили и выслали, а взамен рабочих привезли торф заготавливать. Мой дед, кстати, тогда сюда и приехал из Язани. Вот они и пробрили эту траншею. А потом уже, в семидесятых годах, сюда строители приехали, ПМК-24. Я это уже помню. Они эту траншею засыпали песком из карьера, и решило, что это дорога. Только все равно нормальной дороги не получилось. Песок весь просел. Сам видел.

– Подожди. А по какой дороге боярин Трефилов сюда кирпичи тогда возил? – возмутился Сидор.

– Не знаю, – отмахнулся Мишка.

– Значит, про Грозного знаешь, а про дорогу не знаешь, – ехидно переспросил Сидор.

– Про Грозного все знают. А вот откуда ты про дорогу эту взял?

– Из книжки этой, – и Сидор потряс «Историей края».

– Врет она твоя книжка. И про речку и про племена врет. И не было здесь раньше никакой дороги. Мне бы дед сказал, – стоял на своем Мишка. – Так хорош, болтать, наливай. Старый год провожать будем. И полный стакан наливай, а то ни в одном глазу.

Сидор налил, они чокнулись и молча, выпили думая каждый о своем

– А кирпичи могли и со стороны Язани привезти, – додумывая, закончил мысль Мишка.

– Могли, – согласился Сидор, – Только вот от Язани сюда двести верст, а от Квасквы тридцать. И боярин Трефилов тоже из Квасквы. Я и раньше про него знал, – ответил Сидор и посмотрел на часы, – Ой, две минуты до нового года осталось, – И он взялся за бутылку, но та была уже пуста. – Тогда, что ли Чивасом отметим? – потянулся он за второй бутылкой.

– Наливай, попробуем, – согласился Мишка, открывая очередную банку кильки.

– Бом, бом, бом, – изображая куранты Сидор встав из-за стола, – С Новым годом вас дорогие товарищи, – и они, чокнувшись, выпили.

– Одеколон, – поморщился Мишка. Явно настроение его испортилось.

– Давай еще по одной, – предложил Сидор и разлил остатки по стаканам, стараясь больше налить Мишки. – С новым счастьем, – произнес тост Сидор, и они опять выпили и опять без настроения. Мишка закурил, смотря куда-то в потолок. Сидор сидел, молча думая все про дорогу.

– Скучно без телевизора, – зевнул Мишка.

– Да, – согласился Сидор. – Но электричества то все равно нет.

– Это сосновские ребята в прошлом году все провода срезали и на вторчермет сдали, – объяснил отсутствие электричества Мишка. – Здесь же никто не жил тогда, – оправдывая поступок сосновских, закончил Мишка. – Послушай, а который сейчас час?

– Половина первого, – посмотрел на часы Сидор.

– Всего-то, – обрадовался Мишка. – Слушай, а давай в Сосновку махнем. Выпить, у нас все равно нет нечего. А там, в Сосновке, не все еще пьяные. Погуляем. Развеемся заодно.

– Не, Миш. Ты езжай если хочешь. А я уж здесь с Кубиком посижу.

– А, ты не обидишься? – вставая из-за стола и надевая шапку, на всякий случай спросил Сидор.

– Что ты наоборот. Хорошо посидели. Отметили, – замотал головой Сидор.

– Тогда поеду я в Сосновку, а то через час напьются уже все, – выйдя в сени и наступив в темноте, на взвизгнувшего Кубика, радостно попрощался Мишка.

Через минуту трактор затарахтел во дворе и еще через мгновение его звук стал стихать в направлении Сосновки. Сидор, набросив пальто, вышел на крыльцо. Ночь была морозная, небо чистое, звездное и над лесом, как раз там, где была дорога на Кваскву выглянул молодой серпик месяца. – «Ничего, я не могу понять с этой дорогой. Надо будет завтра сходить посмотреть материалы ПМК-24. Может там, что найду» – пришла ему в голову хорошая мысль, и он вернулся в дом, погасил лампу и лег на лавку и успокоившись, укрывшись пальто.

Утром, как только рассвело, Сидор побежал в большой дом, в кабинет ПМК-24. Внутри было холодно и он, забрав папки с отчетами, вернулся к себе. Больше двух недель, потом, он с утра до поздней ночи, перебирал, сортировал, анализировал материалы папок. Он перестал чистить дорожки в деревне и только перед вечером выходил с Кубиком на прогулку, но мысли все время крутились вокруг этой загадочной дороги.

Когда перебрал все бумаги и отсеяв нужное, Сидору в общих чертах стала понятна, современная история Ети и строительства этой злополучной дороги. Колхоз «Рассвет» к началу 70-х годов стал совсем загибаться и чтобы как-то остановить процесс, тогдашние власти переименовали его в совхоз и решили для улучшения материально-технического снабжения, соединить дорогой с Квасковским шоссе, используя часть старой дорог к бывшим торфоразработкам. – «Не соврал Мишка про деда и добычу торфа». Тогда пригнали из Язани строительную технику, принадлежавшую ПМК-24. Стали копать и возить песок из карьера, расположенного внизу под Березовкой, отсыпая песчаную подушку в основание дороги. И вроде дело пошло. По отчетам, к концу 73 года, отсыпали первые пять километров. Отрапортовали, получили грамоты, премии. Зимой, конечно, работать нельзя было – остановились до весны. Весной 74 года пришли, а песок весь просел, ниже требуемой отметки. Тогда пригнали еще техники, в два раза больше. Разрыли еще дополнительный карьер внизу под Сосновкой. И как стали возить и сыпать, и за год прошли все десять километров. Отрапортовали, получили премии. Кое-кто даже ордена и медали. На зиму уехали. Весной вернулись – нет дороги. Песок сел, так, что ели-ели над травой верхушка виднеется. Стройку остановили. Прислали комиссию. Разбирались весь 75 год. Пришли к выводу, что никто не виноват, надо дожидаться стабилизации осадки, но ждать придется, не менее трех лет. Потом, до разведать еще дополнительные карьеры и отсыпать дорогу по новой. После чего ПМК перебросили на другой объект вместе со всей техникой и больше в Ети они не появлялись. «Значит, не было здесь раньше никакой дороги на Кваскву. И прав

Мишка, со стороны Язани Трефилов все сюда завозил», – грустно подумал Сидор, захлопывая папку за 75 год.

После обеда приехал Мишка, завез продукты. Сидор рассказал ему, что удалось узнать про дорогу и ПМК.

– Я же тебе говорил, нет дороги, – немного высокомерно отреагировал Мишка. А у Сидора к этому времени уже созрела идея: «Раз нет дороги. Тогда надо ее построить, – сказал он и посмотрел выжидательно на Мишку.

– Кто же ее сейчас построит? ПМК давно не существует, как и совхоза «Рассвет». Все развалилось при демократах. Да и кому она здесь нужна сейчас? – сплюнул окурок в сторону Мишка.

– Так на будущее нужна будет, – все так же упрямо ответил Сидор.

– Может и нужна, – согласился Мишка, – А, кто строить то будет.

– Мы с тобой.

–Что?

– Песчаный карьер есть. Раз. – Сидор начал загибать пальцы на руке, – Осадка основания от прошлой насыпи стабилизировались уже давно. Два. Там немного осталось досыпать. На твоём тракторе и сделаем все. Три. Только прицеп нужен, саморазгружающий, – как будто давно все, продумав, закончил Сидор.

– Да, ты знаешь, сколько еще надо всего, – нервно заходил вокруг трактора Мишка. – Солярки. Тонну. Это только на месяц, полтора работы. Раз. – Стал наоборот оттопыривать пальцы Мишка. – Допустим все навесное – отвал, ковш у меня есть. Еще со времен «Рассвета» осталось. И даже прицеп саморазгружающий. Я на нем навоз вожу. Два, – откинул второй палец Мишка.

– Что два? Только раз. Одна солярка. – Поправил счет Сидор.

– Да, а ремонт и запчасти? Двигателя и ходовую перебрать. Два. Гидросистему и шарниры нижних тяг, давно полностью менять надо. Три. Да и задний мост ссыт. Пора на свалку. Четыре. На этом тракторе не то, что дорогу строить. Я не знаю, как на нем весной навоз возить буду, – и он со злостью ударил сапогом по заднему, большому колесу трактора.

– Сколько денег надо? – выслушав Мишку, спокойно спросил Сидор.

– А я тебе посчитаю, – парировал Мишка. – Солярку я допусти за полцены на станции у ребят с тепловоза солью. Но все равно меньше десяти тысяч не обойдешься. Ладно, ремонт я сам сделаю, но на запчасти десять-пятнадцать тысяч вынь, да положи. Ну и за бесплатно я тоже работать не буду.

– За два месяца отремонтируем трактор? Чтобы с апреля работу начать на дороге, – спросил Сидор.

– Будут запчасти, чего не отремонтировать-то. Самое время для ремонта сейчас. – согласился Мишка.

– А какую зарплату в месяц хочешь? За ремонты и потом на строительстве.

– Зарплату? – заулыбался Мишка. – Да, зимой, какая зарплата у нас здесь? – помялся немного Мишка, но потом строго сказал, – Три тысячи готовь.

– Значит так. Соляра и запчасти -двадцать пять тысяч. Зарплата за два месяца ремонта и месяц работы – еще одиннадцать. Итого тридцать шесть тысяч. Есть у меня такие деньги. Когда ремонт начнем?

Мишка весь надулся, что-то соображая. Походил вокруг трактора, заглянул под днище, постучал сапогом по колесам и вернувшись к Сидору сказал: «Завтра в район съезжу, закажу ребятам запчасти. Думаю, через неделю основное подвезут. Тогда и начнем».

– Я могу прямо сейчас деньги на запчасти дать, – с облегчением ответил Сидор.

– Не надо. Пусть сначала привезут. Да я, наверное, еще сегодня успею к ним слетать, договориться – с энтузиазмом ответил Мишка и полез в трактор. Потом повернулся и крикнул

через открытую дверь. – Февраль, март ремонт. В апреле песок заготовливать начнем. А потом опять солярку надо покупать.

– Я найду еще деньги на потом. Не волнуйся, – и Сидор посмотрел на свой не дешевый Роллер и подумал: «Тысяч за двадцать пять смогу, наверное, сдать его в Кваске».

– Только в мае я весь месяц не смогу у тебя. Там огороды людям пахать надо, – и он махнул рукой в сторону Сосновки

– Хорошо. Договорились. – Мишка завел трактор и счастливо улыбаясь, явно обрадованный возможностью отремонтировать свой старенький трактора, помчался по снежному полю в направлении Березовки.

– Пошли Кубик, домой. Обедать пора, – позвал он играющего с мышкой Кубика. Поднялся на крыльцо и открыл дверь, пропуская вперед собаку.

Действительно, через неделю Мишкины знакомые привезли основные запчасти. Мишка загнал во двор трактор. Они с Сидором сделали небольшой навес, чтобы защитится от снега, и приступили к ремонту. Основной ремонт, конечно, делал Мишка, а Сидор был на подхвате, поддержи, подай. Но и своим присутствием он не позволял Мишке расслабиться. Жаль день еще был короткий и как начинало темнеть, они прекращали работу и уходили в дом. Ужинали, Сидор садился за свои газеты, а Мишка, глядя на него, тоже листал цветной журнал про немецкие трактора фирмы «Хипстер», привезенный ребятами вместе с запчастями.

– Да, будь у меня такой трактор. Я бы на нем не то, что вокруг Сосновки с Березовкой все обработал. Я бы весь район перепахал. Умеют же немцы технику делать, – не то, возмущаясь, не то, восхищаясь, приговаривал Мишка, листая журнал. На третий день он не выдержал сидеть вечером дома и предложил: «Есть идея, чтобы не запить от безделья, взять у лесника в аренду бензогенератор для освещения и работать по вечерам». Сидор с радостью согласился, выдал Мишке тысячу и тот пешком ушел в Березовку к леснику. Трактор стоял разобранный во дворе. К вечеру Мишка не вернулся. «Значит, не выдержал, запил, – уныло подумал Сидор, ворочаясь на лавке, никак не засыпая. Но на следующие утро к дому подкатили сани запряженные маленькой, серой лошадкой и Мишка с каким-то мужичком поставили на снег ярко раскрашенный агрегат и бензиновую канистру.

– Извини Сидор, у лесника слабый генератор оказался. Пришлось к ребятам на станцию ехать. Зато, этот почти новый, – входя в дом вместе с парами сладкого перегара, бодро отпартовал Мишка. В этот день, развесив под навесом лампочки, и запустив генератор, они поработали до позднего вечера. Радостные и уставшие вернулись в дом. Мишка достал припрятанную бутылку водки и банку кильки. «Вот взял на сдачу. Надо отметить, чтобы генератор не сломался», – объяснил он, разливая водку по стаканам. Выпили.

– Ты мне это, ты мне зарплату каждый месяц не плати. А лучше потом, когда закончим, в район съездим. И ты мне за эти деньги, что начислишь, телевизор купи. А то я уже, третий год собираюсь, но скопить самому не удастся, – сказал Мишка, закуривая сигарету.

– Договорились, – согласился Сидор.

– И еще. Без водки совсем, нельзя здесь. Поэтому, раз в неделю с тебя бутылка. На двоих конечно, – немного смущаясь и глядя в сторону, поставил условие Мишка.

– Принимается. По субботам баньку натопим, попаримся, а потом, и выпить не грех – поддержал Сидор. Мишка в ответ сразу расслабился, стал листать брошюру про немецкий трактор, приговаривая, – Вот умеют же немцы, а?

К середине марта они закончили ремонт трактора. Мишка, съездил еще раз за запчастями для прицепа и навесного оборудования. Привез три тонны солярки в автоцистерне. И они стали готовиться к работам по отсыпке дороги. Сначала, расчистили и накатали временную дорогу в карьер и организовали площадку у леса, откуда начиналась дорога на Кваскву, для промежуточного складирования песка.

– Сейчас сразу нельзя сыпать в дорогу, пока не оттаит основание, – явно разбираясь в предмете, деловито сказал Мишка. – Мы пока сюда навозим, в штабель, а потом в конце апреля, когда земля прогреется, я его за неделю в дорогу уложу.

Надо сказать и с погодой им здорово повезло. Зима в это году была малоснежной, а с конца марта постоянно стало светить солнце. Снег сошел почти за неделю, земля прогрелась и уже во второй половине апреля на открытых местах вспыхнула ярко – желтыми цветами «мать и мачеха», а Кубик стал бегать в соседние деревни в поисках невесты.

– Все. Завтра начну толкать на дорогу. Денька три так поработаем. Потом паузу сделаем, пусть немного устоится. А мы пока из карьера еще песка подвезем, – с серьезным видом, рассказал план действия Мишка.

– Тебе здесь начальником самым главным ставить надо, – искренне похвалил его Сидор.

– Не нужны нам здесь вообще никакие начальники. Нам бы запчасти для трактора подешевле и автолавка почаще, чтобы приезжала. С остальным сами разберемся, – явно польщенный, скромно ответил Мишка.

Так они и сделали. Мишка за три дня отсыпал и разровнял метров сто дороги. Ее ровную, поверхность было видно издали, со стороны. Она отливала песком, среди еще не покрытого зеленью леса и радовала Сидора, наполняя его душу ощущением, что не зря он все это затеял. И вообще не зря все это вокруг.

Потом еще неделю, они завозили резерв песка для следующего участка. А к концу апреля небо вдруг затянуло серым, и зарядил противный, холодный дождь.

– Сейчас, сыпать в дорогу лучше не надо. Раскисло все внизу, – задумчиво смотря на бегущие по небу дождевые, облака сказал Мишка. – Вот дождь перестанет, подсохнет. Тогда и продолжим. А я пока в Сосновку и Березовку смотаюсь, огороды людям перепашу.

– Хорошо, – согласился Сидор. И Мишка, подвесив плуг на трактор, уехал в направлении Сосновки.

Дождь шел, не переставая, еще три дня. Сидор устав от ожидания, и на утро четвертого дня, набросив на себя брезентовую плащ-накидку, найденную на чердаке, пошел к лесной дороге. Не то из-за дождя, не то из-за испарения от земли, он как не вглядывался издали, так и не смог увидеть белую песчаную поверхность дороги. Он не увидел ее и подойдя к самой дороге. Песчаная насыпь осела местами, полностью уйдя под воду. Сидор стоял как замороженный, глядя на размытую дорогу, отбросив капюшон с головы, не замечая усилившегося дождя хлеставшего его по лицу. За шумом дождя, он не услышал подъехавшего сзади синего трактора, в котором, включив дворники, сидел Мишка и курил, выпуская дым через приоткрытую дверь. Через какое-то время дождь резко прекратился. Из леса стали доноситься редкие голоса птиц. А Сидор все стоял и смотрел на дорогу.

– Я же тебе говорил, не получится ничего с дорогой. И не было здесь ее никогда. Природу не обманешь, – сказал Мишка, сверху, стоя на тракторе.

– Я тебе за работу все заплачу, как договаривались, за три месяца, – обернулся к нему Сидор.

– Мне бы телевизор. Может, съездим завтра на станцию. Там у них в сельпо они стоят. Кажется китайские.

– Если хочешь можно и сегодня. Деньги твои у меня в доме, – предложил Сидор.

– Не, сегодня мне пахать, а потом навоз возить. Завтра с утра подъеду. Хочешь, до дома подвезу? – садясь в кабину, спросил через дверь Мишка.

– Нет, я пройдуся, подышу, – отрицательно замахал головой Сидор. Мишка сдал трактором назад, влез задними колесами на откос, развернулся и поехал по раскисшей в лужах дороге. Сидор наоборот сошел с дороги в лес, где было по суше и опустив голову в землю побрел в сторону Ети.

Вернувшись, домой Сидор, первым делом встав на стул у иконки, чтобы достать спрятанные за ней деньги, и отсчитать Мишкину зарплату. Нащупав сильно похудевший за последнее время сверток с деньгами, он вытащил его вместе с какой-то тетрадкой, которая тоже лежала рядом, но раньше не попадалась под руку. Было еще светло и Сидор сев за стол, не включая лампы, и открыл тетрадь. На первом листе, разборчивым почерком от руки было написано «Отчет об инженерно-геологических изысканиях, по выявлению запасов нерудных строительных материалов вблизи деревне Еть». И ниже, красным карандашом крупно стояло – черновик. Став листать тетрадь, он ничего интересного там не обнаружил. Были приведены описание карьеров с подсчетом запасом песка. Какие-то геологические таблицы. Все это Сидор уже не интересовало. В самом конце под заголовком «Выводы», пункт четвертый, было жирно подчеркнуто тем же красным карандашом, и Сидор автоматически прочитал подчеркнутое: «по откосу в сторону леса в песчаном карьере вблизи деревни Березовка, выклиниваются плотные голубые глины и там же обнаружена горизонтальная шахта, ведущая внутрь пласта. Шахта старинная, но обустроена по всем правилам горного дела. И явно когда-то давно использовалась для добычи породы из глубины», – на этом выводы заканчивались, а вот полоса от красного карандаша, не прерываясь шла к краю листа и обрывалась красной стрелкой. Сидор перевернул страницу, но следующей страницы там не было. Он посидел немного в задумчивости, потом подошел к иконке, залез на стул, отодвинул иконку в сторону и заглянул на полку. В самом углу на тетрадном листке лежало что-то завернутое в тряпку. Он достал этот предмет с листком и вернулся к столу. Комната уже наполнилась вечерними сумерками, и Сидору пришлось зажечь лампу. Подвинув лампу ближе к листку бумаге Сидор прочитал следующие, написанное тем же четким почерком: « По косвенным признакам синие глины в карьере являются алмазосодержащей породой. Просеяв образцы, взятые из шахты, я нашел этому неопровержимое подтверждение». На этом четкий почерк авторучкой заканчивался, и дальше размашисто было написано уже красным карандашом: – «Завтра я уезжаю отсюда и кажется навсегда. Мне наконец-то дали разрешение на выезд в Израиль. Я не хочу им, сегодняшней власти страны, оставлять свою находку. Но не по соображениям корысти, а исходя из уверенности, что эта власть никогда не сможет использовать мое открытие во благо людей. Я не верю ей. Поэтому, ты случайно нашедшей мои записи и образец породы, реши сам, на свое усмотрение, как дальше поступить с этим. Я надеюсь на твое благоразумие. С уважением, геолог Семен Клейн. Деревня Еть, август 1974 года» и ниже, уже ручкой постскриптом: «Думаю не зря боярин Трефилов, стал в те далекие времена скупать и обустраивать здешние земли. Он что-то знал про алмазы, и шахта должно быть тоже принадлежала ему. Вот только для меня осталось загадкой, как он доставлял сюда стройматериалы из Квасквы». Сидор, закончив читать, развернул лежащий перед ним предмет, завернутый в тряпицу. Там оказался окаменевший кусок синей глины, сколотый по одному краю. Поднеся его ближе к лампе, он увидел на сколе мерцающий блеск, исходящий от множества алмазных кристаллов, вросших в материнскую породу.

Сидор почти не спал всю ночь, потрясенный найденной рукописью Клейна. Лишь под утро он задремал, но скоро был разбужен Кубиком, скулившим под дверью. Сидор вышел на крыльцо. Вид Кубика вернувшегося из ночного похода в Сосновку, в поисках невест, был жалок. Одно ухо разорвано, до крови. Из бока вырван огромный клочок шерсти и в придачу он прихрамывал на две ноги. Похоже, сосновские кабелы не посчитались с его породистым происхождением и, задав трепку, выставили вон из деревни. Сидор обмыл раны Кубика холодным чаем из зверобоя и накормил макаронами «по флотские», оставшимися с вечера. После чего тот, развалился у сарая, на солнышке, на пробившейся первой травке и мгновенно заснул, поскуливая во сне и нервно дергая задней лапой. Сидор доел остатки макарон, запил холодным чаем и стал с нетерпением дожидаться Мишку, нервно расхаживая по двору. Прошло

часа два, Мишка так и не появился, и Сидор засобирался на Березовский карьер, о котором упоминалось в записке Клейна. Он взял штыковую лопату, топор, убрал в армейский рюкзак керосиновую лампу, одел резиновые сапоги, перебросил через плечо плащ-накидку и выйдя за деревню, пошел к Березовскому карьере.

Карьер располагался внизу, километрах в трех от Березовки и одним высоким склоном выходил к лесу. «Там надо искать, на склоне», – решил Сидор и полез вверх, хватаясь, чтобы не упасть за молодые березовые побеги. Обшарив весь склон, и не найдя ничего похожего на шахту, Сидор спустился вниз. Найдя сухое место, расстелил на склоне плащ-накидку, прилег отдохнуть и скоро заснул, обдуваемый ласковым весенним ветерком.

Проснулся он от громкого карканья ворон кружащих чуть в стороне. Вороны явно выясняли отношения друг с другом из-за территории. Вдруг одна из ворон камнем полетела вниз и исчезла в березняке на склоне. «Чего это она там потеряла, – подумал Сидор и прихватив рюкзак и лопату, пошел к месту падения вороны. Пробравшись сквозь мелколестник, он увидел темное отверстие входа в пещеру из которого, громко хлопая крыльями, напугав Сидора, обратно вылетела ворона. Запалив фитиль керосиновой лампы, Сидор держа ее впереди, над головой, вошел внутрь – «Это, наверное, и есть та самая шахта, – оглядевшись по сторонам подумал он. Стены и потолок внутри, были закреплены почерневшими от времени бревнами, через щели между ними, местами проступала вода, образуя причудливые соляные наросты. Вода слабым ручейком уходила из шахты наружу, по полу, усыпанному небольшими окатышами. Сидор наклонился, взял один шар, и разглядел, подсвечивая лампой. Он был внешне очень похож на тот, который нашел Клейн. Держа лампу над головой, Сидор стал углубляться в шахту. Но пройдя метров десять, остановился перед обвалившимся сверху грунтом, полностью перекрывавшим проход. Он набрал полный рюкзак окатышей и вышел наружу. Положил один камушек, на валун, лежащий на земле, он обухом топора разбил его. Внутри ничего не блестело. «Ладно, дома докуем», – решил Сидор и, собрав вещи, вернулся в Еть.

Мишка так и не приехал. Кубик переполз в тень, за крыльцо и продолжал спать, нервно дрыгая лапой. Сидор, высыпав из рюкзака окаменевшие окатыши, подкатил ржавый колесный диск, сел рядом на маленькую скамейку, и начал поочередно разбивать окатыши, внимательно рассматривая сколы. В таком занятии он провел несколько часов. Иногда промахиваясь, Сидор, попадал обухом топора по железу, отчего Кубик вздрагивая, приподнимал голову, а по округе разносился долгий металлический звон, как от удара колокола. Ближе к вечеру, когда уже почти вся куча окатышей превратилась в бой, Сидору повезло, и на одном из сколов, он наконец-то увидел долгожданное мерцание всего лишь одного кристалла. Сомнений не было. Именно про эту шахту писал Клейн в своих записках.

Он поднялся в дом, поужинал, не разогревая остатками макарон. Заварил зверобой. Открытую банку кильки и выйдя на двор, поставил у крыльца. Собачьи консервы давно закончились, и Кубик с удовольствием перешел теперь на кильку. Опять вернувшись в дом, сделал по ярче лампу и несколько раз внимательно перечитал тетрадку Клейна. «И Клейн предполагает, что была, была сюда дорога из Квасквы, – вновь придя в возбуждение, произнес Сидор. Потом встал, накиннул на пальто, вышел на крыльцо. На небе расплывчато желтела луна. Кубик сидел посреди двора и, вытянув морду, прислушивался к лаю собак доносившемуся иногда из Сосновки. «Надо завтра еще раз сходить в большой дом. У людей здесь бесполезно узнавать. Тех, кто мог знать про дорогу, давно раскулачили и выслали», – вспомнил он рассказ Мишки. – «Теперь одна надежда на большой дом. Вдруг там удастся найти зацепку». Сидор постоял еще немного, вслушиваясь в окружающее ночное пространство. Собрался было уходить, как по небу скатилась и пропала внизу падающая звезда. «Хорошая примета, – улыбнулся Сидор, загадывая желание. И уже с настроением, пошел спать.

На следующий день, оставив для Мишки записку, приколотую к забору, они с Кубиком пошли к большому дому на разведку. Еще раз, пересмотрев внимательно книги в шкафу

класса, простучав стены в поисках тайника, вскрыв несколько досок пола, в комнатах и даже заглянув за портрет Ленина в кабинете ПМК-24. Но ничего, кроме латунных трех копеек за 1972 год не нашел. Кубик сообразив, что надо что-то искать и сначала притащил из-под лестницы засохший скелет голубя, а потом из комнаты «Сельсовет», банку кильку, наверное, забытую когда-то Мишкой. «Похоже здесь в 70-е годы сделали капитальный ремонт и все старое выбросили», – садясь за учительский стол, подумал Сидор. Солнце уже садилось к горизонту, и случайный луч, пробившись через мутное стекло окна, попал на стеклянный глаз чучела медведя стоящего в углу, да так что глаз в ответ вспыхнул зеленым светом, как живой. Сидор подошел к медведю, дотянулся пальцем до глаза. Тот оказался теплым и приятным на ощупь. Он покрутил его, и вдруг неожиданно, нижняя челюсть медведя отвалилась вниз и оттуда выпала на пол что-то свернутое в трубку. От испуга Сидор отшатнувшись назад, чуть не упав, а Кубик с визгом вылетел вон из класса. Немного придя в себя, Сидор, подняв свернутый в трубку предмет. Развязал веревочку, обмотанную вокруг, и развернул старый плотный лист бумаги с какой-то нарисованной схемой. Подойдя к окну, разгладив бумагу на подоконнике, он с удивлением обнаружил на листе карту, нарисованную от руки. В середине, под надписью Ет (ъ), через ять, были разбросаны несколько маленьких домиков с большим в центре. Влево и вправо от большого дома вели две змейки дорог в сторону других домиков нарисованных выше, на двух холмах и с надписями – Сосновка, Березовка. А вниз от большого дома спускалась более широкая дорога, к лесу, обозначенному елочками. И уже по лесу, дорога пунктиром уходила еще ниже, к краю листа. «Стоп. Это же схема дорог от Ети», – взволнованно подумал Сидор. Он схватил листок и выбежал с ним на улицу. Став спиной к дому, вытянув перед собой развернутый листок, сориентировал его так, что слева и справа за спиной расположились Березовка с Сосновкой, а другим краем он навел его параллельно лесу.

– А нарисованная дорога-то совсем в другой стороне, чем торфяная. Она, левее! Левее! – заорал Сидор. Да так, что, было успокоившийся Кубик, подскочил, испугавшись крика, и что есть силы, помчался к своему дому. Сидор стал вглядываться в том направлении, куда по схеме вела дорога, но ничего не увидел похожего, кроме поля заканчивающегося лесом. Он приблизительно отметил для себя, где должна была выходить дорога у леса, и пошел в этом направлении, внимательно рассматривая землю под ногами. Пройдя немного вперед, он действительно обнаружил едва заметный след однопольной грунтовой дороги. По дороге явно давно не ездили, и только островки гусиной травке, пунктирно растущей по краям, не давали пропасть ей из поля зрения. Дойдя так почти до леса, Сидор остановился перед небольшим оврагом, с противоположной стороны которого из земли ели видно торчали два оголовка бревна вбитых в землю. «Здесь должно быть был мост», – не веря увиденному, таинственно произнес Сидор. Он, спустившись вниз, перешел овраг и опять обнаружил по следам гусиной травки, колею дороги. Дойдя до самого леса, он растерянно остановился перед сплошной стеной высоченных елей вставших перед ним. Пошел мелкий, холодный дождь. «Где же теперь искать дорогу? – оглядевшись по сторонам, подумал Сидор и, постояв немного стал пробираться через кусты в лес. Пройдя метров десять-пятнадцать, вдруг неожиданно впереди перед ним возникла просека, уходящая вдаль и поросшая по сторонам невысоким березняком, а в середине вымощенная ровными кубиками гранитной брусчатки. Сидор сел на колени, и глядя обеими руками остывшие прохладные гранитные кубики, произнес срывающимся голосом: – «Вот она, настоящая дорога на Еть. Которую построил Трефилов. Я знал, я знал, что ты есть». – и он неожиданно для себя, отчаянно зарыдал, как будто все накопившееся в нем за последние месяцы беглой, неустроенной жизни, вырвалось из него наконец-то облегчающим потоками слез впоремешку с дождем, сливающихся на камни голубой дороге ведущую в Еть.

Дождь перестал только к вечеру. А утром, когда над округой, взошло уже теплое, весеннее солнце. Все вокруг заискрилось, отражаясь лучами в каплях воды на траве и деревьям.

Сидор вышел на улицу в одной рубашке, сел на лавку перед домом, подставив солнцу белое, незагоревшее лицо. Раздался звук трактора и на улицу выехал Мишка, выглядывая сбоку, через открытую дверь кабины.

– Чего это ты тут развалился? – спросил Мишка, глуша мотор. И даже на таком расстоянии Сидор почувствовал сладкий запах перегара шедшего от него.

– Жду, тебя третий день уже. За телевизором ехать договаривались вроде, – не открывая глаз, ответил Сидор.

– Отменяется телевизор.

– Чего это? – открыв глаза, Сидор посмотрел на Мишку.

– Раньше премии в совхозе давали, холодильниками, телевизорами, после посевной или уборки, когда работу сделали. А мы не сделали. Дорогу не построили. Спасибо за то, что хоть трактор помог отремонтировать, – выдал непривычно длинную для себя речь Мишка.

– Миш, а я ведь нашел дорогу. Есть она. – Поднимаясь с лавки, сказал Сидор.

– Какую еще дорогу? – не понял Мишка.

– Таковую же, которую мы с тобой собирались построить. От Ети на Кваскву. Только лучше.

– Где ты ее нашел? В хате под лавкой что ли?

– Нет, не под лавкой. Поехали, покажу, если не веришь, – и он полез к Мишке в кабину.

Трактор медленно ехал через поле, подпрыгивая на ухабах. Сидор вылез из кабины, стоя на ступеньке и держась одной рукой за ручку, второй показывал куда ехать. Остановившись перед лесом, они спрыгнули на землю, и пошли дальше пешком. Следом, на некотором расстоянии за ними бежал Кубик. Но в лес не пошел. А сел перед трактором и стал ждать, поглядывая по сторонам.

– Идешь твою мать, – выдохнул Мишка, стаскивая с головы кепку и стуча сапогом по брусчатке. – Это раньше строили, еще до моего деда, – оправдывая родственника, сказал он, – А потом они, кулаки, которые против советской власти, видно, чтобы спрятать, разобрали часть дороги и лесом засадили. Вот большевики и не узнали ничего, – как всегда толково, объяснил он, почему дорога прерывалась. – Но это ерунда. Я мужиков соберу, они за ящик водки, здесь все порубят, раскорчуют. А мы потом сверху песочком укатаем, и будет как автострада.

– Тогда чего, поедем за телевизором? Дорога то есть. Значит можно и премию получать, – улыбнулся Сидор.

– Да, я не против. И обмоем заодно, – залезая в кабину, согласился Мишка, подавая руку Сидору.

За телевизором пришлось ехать километров двенадцать, в «Хозмаг», на железнодорожную станцию. Мишка, пытаясь сэкономить деньги на выпивку, предлагал взять поменьше размером. Но Сидор, наоборот, добавив еще, выбрал 37-ми дюймовый с тонким, плоским экраном.

– Японский, кажется, – проведя осторожно рукой по краю телевизора, восхищенно произнес Мишка. – Но у меня нет сейчас денег, чтобы обмыть.

– У меня осталось. Как раз хватит, – протянул он сдачу Мишке. Они погрузили коробку с телевизором в кабину. Потом Мишка сбежал в продуктовый, затарился. И с трудом, разместившись с телевизором в кабине, они, доехав до Сосновки и расположились на травке, на холме, с прекрасным видом на Еть и округу. Мишка, расстелив кусок брезента на траве, и подложил для сиденья промасленные телогрейки. Достал из пакета две бутылки водки, коляску одесской колбасы, банку маринованных огурцов и пластиковые стаканчики.

– Вот, настоящий праздничный стол у нас получился. Надоела уже эта килька, – нарежая крупно хлеб, похвалился Мишка. Они выпили по первой, по полному стакану. – За телевизор, – произнес тост Мишка. Закусили колбаской. Сидор взял банку с огурцами и прочитал на этикетке, – «made in Italy». – «Итальянские огурцы что ли?» – удивился он.

– А то, – гордо ответил Мишка, закуривая.

– А своих, что нет?

– Так это возиться надо. А тут привозят готовое, – отмахнулся Мишка, разливая по второй.

– За тебя хочу выпить Сидор. За то, что нашел дорогу. С такими способностями, тебе парень золото надо искать или алмазы, – искренне сказал Мишка.

– И это найдем, не переживай, – быстро за хмелев от целого стакана, хитро улыбаясь ответил Сидор, поднимая свой. Выпили. Дальше Сидор уже смутно помнил, как и за что они пили потом. Помнил, только как отказывался есть итальянские огурцы, выбрасывая их из банки в траву и требовал подать кильку в томате. Мишка залез в трактор, и где-то под сидением нашел банку кильки. Но Сидор этого уже не помнил.

– Вот не дано человеку пить. Что тут поделаешь, – допивая остатки второй бутылки, почувствовал Мишка, закусывая найденным в траве огурцом. Потом он встал, собрал остатки и вещи. Отнес их в трактор. Аккуратно поднял на руки спящего Сидора и тоже погрузил его в кабину. Постоял немного, покурил, нежно поглаживая коробку телевизора, торчащую из кабины. Завел трактор и поехал в Еть, освещая в темноте фарами дорогу впереди.

Сидор проснулся от того, что его кто-то тряс за плечо, приговаривая: «А запах-то, запах». Он сел на лавку еще ничего не соображая, растирая глаза кулаками. «На, выпей ка холодненькой, – сказал все тот же голос и Сидор почувствовал на губах прохладный край от металлической кружки. Он схватил руками кружку и жадно выпил холодной, колодезной воды. Сразу стало легче. Он широко раскрыл глаза и посмотрел по сторонам. У двери стояла, красивая, стройная блондинка.

– Здравствуйте. А вы кто? – спросил Сидор, пытаясь встать, но ему это не удалось.

– Тамара, – представилась блондинка и улыбнулась.

– А меня, что в упор не видишь? – раздался над Сидором разбудивший его голос. Он повернул голову. Слева стоял улыбающийся Толик, под ногами которого крутился счастливый Кубик.

– С Мишкой, небось, вчера на бухались, – протягивая руку, спросил Толик.

– С Мишкой, – и Сидор поискал глазами по сторонам собутельника.

– А это Тамара, моя жена. Помнишь, я про нее тебе рассказывал?

– Нет, не помню, – пересыхающим голосом ответил Сидор.

– Ну, как же. Агент ГБ. Которая у меня в квартире в засаде на тебя сидела. – Толик подошел к Тамаре, обнял за плечи, – На прошлой неделе, расписались законным браком. Ребеночка ждем. Она уже на третьем месяце, – и он нежно погладил Тамару по животу.

– Ну, перестань при людях, – Тамара, смущаясь, убрала руку Толика с живота.

– Как ребеночка? А меня, что под арест. – И Сидор стал медленно поднимать вверх обе руки.

– Забыл, самое главное, – отойдя от Тамары, и опуская руки Сидора, сказал Толик. – Ты оказался не причем. С тебя сняли все обвинения. Мы для этого и приехали, чтобы сказать.

– Как сняли? За что?

– Комедия с ошибками прямо вышла. Расскажи ему Тамара, – и Толик зачерпнул из ведра воды, сам стал жадно пить.

– У нас все материалы задерживаемых на митингах подшиваются в дело и ежемесячно проверяются, – сказала Тамара глубоким обворожительным голосом и подойдя к лавке на которой сидел Сидор, села рядом, закинув одну ножку на другую, отрыв поразительной красоты коленку. – И помечаются цветами, – Тамара подтянула край юбки, прикрывая коленку, на которую, пристально уставившись, смотрел Сидор, слушая ее. – Если, человек просто, ходит на митинги и ничего не нарушает, – ставят зеленую метку. А если начинает, призывать, безоб-

разничать – красную. Так вот вам вместо зеленой случайно поставили красную. – улыбаясь закончила Тамара.

– Почему красную, я ни чего понял? – беря кружку, протянутую Толиком и жадно делая глоток, спросил Сидор.

– У нас секретарша, у которой лежали папки с делами, красила ногти и мазнула кисточкой по вашей, вот и получилась красная метка. Это потом уже проверка установила. А у нас все по инструкции, раз красная – виноват. Поэтому вас сначала и заподозрили. А когда вдруг ваше дело приказали забрать на проверку, сразу и вскрылась ошибка. Ниже, стояла зеленая метка. Не беспокойтесь, секретарше уже строгий выговор объявлен. Теперь понятно? – Тамара, глядя в глаза Сидору, все также улыбнулась, открыв прекрасный ряд белоснежных зубов.

– Не совсем. Простите. Так неожиданно все, – невнятно ответил Сидор, опустив глаза в пол и умолк.

– Ну, чего человека грузишь. Не видишь с похмелья он. Потом объяснишь, по дороге. Пойдем Сидор, поможешь мне консервы для Кубика разгрузить, – сказал Толик и, приобняв Сидора за плечи, вывел его на улицу. Перед домом стояло все тоже желтое такси, на котором они приехали сюда в первый раз. Подойдя к машине, Толик открыл багажник, и они перенесли к дому два ящика консервов. Тут же вскрыв один, Толик достал банку, открыл за кольцо на крышке и поставил перед Кубиком. Тот подошел, понюхал, и не став есть, с безразличным видом отошел в сторону.

– Чего это с ним? – удивился Толик.

– Он теперь на кильку в томате перешел, – махнул рукой Сидор. – Мишка заберет для своих.

– Когда домой поедет, мальчики? – вышла на крыльцо Тамара.

– Сейчас, Мишку дождемся. Мы его встретили по пути. – Обращаясь к Сидору, пояснил Толик. – Он в Березовку на полчаса поехал, помочь кому-то. И тоже потом с нами в Кваску поедет.

– Зачем ему в Кваску? – находясь в какой-то прострации, спросил Сидор.

– Для трактора, что-то по электрике надо из запчастей, – пожал плечами Толик.

– Хорошо тут у вас, – подставляя лицо солнцу, сообщила Тамара.

– И зимой тоже не плохо. Да, Сидор, – заноса коробку с консервами в дом, добавил Толик.

Потом приехал Мишка, в новом джинсовом костюме и бейсболке. Толик быстро засобирался: «А то вдруг дождь пойдет». Кубик сообразив, что гости уезжают, куда-то сразу убежал, чтобы не забрали и его. Закрыли дом, спрятали ключ за косяк. И сев в машину, под веселую болтовню Толика поехали в Кваску.

Толик привез Сидора с Мишкой к себе. Сказал, что сам теперь живет у Тамары в двухкомнатной. Оставил Сидору старый телефон и ноутбук – «Там денег есть немного, на телефоне. Компьютер подключен к интернету. Пользуйся. Если что, звоните» – и, махнув на прощанье рукой, побежал к Тамаре, ждущей в машине.

Проснувшись на следующее утро, Мишка попросил в долг, на запчасти, семь тысяч. Сидор выгреб из кармана оставшиеся деньги. Набралось чуть меньше пяти тысяч.

«Можно попробовать роллер продать», – снимая с руки часы, предложил Сидор. Они спустились вниз, на улицу и дошли до ближайшего метро, где обычно постоянно дежурили машины с табличкой на лобовом стекле «Скупка золота и ценностей». Им удалось продать часы всего за двадцать тысяч. Отдав Мишке восемь, с учетом непредвиденных расходов. Сидор вернулся в квартиру, а Мишка уехал за запчастями.

Сидор включил компьютер, зашел на почту, набрал Генин адрес и отправил условное сообщение: «Жить в деревне надоело. Хочу домой». Ответ пришел через несколько секунд: «Срочно встречаемся в кафе, где раньше. Я давно тебя ищу. Жду прямо сейчас». Сидор не тратя времени, вышел на улицу, поймал такси и уже через полчаса входил в конспиративное

кафе. Увидев его Гена подскочил из за стола, опрокинув чашку с кофе. «Наконец то!», – обнимая Сидора и хлопая по спине, обрадовался встрече Гена.

– Значит так, все сработало, даже лучше чем мы думали, – стал рассказывать цепь событий Гена. – Мы подняли на ноги все правозащитные организации на западе. О тебе стали там писать, говорить в газетах и по ТВ. Известная компьютерная фирма выпустила игру

« Поймай Сидора» – миллионные тиражи! Знаменитая исландская писательница выпускает уже третий роман про твои приключения – «Неуловимый Сидор 3».

– Почему три? – не понял Сидор.

– Потому, что в первых двух ты уже успешно ушел от преследований. Но за тобой все продолжается охота агентов МГБ, – объяснил Гена. – Сейчас готовится к съемке одноименный фильм. Продюсеры решают, кого из известных режиссеров пригласить. Мы открыли в Швейцарии фонд твоего имени, на который перечисляют значительные проценты от продажи игр и книг. И сборы от фильма, тоже пойдут сюда. – деловито докладывал Гена. – На счету уже десятки миллионов в стабильной валюте. – Ты официально президент фонда, я генеральный директор, – радостно улыбнулся Гена и поднял указательный палец вверх. – Теперь план действий, как нам получить наши деньги. – Гена наклонился ближе к Сидору и в полголоса продолжил, – Я могу выехать на Запад легально. А тебя мы переправим подпольным каналом. Дальше там начинаем заниматься бизнесом, не забывая конечно, по мере сил, помогать борцам за справедливость, например, врачам без границ или зеленым с голубыми. – Закончив он, отдуваясь, и откинулся на спинку стула, – Что скажешь? Как тебе моя работа?

– И меня можно уже легально перевозить. Гэбешники признали меня не виновным, – улыбнулся Сидор.

– Это потому, что они испугались шумихи! Потому, что я поднял Запад, – тут же отреагировал Гена.

– Не знаю. Вполне возможно. Мое дело почему-то затребовали на проверку, – поддержал его Сидор.– А потом вообще закрыли.

– Тем более. Надо срочно, выезжать и оформлять права собственности. Пока интерес к тебе окончательно не пропал. Когда сможешь?

– Да, хоть завтра, – пожал плечами Сидор.

– Отлично. Где твой паспорт? – не снижая оборотов, продолжил Гена.

– Здесь, со мной. – Сидор достал паспорт, протянул Гене. Гена включил компьютер, что-то поискал в интернете, – Вот, завтра есть прямой рейс в Цюрих. Вылет в обед в два часа. Подходит?

– Да мне все равно, – согласился Сидор. Гена еще немного постучал по клавишам. – Все, готово. Билеты я купил. Вылет завтра, в четырнадцать ноль, ноль, бизнес классом из Бабадедово. Рейс 16324. Тебя откуда забрать?

– Не надо. Я сам доеду. – Ответил Сидор, поднимаясь из– за стол. – Если что-то потребуется, звони, у меня есть телефон и он продиктовал Гене номер.

Выйдя из кафе, Сидор дошел до метро, обдумывая про себя новую действительность. Постояв немного перед входом, отошел к ларьку, купил мороженное с колой и пошел в сквер, расположенный рядом. Доев мороженное, он набрал по памяти хорошо знакомый Лизин номер.

– Это, я зануда, – сказал он, услышав ее «але».

– Ты еще жив? – каким-то странным голосом спросила она в трубку.

– Да. И у меня все хорошо. Завтра улетаю в Цюрих. Хотел пригласить тебя в кафе, в аэропорту. Посидеть перед отлетом. Ты опять не веришь мне?

– Верю. Ты теперь известная личность. Про тебя весь интернет говорит. Ты оказался не такой зануда, как я думала.

– Такой же. Так ты приедешь?

– Обязательно. Пока, – и она положила трубку. Сидор посидел еще немного. Потом набрал номер отца и нажал вызов.

– Але. Папа, это я. Нет, все нормально. Тебе доложили? Понятно. Нет, с меня сняты все обвинения. Я завтра улетаю в Цюрих. Приезжай, посидим в кафе, отметим. Да, рейс из Бабадедово. Вылет в четырнадцать. Приезжай часиков в десять, одиннадцать. Буду очень ждать тебя. Обнимаю. – Сидор заулыбался про себя, глубоко вздохнул несколько раз и, поднявшись со скамейки, медленно пошел в сторону метро.

Толик заехал за Сидором в девять утра.

– Тамара тоже приедет со своими тебя проводить. Прямо в аэропорт, – сказал он, входя в квартиру. Вещей у Сидора вообще не оказалось. Пальто с каракулевым воротником он оставил в Ети, а остальные были так заношены, что брать их в Швейцарию показалось неудобным. Зато Мишка набрал два мешка запчастей, и они с трудом запихнули их в багажник машины.

– Куда тебе столько, – раздраженно высказывал Толик.

– Это не пропадет, – отмахивался Мишка.

Наконец они загрузились и поехали. Выехав за город на Баба дедовское шоссе, Толик произнес: «Все, скоро про это шоссе забудут, и станет оно такое же запущенное как дорога на Еть»

– С чего это? – пробурчал Мишка.

– А с того это! Потому, что дорога эта неудобная в аэропорт ездит, через деревни идет, не разгонишься. Сейчас новую строить будут, прямую, через лес. Высокоскоростную. Километров пять правее этой. Так, что если кто интересоваться будет моим домом, продавай. Не наездишься теперь к вам в Еть. Понял Миш?

– А как же люди? – спросил Сидор.

– А что люди. Кто с деньгами и помоложе уже уезжать отсюда стали. А старики доживут тихо, им не привыкать.

– Не правильно это, – подумал немного, сказал Сидор.

– Правильно, не правильно, не нам решать, – сказал Толик, сворачивая к парковке, у аэровокзала. – Смотри, вон уже собрались все. Ждут нас.

На тротуаре перед аэровокзалом действительно прогуливались Тамара в окружении следователя Соколова в синем галстуке и бодрого, подтянутого старшего агронома Петра.

– Повезло тебе парень. Чуть, чуть не успел я тогда тебя в отделение полиции прихватить, – радостно встретил его Петр, обнимая и хлопая по спине – А то бы давно уже, на нарах парился, – громко засмеялся он своей шутке.

– Извините, ошибочка вышла, – поклонился, следователь Соколов, скромно улыбнувшись. Сбоку подошел отец, – Ну, как ты сынок? – обнял он Сидора.

– Твое пальто с каракулевым воротником очень помогло. Без него бы замерз, – целуя отца в щеку, ответил Сидор.

– Раньше умели шить. Не то, что сейчас, – брюзгливо ответил старик. Сзади раздался шум тормозов и из остановившего черного Ягуара, выпорхнула Лиза, в новой короткой прическе, под мальчика, в топике с открытым животиком и в облегающих коротких шортиках.

– А вот и я. Не опоздала, – мило улыбнулась она и помахала всем ручкой. В это время из здания аэровокзала выбежал Гена: «Ну, что вы там стоите. Давайте проходите в ресторан. У нас всего час до регистрации». Все как по команде пошли навстречу Гене. Один Мишка остался сидеть в такси, куря через открытое окно.

– Тебе чего, особого приглашения надо, – позвал его Сидор. Пойдем, шведской водки выпьешь.

– Шведской? Шведской можно. – Вылезая из машины, согласился Мишка.

Сидор еще вечером позвонил Гене и попросил организовать скромный банкет по случаю проводов. Гена расстарался. Им накрыли на самом верху, под стеклянным куполом. Откуда было видно, как бесшумно взлетали и приземлялись самолеты. Посередине стоял круглый стол под белоснежной скатертью, украшенный вазами с цветами, фруктами, переливающейся хрусталем посуды и блеском этикеток на бутылках. Сзади, вдоль стены выстроились официанты в черных фраках.

– Ничего себе. Живут же некоторые политически не благонадежные, – вырвалось у агронома Петра, при виде такого изобилия. Все расселись. Официанты наполнили перед каждым бокалы и рюмки на выбор. Встал Гена с рюмкой водки в руке.

– Спасибо всем кто пришел проводить. Думаю в том, чего мы на сегодня добились с Сидором, есть и маленькие крупницы вашего участия.

– Точно. Без наших крупниц у вас бы ничего не получилось, – перебил Петр, но тут же замолчал под строгим взглядом следователя Соколова.

– Предлагаю выпить за ... – Гена сделал паузу, явно не зная за что пить, но тут же нашелся, – За то, что нас всех объединяет.

– За Россию, – подхватил следователь Соколов и все, вместо того чтобы выпить дружно заплодировали.

– А теперь, пожалуйста, можно без тостов. Кушайте, пейте, – закончил Гена и все в тишине стали подкладывать себе в тарелки, отпивая из рюмок и бокалов, услужливо наполняемых официантами.

– Сидор, – ложечкой зачерпывая жульен, обратился к нему отец, – Ты, если будет возможность, поддержи финансово, нашу женскую команду по гандболу.

– Хорошо отец, я подумаю, – ответил Сидор, не прикасаясь ни к еде, ни к рюмке.

– Подумай, подумай, а то у этих молодых баб один стриптиз на уме. Пусть лучше уж гандболом займутся, – обрадовался отец и выпил.

– Так, у кого еще есть какие тосты? – обратился к присутствующим Гена. Но больше никто не пожелал выступить. – Тогда ешьте, пейте без тостов. И так все понятно, – закончил Гена, поддевая большой кусок осетрины выложенной на фарфоровом блюде.

– Скажите, а правда, что собираются строить новую дорогу в аэропорт в стороне от существующей, – обращаясь ко всем, спросил Сидор.

– Уже начали строить, – выковыривая ножом устрицу из ракушки, подтвердил следователь Соколов. – Мэр срок дал, год.

– Как год?

– Через год должны пустить, – заливая лимоном следующую устрицу, подытожил Соколов планы мэра.

– Может у тебя тост есть Сидор? – обратился к нему Гена.

– Есть, но не тост. А объявление, – задумчиво произнес Сидор, вставая без бокала из-за стола.

– Раз, они дорогу переносят. Значит и нам теперь придется свою достраивать. Правильно? – обвел он глазами сидящих за столом.

– Какую, свою? – не понял Гена.

– От Ети до Квасквы. Которую еще боярин Трефилов в 18-м веке строить начал.

– Я ничего не понял, – развел руками Гена, – Может кто-то объяснит?

– Гена, я никуда не лечу. Я остаюсь здесь. Ты там без меня сможешь? От моего имени если что?

– Конечно, смогу. Я и сейчас этим занимаюсь. Просто хотел соблюсти некоторые формальности.

– Вот и отлично, – обрадовался Сидор. – Мишка, у тебя журнал этот с трактором немецким здесь?

– Конечно. Он теперь всегда при мне, как мечта, – добродушно ответил Мишка, доставая журнал из кармана куртки.

– Молодец, – забирая у Мишки журнал и передавая его Гене, сказал Сидор и продолжил, – Гена, ты сможешь, нам трактор такой купить и все что к нему прилагается.

– Без проблем. Тут в триста тысяч уложиться можно, – посмотрев ценник, ответил Гена.

– Значит, купишь все это. И сюда к нам, в Еть отправишь. А потом я тебе еще счета на солярку, щебень, гранит позже вышлю. Вот, – облегченно сказал Сидор. – А теперь можно и выпить.

– За что? – спросил агроном Петр.

– За Еть. Точнее сказать за дорогу на Еть.– Официанты тут же наполнили бокалы и все выпили. – Так, что Гена ты езжай без меня. А нас Толик подбросит до Ети, пока дождя нет.

– Зануда. Какая же ты зануда, – всхлипывая, выскочила из-за стола Лиза и побежала по длинному стеклянному коридору, красиво вибрируя своей великолепной попкой.

Посидев еще немного, Гена засобирался на регистрацию.

– Вот банковская карта. Там тысяч триста в рублях осталось. На текущие расходы хватит. А потом я еще переведу из Цюриха, – протянул Сидору банковскую карту, попрощался Гена и побежал в зал вылета.

Выйдя из здания аэровокзала Сидор, обратился тихо к Петру: «Слышь агроном. Мне парочку тротильных шашек нужно. Породу в карьере взорвать. Сможешь достать? Я заплачу.

– За ваши деньги, хоть зенитно-ракетный комплекс, – понимающе ответил Петр. Потом немного постояв и распрощавшись, все стали разъезжаться. Гэбешники с Тamarой в Кваскву. Отец побежал на электричку, а Мишку с Сидором, Толик повез в Еть.

Прошло недели полторы с отъезда Гены. За это время Сидор, с Мишкой организовав местных мужиков, пробили просеку через лес к трефиловской дороге и начали строить к ней временный деревянный мост через овраг. Агроном Петр привез обещанный заказ: «И если еще чего нужно из вооружения или спецсредств, обращайся напрямую», – пересчитав деньги, он хлопнул Сидора по плечу и радостный умчался в Кваскву.

На следующий день они с Мишкой погрузили тротил в трактор и поехали в Березовский карьер. Приехав, Сидор оставил Мишку у трактора, а сам, взяв лопату, шашки и заранее приготовленные электрические провода полез в шахту, подсвечивая дорогу фонариком. Дойдя внутри до завала, он раскопал небольшую яму, заложил туда тротил и, вставив в одну из шашек детонатор с подключенными проводами, и осторожно разворачивая провод, вылез наружу. Вернувшись к Мишке протянул ему концы электропровода:

«Набрось ка на клеммы аккумулятора, пожалуйста».

– И чего это будет? – поднимая сиденье, под которым размещался аккумулятор, поинтересовался Мишка.

– Сейчас увидишь. Одевай, – скомандовал Сидор и тут же раздался звук глухого взрыва, и над местом, где раньше находился вход в шахту, поднялись клубы пыли.

– Вот теперь, мы победили, наконец, природное проклятие. И можно спокойно строить дорогу дальше, – задумчиво произнес Сидор.

– А-а. Ты про это, – думая о чем-то, о своем, сказал Мишка и завел трактор.

Еще через месяц Толик, приехавший с Тamarой в Еть, привез накладные, оформленные на Сидора, на поступивший из Германии трактор и дополнительное оборудование. Оставив Тamarу с Кубиком в деревне, они втроем с Мишкой, в этот же день поехали в Кваскву получать трактор.

К вечеру вернулись обратно. Впереди ехал Мишка на новеньком ярко-оранжевом чуде техники, с прицепом доверху заставленном ящиками и паковками. Сзади на своем такси Толик

с Сидором, с запасами продуктов. Тамара ушла в отпуск и они с Толиком решили этот месяц провести в деревне.

Кубик, увидев эту необычную процессию, сначала спрятался в еще не разросшиеся заросли борщевика. Но почуяв манящий запах, исходящий из разгружаемых сумок с продуктами, вернулся и вертелся под ногами, повизгивая от удовольствия.

Толик спрыгнув с трактора, ходил вокруг него, постукивая сапогом по колесам и заглядывая в разные места под днище, под дверцами капота и приговаривал: «Ничего, нигде ни капли масла, ни подтека. Фантастика».

Потом они поднялись в дом. Быстро накрыли стол из привезенных продуктов и расставив бутылками с алкоголем, сели отмечать сначала покупку трактора и заодно потом отпуск Толика и Тамары.

– Послушай, – обратился к Сидору уже немного опьяневший Толик, – Мы с Тамаркой пока здесь в доме поживем, а ты можешь в сарайчик перебраться. Я там всегда в детстве летом на раскладушке спал.

– Зачем ему в сарайчике, пусть в моем доме живет, – закуривая, предложил Мишка. – Вон он по соседству, за забором.

– Так это твой дом? – удивился Толик.

– От деда остался. Только я сам сейчас у жены живу, в Сосновке.

– Так ты разве женат Мишка? – еще больше удивляясь, спросил Толик.

– Третий год уже. Она переселенка со Средней Азии. А ничего нормальная баба, почти не ругается. И двое детей уже у нее. Так, что на это время не надо тратить. Немка сама.

– Почему немка? – спросила Тамара.

– Говорит, что немка. Ее семью, будто перед войной выслали отсюда, в Азию. Здесь колония их раньше была.

– Да, наговорит она тебе, – усмехнулся Толик, – Немцы они все в Германию уехали. А твоя почему-то сюда вернулась.

– Не знаю. Нравится ей здесь.

– А как зовут, то ее, – опять спросила Тамара.

– Гертруда, – туша окурков в консервную банку, ответил Мишка.

– Да вроде действительно немецкое имя, – согласилась Тамара.

– А фамилия, – недоверчиво поинтересовался Толик.

– Фамилия? Баумгартнер, – без запинки выдал Мишка.

– Как-то же ты ее запомнил. Я бы никогда не смог, – и Толик уважительно посмотрел на Мишку.

– Так я же когда расписывались ее фамилию себе взял. Мне моя, Тютюкин, с детства не нравилась, – объяснил Мишка и все сразу как-то перестали есть и замерли.

– Ты, это серьезно? – переспросил его Толик после короткой паузы.

– Че, паспорт показать?

– Нет, не надо паспорт, – замахал рукой Толик, – Послушай, а как твое отчество, а то я забыл?

– Пахомович, – выдавливая майонез на хлеб, ответил Мишка.

– Так ты выходит теперь Михаил Пахомович Баумгартнер? – и Толик даже привстал из-за стола.

– Так и есть, – откусывая бутерброд и не чувствуя подвоха, подтвердил Мишка.

– Михаил, Пахомович, Баумгартнер, – медленно, выделяя каждое слово произнес Толик и упав на стул, дико захохотал. Следом, не выдержав, засмеялись в голос Сидор и Тамара.

– А чего это вы, – глупо улыбаясь, глядя на них спросил Мишка.

– Мишка Баум-гарт-нер, – через хохот повторил Толик. И они засмеялись с новой силой. Мишка какое-то время смотрел, переводя взгляд с одного, на другого и потом сам потихоньку начал подсмеиваться, а через минуту залился со всеми вместе громким хохотом.

Вечерело. Солнце уже начало садиться к закату, а из Ети еще долго разносился по округе дружный хохот из крайнего дома, у которого стоял, отражая закатные лучи, новенький оранжевый трактор.

3. Страна Гудка

Серый свет из окна уже начал слегка освещал предметы в комнате. Сидор лежал на диване с открытыми глазами. Где-то в квартире раздавались редкие звуки, это Света собиралась на работу. Сидор приподнял голову и посмотрел на светящейся циферблат часов. Полвосьмого. Он опять прилег и завернулся в одеяло. Можно было еще поваляться с пол часика. В это время раздалась шаги, и в комнату заглянула Света.

– Ты вставать не собираешься? – недовольным тоном спросила она.

– Собираюсь, – не открывая глаза, ответил он. – Жду, когда ты уйдешь, чтобы не мешать.

– Какие у тебя планы? – тем же тоном продолжила она.

– К двенадцати на собеседование насчет работы.

– Что за работа? – с любопытством спросила Света и включила торшер.

– Какое-то издательство. Я их по интернету нашел, – неохотно ответил Сидор.

– Может тебе стоит поменять вид деятельности. Поискать что ни будь более приземленное, – в голосе Светы снова почувствовалось раздражение.

– Я ничего другого кроме как писать больше не умею, – насупился Сидор.

– Если бы нормально писал, то без работы бы не сидел.

– Другие еще хуже пишут и ничего работают, – огрызнулся Сидор. – Я бы в Макдональдс пошел. Да уже не возьмут по возрасту.

– Делай, что хочешь. – Света подошла к зеркалу и стала с независимым видом поправлять прическу.

– Ты, сегодня, допоздна, – спросил Сидор, пытаясь уйти от неприятной темы.

– Не знаю, – сердито ответила Света и, выключив торшер, вышла из комнаты. Из прихожей раздался звук дверного замка. Хлопнула дверь, и квартира погрузилась в утреннюю тишину.

Сидор продолжал лежать, глядя в потолок, вспоминая прошлую жизнь и пытаясь разобраться, где и что он сделал не так. Ни каких способностей он никогда не проявлял. Уклоняясь от армии, поступил по благу на филологический факультет пединститута. По окончании, которого, уклоняясь теперь от работы в школе, также по благу устроился работать корректором в районную газетку. Денег платили мало, и он подрядился, там же в газете писать в разделе платных объявлений стандартные поздравительные заметки или некрологи от трудовых коллективов и любящих родственников. Это давало хоть какой-то приработок, но тут наступили новые времена, газету перестали финансировать из городского бюджета и вскоре вообще закрыли. Сидор попытался было заняться каким-нибудь бизнесом в области купли-продажи. Занял денег у одних сомнительных кредиторов, он по их же совету купил партию импортного спирта, который потом с трудом продал за полцены. Возвращать деньги пришлось уже, продав родительскую дачу. В школу идти, учительствовать, смысла не было. Оттуда, наоборот, в то время разбегались учителя. И Сидор попытался воспользоваться теми небольшими навыками, приобретенными в редакции, и стал предлагать себя в качестве литературного сотрудника в начавших появляться тогда рекламных издательствах и бульварных газетенках. Какое-то время он смог перебиваться случайными заработками, штампуя заказные статейки о каких-то сомнительных чудо лекарствах или необычных садовых инструментах. Но потом на этот

рынок вышли профессионалы с нормальными рекламодателями и деньгами, и вся самодеятельная реклама быстро свернулась и исчезла. Проработав потом немного грузчиком на рынке, и подхватив воспаление легких вместе с межпозвоночной грыжей, он попал в больницу. И там удача неожиданно улыбнулась ему. Он познакомился с сотрудником агентства ритуальных услуг, приезжавшего каждый день за информацией в больницу. Изучая персональные дела больных, агент заинтересовался опытом Сидора в написании некрологов, и по выходу из больницы Сидора приняли к ним на работу, писать тексты для памятников усопшим. И вот тут ему повезло второй раз. Как-то раз, написав текст к очередному памятнику, он понес его согласовывать с директором.

– Длинновато, – задумчиво произнес директор, – Но красиво получилось. – Он покрутил листок с текстом, достал из папки личное дело усопшего и, протянув Сидору, сказал, – А попробуй выбрать чего ни будь из его биографии и напиши прощальную речь. С тех пор это стало основной работой Сидора – писать прощальные речи.

Дело сразу стало набирать обороты. Через месяц, под Сидора создали специальный отдел, приняв на работу несколько вышедших на пенсию актеров из местного драмтеатра, для выступления на похоронах. Количество запросов на услугу росло. Пришлось принять в штат еще несколько бывших членов союза писателей, нуждающихся в средствах на существование. Короче их ритуальное агентство стало первым в городе, беспощадно подавляя конкурентов. Сидор стал одеваться как чиновник из мэрии, поменял сантехнику в квартире и стал потихоньку копить на автомобиль. В это время он как раз и женился на Свете, случайно познакомившей с ней на отдыхе в Турции. Это была первая и последняя его поездка за границу. Почти год они прожили, ни в чем себе, не отказывая. И уже планировали поездку в Испанию, как на работе у Сидора произошла незадача. Они случайно похоронили не того. Тот был очень большим милицейским начальником, а они, перепутав дела, погребли его как сомнительного бизнесмена, державшего подпольное казино и публичный дом. И наговорили на похоронах мента соответственно того, чего не стоило. Был крупный скандал, покойников поменяли местами, но после этого агентство подверглось проверкам всяческих госорганов и через пару месяцев закрылось. Устроиться по подобному профилю Сидору больше не удалось. Слишком много он приобрел врагов на ниве ритуальных услуг, во времена его короткого процветания. Ремонт пришлось забросить, деньги на машину были давно проедены и вот уже полгода, он безрезультатно рассылал свои резюме в поисках какой ни будь работы.

Зазвонил мобильник. Сидор протянул руку к прикроватной тумбочке и взял телефон. На экране высветился номер Светы.

– Спишь, – с недобрим шипением спросила она.

– Ну, что ты. Собираюсь уже выходить, – не принужденным тоном ответил Сидор. – Ты, что-то забыла?

– Ничего я не забыла. Не опоздай на собеседование, – раздраженно ответила трубка и отключилась.

Сидор тяжело вздохнул, вылез из-под одеяла и стал собираться. Он предпочитал ходить в джинсах и свитере, но по случаю собеседования пришлось достать из шкафа и надеть старый черный костюм, оставшийся еще со времен счастливого ритуального прошлого. Пиджак стал немного маловат в поясе – Сидор располнел, сидя дома без физических нагрузок. Немного думая, он отрезал пуговицы, решив их немного переставить. Но тут же понял, что не помнит, где у него хранятся нитки и иголки. Попытался дозвониться Свете, но та упорно не брала трубку. Оглядев внимательно комнату, он увидел на тумбочке рулон прозрачного скотча и тут же принял решение приклеить пуговицы скотчем. Оглядев пиджак, он удовлетворенно отметил, что пуговицы выглядят как настоящие, скотч почти не заметен, а застегивать пиджак он не будет. Приведя себя в порядок, он, взглянув на свое отражение в большое зеркало в коридоре, и оставшись вполне довольный увиденным, вышел из дома. Дойдя до метро, он купил в улич-

ном киоске горячий кофе в пластиковом стаканчике и сэндвич с сосиской. Это была любимая еда Сидора. Поэтому он не особо расстроился, что Света не приготовила с утра завтрак. Зато теперь он мог насладиться уличной едой. Сделав первый глоток и откусив приправленный кетчупом и горчицей кусок сэндвича, Сидор, почувствовал, как его сзади кто-то похлопал по спине. Оглянувшись, он увидел бомжа Васю, выжидательно смотрящего из-под вязаной шапочки, опущенной на самые брови. Вася давно обосновался здесь, стоя по утрам у входа метро приторговывая всякой всячиной. Сидор всегда держал в кармане какую-нибудь мелочь, не требуя ничего взамен, просто отдавал ее Васе. А Вася в качестве благодарности приносил ему иногда, старые порно журналы, где-то добываемые им на городских свалках. Сидор не особо интересовался порно, но журналы брал, чтобы не обидеть Васю. И на этот раз Вася протянул ему журнал.

– Спасибо, – прижимая локтем журнал, поблагодарил Сидор, – Извини Вася, с деньгами проблема. Только на проезд осталось. Хочешь вот сэндвич?

– Не, я уже позавтракал, – обдавая легким винным запахом, ответил Вася. – Так и не нашел работу?

– Вот, иду на собеседование, – ответил Сидор, с аппетитом доедая остаток сэндвича. – Может, повезет сегодня.

– Обязательно повезет, – серьезно ответил Вася, – Сегодня Марс в созвездие Девы и Луна в перигее. Ты же Телец кажется?

– Да, – удивленно ответил Сидор и застыл с открытым ртом.

– Твой день. Однозначно, – махнул рукой Вася и пошел в сторону автобусной остановки.

– Подожди, – крикнул вслед Сидор, – А ты, что астролог?

– Не без этого, – ответил Вася, запрыгивая в подъехавший автобус.

Сидор сделал последний глоток, выбросил стаканчик в мусорку и, сунув журнал в компьютерную сумку, которую он использовал как портфель, в хорошем настроении, после Васинго прогноза, стал спускаться в метро.

Издательство, в котором было назначено собеседование, находилось в центре города. Выйдя из метро, и пройдя минут десять по улице, Сидор остановился у искомого номера дома. Это был старинный особняк с большой, резной дубовой дверью и блестящей латунной табличкой на стене у входа.

«Министерство культуры. Просветительское издательство. Духовная радость» – прочитал название Сидор и сморщился, как от зубной боли. «Эх, надо было чего-нибудь почитать по истории культуры и религии, – с тоской подумал Сидор, с трудом приоткрывая тяжелую дверную створку. Внутри охранник, сначала заставил сдать верхнюю одежду в гардероб, а потом тщательно проверил его документы, записав в журнал все паспортные данные, и строгим голосом сообщил, что ему надо пройти в шестой кабинет и там ждать вызова. Сидор пошел по длинному коридору в направлении, указанном охранником, рассматривая номера кабинетов и дойдя до конца, уперся в дверь под номером шесть. Рядом, вдоль стены, стояли несколько золоченых стульев, на одном из которых сидел батюшка в черной рясе и читал маленькую, толстую книжку.

– Вы, последний, – спросил он батюшку и указал рукой в сторону двери номер шесть. Батюшка взглянул на него приветливо и утвердительно кивнул головой. Сидор присел рядом на стоящий стул. Батюшка послуявил палец и перевернул страницу. Сидор покрутил с умным видом головой по сторонам, потом автоматически достал из сумки журнал, подаренный Васей и, открыв его на случайной странице, сделал вид, что читает. А сам стал вспоминать церковные праздники и монастыри, в которые его еще в школе возили на экскурсии. Минут через пять запас его знаний по этой теме исчерпался, и он решил кое-что уточнить у батюшки и повернул

голову в его сторону. Батюшка сидел все в той же позе только с лицом, повернутым в сторону его журнала.

– Извините, – потупившись, произнес Сидор и закрыл журнал. Батюшка ничего не ответил, понимающе закивал головой и облизнулся. В это время над дверью замигала светом табличка с надписью «входите». Батюшка шустро подскочил и быстро скрылся за дверью. Сидор попытался было снова вспомнить церковные праздники, как в конце коридора раздался монотонный завывающий звук, и появилась тетка в синем халате с большим пылесосом. Она, сильно стуча пылесосной шваброй по плинтуса, медленно двинулась в сторону Сидора. Приблизившись к Сидору, она со словами: «Насыпали-то, насыпали-то тут грязи», стала тыкать шваброй под стульями. Сидор прижал руками сумку и приподнял согнутые в коленях ноги вверх, а тетка стала с остервенением тыкать шваброй под его стулом. В это время дверь кабинета запахнулась, и из нее появилась спина батюшки. Батюшка, непрерывно кланяясь, пятился назад, что-то с благодарностью говорил, но из-за шума пылесоса ничего не было слышно. Дверь закрылась. Батюшка разогнулся и, улыбувшись, помахал Сидору рукой, и исчез. Сидор продолжал сидеть все в той же неудобной позе, косясь на уборщицу, и не заметил, как над дверью замигало слово «входите». Помигав несколько минут, слово исчезло, дверь запахнулась, и появился строгий человек, в сером костюме и больших очках в черной оправе. Уборщица тут же выключила пылесос и выпрямилась.

– Что вы тут делаете, – Строгий обвел глазами Сидора и уборщицу.

– Да насыпали тут везде, – недовольно развела руками уборщица.

– А, вы, что? – Строгий ткнул пальцем в сторону Сидора.

– Я на собеседование пришел, – ответил Сидор и, не удержав равновесия, выронил журнал на пол.

– Вот, я же говорю. Насыпали тут, – поднимая журнал и протягивая его Строгому, вредным голосом повторила уборщица.

– На собеседование говорите? Ну, что же заходите, – и Строгий взяв журнал, скрылся за дверью.

– Что стал? Иди. Мне убираться надо, – подталкивая Сидора в сторону двери, уборщица снова включила пылесос.

Сидор осторожно вошел в кабинет Строгого. Тот стоял у стола и с тем же серьезным видом перелистывал журнал.

– Здравствуйте, – не придумав ничего, поздоровался Сидор. Строгий молча, перелистывал журнал. – Это не то, что вы подумали, – Сидор криво улыбнулся.

– Что я подумал, – взглянул на него Строгий.

– Это не мой журнал. Мне его Вася дал, – начал, было, Сидор, но остановился под пристальным взглядом Строгого.

– То, то я и смотрю, вас здесь нигде нет, – Строгий бросил журнал на стол.

– Где нет, – не понял Сидор.

– На фотографиях.

– Конечно, нет, – попробовал рассмеяться Сидор.

– Я читал ваше резюме, – перебил его Строгий. – Так вы, значит, писали прощальные речи на похоронах?

– Ну, да, – вновь оживился Сидор.

– Боюсь, вы нам не подойдете, – задумчиво ответил Строгий, – Нам нужны авторы, отражающие другую сторону жизни, – и он снова взял журнал.

– В смысле, порно, – шепотом переспросил Сидор.

– Причем здесь порно, – Строгий раздраженно бросил журнал на стол. – Нам нужны авторы, пишущие на тему торжественных, радостных событий. Описывающих светлую так сказать сторону.

– Так это одно и то же, – уверенно ответил Сидор.

– Как одно и то же, – не понял Строгий.

– Ну, вот, например, возьмем простой текст, – Сидор вышел из середины кабинета, и стал декламировать, – Покойный, являл собой пример добродетели и профессионализма, – Сидор сделал скорбное лицо и продолжил, – Вы слышите этот протяжный звук, идущий от реки? Это гудят пароходы. Прощаясь со своим капитаном, провожая его в последнее кругосветное плавание.

Сидор стряхнул с лица маску скорби и, подойдя к столу Строгого, взял графин с водой.

– А теперь, переделаем немного наоборот. – Он поднял графин как кубок и с улыбкой на лице произнес, – Наш юбиляр являет собой пример добродетели и профессионализма. Вы слышите эти радостные гудки, идущие от реки. Это гудят пароходы, приветствуя своего капитана, в ожидании очередного кругосветного плавания. – Сидор с воодушевлением махнул руками, и вода из графина выплеснулась на стол Строгого. – Ой, извините, – сконфуженно произнес Сидор, пытаясь руками собирать воду.

– Оставьте, – раздраженно произнес Строгий, – Нет, вы нам все равно не подходите.

– Почему?

– При чем здесь пароходы? Мы министерство культуры.

– Можно заменить, на..., – Сидор немного задумался и добавил, – На звон колоколов, например.

Строгий сморщился и недовольно покачал головой. В это время зазвонил телефон.

– Слушаю, – произнес он, снимая трубку. – Что больше некому поехать? Послушайте, за театры наш отдел не отвечает. Что? Так распорядился министр? – Лицо Строгого расплылось в заискивающей улыбке, – Я понял, мы решим вопрос. Не беспокойтесь, – он повесил трубку, лицо его опять приобрело строгое выражение. Он взглянул на Сидора,

– Вы еще здесь?

– Извините, задумался, – растерянно улыбнулся Сидор и развернулся к выходу.

– Подождите, – остановил его Строгий. – Сегодня вечером открывается после ремонта сцена Среднего театра. Там надо выступить от нашего министерства. Поздравить и пожелать творческих успехов. У меня, к сожалению, планы на вечер, – Строгий сделал паузу и внимательно посмотрел на Сидора. – Сможете?

– Да, – не задумываясь, согласился Сидор.

– Кстати, можете там и про свои пароходы. Они это любят, – Строгий улыбнулся и оглядел Сидора.

– А почему у вас пуговицы заклеены скотчем?

– Ну..., – развел руками Сидор не находя ответа.

– Отклейте, – приказал Строгий.

– Если я отклею, они отвалятся, – тяжело вздохнул Сидор.

Строгий покачал головой и, подойдя к столу, нажал кнопку селекторной связи, – Зайдите. – Он пододвинул к себе журнал и задумчиво произнес. – Где они таких красивых находят.

В это время бесшумно открылась дверь, и на пороге появился человек с загорелым лицом, в темно-синем костюме.

– Отвезешь его в Средний театр. Он выступит там от нас, – продолжая листать журнал, приказал Строгий.

– Все, – выждав паузу, спросил загорелый.

– Пиджак ему свой отдашь на выступление, – Строгий подошел к Сидору и протянул ему журнал, – Хорошо выступишь, будешь у нас работать. И про пароходы не забудь.

– Я постараюсь, – пряча журнал в сумку, ответил Сидор.

Загорелого звали Степан. Он был помощником Строгого и оказался вполне добродушным парнем. Они обменялись пиджаками, и он проинструктировал Сидора, садясь в машину:

– После торжественной части, будет банкет в буфете. Отказываться нельзя. У них, кстати, хорошо угощают.

У входа в театр их встретил художественный руководитель, известный всем народный артист. Он провел их в небольшую гостиную для почетных гостей и извинившись ушел встречать следующего гостя. К ним подошел официант с двумя бокалами шампанского на подносе.

– Нет, нет, нет, – отрицательно замотал головой Степан, – нам виски, желательнее двойной. Официант исчез и через минуту появился с заказом.

– За министерство культуры, – поднимая бокал, улыбнулся Степан. Они чокнулись и выпили. Степан хитро подмигнул и, жестом показал официанту повторить.

– Ты речь подготовил, – опрокинув второй бокал и отдуваясь спросил Степан.

– В общих чертах, – неопределенно ответил Сидор.

– А, что тебя шеф про пароходы просил?

– Шутка. Я ему речь привел с пароходным гудком. Ему понравилось.

– Раз понравилось, значит, гудок должен быть, – с серьезным видом произнес Степан, активно рукой подзывая официантов.

– Где же я его возьму, – усмехнулся Сидор.

– Гудок я беру на себя. Это же театр. У них здесь любые звуки издадут, – Степан поднял наполненный бокал, – За гудок.

Они выпили. В это время в гостиную вошел худрук и попросил гостей пройти на сцену.

– Ты руку подними вверх, перед тем как гудеть, чтобы я приготовился, – проинструктировал Степан и быстро вышел из гостиной. Сидора вместе с остальными проводили на сцену и усадили в президиум, перед большой белой скульптурой Станиславского. Настроение у него после выпитого поднялось и ему стало все больше нравиться работать в министерстве культуры.

Сначала выступил худрук, постоянно благодарил правительство и обещая доказать всем, что Средний театр, лучший на сегодня театр и не зря в него столько вбухали и он еще всем покажет гуся. После гуся все дружно зааплодировали и Сидор отбросил сомнения и решил вставить про пароход. Потом выступали артисты театра, тоже благодарили и тоже обещали доказать всем. Потом худрук пригласил к трибуне Сидора.

– Что тут сказать, – начал выступление Сидор, – Эмоцию переполняют при виде это блестящего, обновленного театра. Завтра здесь, на этой сцене, начнут разворачиваться страсти, а из зала будут восторженно следить за игрой актеров, рыдать и смеяться вместе с ними. И вот я смотрю на этот театр, и он мне все больше напоминает, огромный океанский лайнер, стоящий в порту нашего города. А мы, пришли к причалу и со слезами на глазах провожаем его в долгое и увлекательное кругосветное плавание. И вот наступает тот самый долгожданный момент, когда капитан дает гудок, – Сидор вскидывает руку вверх и после небольшой паузы по залу, из всех звуковых колонок раздается мощный и протяжный звук пароходного гудка. Сидор опускает руку, тут же наступает тишина и он закончил:

– Счастливого плавания тебе Средний театр. Семь футов под килем, как говорят моряки. Bravo! – он обессиленно роняет голову на грудь. И тут вдруг на сцену выбежал худрук, с бутылкой шампанского в руке, – Шампанское. Шампанское. Надо разбить бутылку шампанского. Иначе корабль не поплывет. – И он, глупо улыбаясь, протягивает бутылку Сидору.

– Обо что я его разобью, – тихо произносит Сидор, зверски смотря на худрука. Но тот не обращая внимание, поставил бутылку на трибуну и размахивая руками, стал призывать в помощь зал, скандируя, – Разбить! Разбить!

– Разбить! Разбить! – подхватывает публика.

Сидор, растерянно улыбаясь, взял бутылку и, оглянувшись, вдруг увидел спасительный гипсовый бюст Станиславского, выглядывающий из-за президиума. Недолго думая, он схватил бутылку и, подбежав к бюсту, со всей силы приложился бутылкой к голове реформатора театра. Раздался сильный хлопок, бутылка, обдавая всех брызгами, разлетелась на мелкие осколки, а бюст слегка покачнувшись, рухнул на сцену.

– Bravo, – завопил худрук и зал взорвался аплодисментами.

– Ты молодец, – еле ворочая языком, одобрительно произнес Степан, когда они через пару часов после банкета, отъезжали на служебной машине от театра. – Сообразил разбить бутылку о Станиславского. – Это все худрук специально подстроил, с бутылкой. Он любит всякие такие подвохи. Законченный мерзавец. Поэтому у нас в министерстве боятся ездить в Средний театр.

– Почему вы тогда его не уволите, – спросил Сидор и икнул.

– Как же его уволишь. Если он из президентского совета, – и Степан поднял вверх указательный палец. – Тебя где посадить?

– У метро.

Машина остановилась под светящейся буквой «М».

– Дальше я сам. Спасибо, – Сидор вылез из машины.

– Подожди, – остановил его Степан, – На вот, возьми, – и он протянул пакет, из которого звякнуло что-то стеклянное. – Это я со столов собрал. Не пропадать же добру.

– Спасибо, – улыбаясь машине, поблагодарил Сидор.

– Завтра на работу к восьми, не опаздывай, – раздался из салона голос Степана, и машина, скрипнув тормозами, помчалась по освещенной фонарями улице. Сидор приоткрыл пакет.

Там лежали две чуть отпитые бутылки хорошей водки, коробка конфет и бутерброды, зажатые двумя бумажными тарелками. «Мне положительно нравится это министерство культуры, – подумал Сидор и слегка покачиваясь, пошел в сторону входа в метро.

Когда он доехал до своей станции и вышел на улицу, было далеко за полночь. Наверху, у входа, стоял какой-то мужик в лыжной шапочке и длинном пальто, продававший связки сушеных грибов, да иногда пробегали последние пассажиры метро. Был легкий морозец, и Сидор остановился, облокотившись на стенку торгового ларька, с удовольствием вдыхая бодрящий, зимний воздух с легким запахом паров бензина и талого снега.

– И чего стоим, думаем, – раздался голос за спиной. Сидор оглянулся. Это был мужик в пальто, торговавший грибами, – Грибочком купить не желаете. Испытаете неслыханное наслаждение русского леса.

– Спасибо, я не умею готовить, – отодвигая руку мужика с грибами, ответил Сидор.

– Тут уметь ничего не надо, – придвигаясь вплотную к Сидору, произнес мужик. – Берешь прямо так и ешь.

– Как сырыми?

– Зачем. Они же сушеные, – мужик оторвал от связки гриб и бросил себе в рот. – Отличный товар. На, попробуй, – И он протянул другой гриб.

Сидор автоматически взял гриб, но не стал, есть, а только понюхал.

– Ну, как, – раздался голос мужика, и лицо его вдруг расплылось и стало похоже на блин.

– Что у вас лицом, – с трудом ворочая языком, проговорил Сидор.

– Видишь. Сразу забирать стало. От запаха только. Отличный товар, – откуда-то сверху ответил мужик.

– Шухер. Менты, – раздался вдруг голос из-за ларька. Мужик, быстро бросив связку грибов на шею Сидора, перепрыгнул через сугроб и побежал в темноту парка. К ларьку подъехал полицейский Уазик. Из него не торопясь вылез полицейский в серой куртке с погонами сержанта и подошел к Сидору.

– Ну, пойдем что ли, – полицейский крепко взял Сидора за рукав.

– Куда? – попытался отдернуть руку Сидор.

– В участок. Протокол составлять, – и он с силой потащил Сидора к машине.

Проехав минут пять Уазик остановился у обшарпанного двухэтажного здания с государственным флагом, торчащим из стены у входа. Обыскав Сидора и забрав пакет с продуктами, менты посадили его в обезьянник, а сами зашли в кабинет дежурного. Через несколько минут за ним вернулся Сержант и отвел в кабинет дежурного.

В кабинете за обшарпанным столом сидели офицер, а второй патрульный разливал по стаканам водку из сидорова пакета.

– А чего вы без меня, – возмутился Сержант и подойдя к столу, протянул мутный стакан, стоящий рядом с графином. Ему налили и полицейские, не чокаясь, громко выпили.

– Тут и закуска есть, – доставая из пакета бутерброды, сказал Сержант.

– Наливай, – скомандовал дежурный. И они повторили.

– Хорошо, – закуривая и откидываясь на спинку произнес дежурный и удивленно посмотрел на Сидора. – А ты чего здесь делаешь?

– Не знаю, – пожал плечами Сидор.

– А это как раз и есть задержанный. Торговал у метро, – стряхнув пепел, доложил Сержант.

– Чем торговал, – поинтересовался дежурный.

– Грибами. И водка тоже его. Кстати там вторая бутылка еще была, – другой патрульный приподнял пакет и достал новую бутылку.

– О-о! – обрадовавшись, потер руки дежурный.

– Так, что с задержанным делать? – патрульный снова плеснул водки в стаканы.

– Пусть штраф заплатит и свободен, – беря стакан, миролюбиво произнес дежурный.

– Слышь грибник, с тебя тысяча и можешь идти, – обратился к Сидору Сержант.

– У меня нету денег. Я сегодня только устроился на работу, – похлопал по карманам куртки Сидора, – А водка после банкета осталась.

– Ты, что в ресторане работаешь? – поинтересовался дежурный.

– Нет, в министерстве культуры.

В наступившей тишине слышно было только задумчивое сопение дежурного.

– Что с ним делать будем? – приподнял стакан второй патрульный, – А водка хорошая кстати.

– Хорошая, – согласился дежурный. – Ладно, пусть так идет, – и он выпил одним глотком.

– Иди, – махнул рукой Сержант и то же выпил.

– Спасибо. – Сидор развернулся и взялся за ручку.

– Обожди, – втягивая громко воздух, остановил его дежурный. – Что у тебя за грибы?

– Не знаю. Они сушеные.

– Дайка один закусить.

Сидор оторвал от связки большой гриб и протянул дежурному.

– Иди, иди пока не передумали, – подтолкнул его в спину второй патрульный, открывая дверь.

Выйдя на воздух, Сидор огляделся по сторонам. Вокруг темнели контуры домов с редкими светящимися окнами. Он обошел здание участка, пытаясь найти и прочесть название улицы. Но кроме надписи мелом на стене «менты суки позорные», никаких других обозначений там не было. Он, было, собрался вернуться и узнать адрес у ментов, как дверь участка с силой распахнулась и на улицу с криком, – Оковы тяжкие падут и свобода, нас встретит радостно у входа, – вышел абсолютно голый дежурный. Он на мгновение остановился, оглядываясь по сторонам. И вдруг бросился бежать напрямую, через сугробы в темноту между домами. Через какое-то мгновение следом выбежали патрульные, застегивая на ходу куртки.

- Что с ним случилось то, – оглядываясь по сторонам, спросил первый.
- Не знаю. Может водка палёная, – развел руками второй.
- Нормальная водка. Нам– то ничего, – отрицательно покачал головой второй мент. – Просто он уже вторую смену дежурит не просыхая. Вот крыша и поехала.
- Куда он побежал, – вдруг увидев Сидора, спросил Сержант.
- Туда, – Сидор махнул рукой в направление, в котором скрылся дежурный. – А вы не подскажите, какая это улица?
- Беломорская, – крикнул Сержант, и они с напарником побежали в темноту вслед за голым дежурным.

Сидор проснулся, когда за окном совсем рассвело. «Проспал», – подумал он, пытаясь рассмотреть время на часах. Было почти девять. Он подскочил и стал судорожно собираться. Хлебнув кефира из пакета, и прихватив сумку, он выскочил на улицу и побежал в сторону метро. У входа стоял ментовский Уазик из окна, которого, выглядывая, курил вчерашний Сержант.

- Ну, что нашли дежурного, – поравнявшись с Уазиком, спросил Сидор.
- Нет, – посмотрев на Сидора, выбросил сигарету полицейский. – Нигде нет. В федеральный розыск объявили.
- Сочувствую, – пожал плечами Сидор и побежал дальше.

Возле входа в издательства он встретил вчерашнего улыбающегося батюшку. Тот придержал его за руку и, спросил:

- Простите. А где бы журнальчик такой достать.
- Какой, – не понял Сидор.
- С девушками, – втянул голову в плечи и, оглядываясь по сторонам, прошептал батюшка.
- А-а, – вспомнил Сидор, – Не проблема. Вот забирайте, – и он вытащил из сумки, и протянул батюшке журнал.

– Премного благодарен, – снова заулыбался тот, пряча под рясу журнал, – Отец, Порфирий, – протягивая руку, представился батюшка.

– Сидор, – пожал руку Сидор, – работник министерства культуры. В это время к ним подъехал и остановился черный Мерседес представительского класса. Отец Порфирий, открыл дверь, махнул на прощанье рукой и, прыгнув на заднее сиденье, отъехал, оставляя в воздухе запах дорого бензина.

Сидор приоткрыл немного входную тяжелую дверь и протиснулся вовнутрь издательства.

– Опаздываете, – строго произнес охранник на входе, что-то отмечая в журнале. – Вас уже ждет директор.

- Кто, – не понял Сидор.
- В шестом кабинете. И раздеться не забудьте.

Сидор сдал куртку в гардероб и прошел по коридору к шестой комнате. Табличка «входите» не светилась и Сидор, постучав осторожно, потянул на себя дверь. В кабинете, за столом Строгий играл на компьютере.

- А Сидор, заходи, – дружелюбно произнес Строгий. – Молодец. Хорошо выступил вчера.
- Спасибо, – скромно улыбнулся Сидор.
- Слушай, у меня для тебя две новости. Хорошая и плохая, – вытаскивая из лотка листки бумаги, произнес Строгий. С какой начать?
- С хорошей.
- Ладно. Хорошая. Министр подписал приказ о зачисление тебя в штат министерства.
- Отлично.
- Я бы не спешил радоваться.

– Если вы за опоздание сердитесь. То это первый и последний раз, – Сидор хлопнул себя рукой в грудь. – Просто меня в полицию вчера забрали. Но уже отпустили.

– Полиция здесь не при чем, – раздраженно махнул рукой Строгий. – Ты оказываешься, вчера Станиславского им повредил.

– Не вредил я. Только бутылку разбил об него.

– Правильно. Но у Станиславского нос откололся, – вздохнул тяжело Строгий.

– Можно ведь приклеить?

– Поздно. Худрук министру жалобу на тебя написал. И тот тебя уволил. Вот приказ. – Строгий взял в руку другую бумажку.

– И что же мне делать? – растерянно спросил Сидор.

– Ехать в министерство. Там сегодня в двенадцать торжественное собрание в честь юбилея Айвазовского. Министр приказал, чтобы ты выступил. Ему понравилось вчера твоя речь про пароходы.

– Так я же уволен, – напомнил Сидор.

– С завтрашнего дня примем по-новому. Привыкай, это министерство культуры, – серьезно сказал Строгий. – У нас в подчинении сто два цирка и пятьсот шестьдесят клоунов.

– Так я теперь клоуном работать буду, – поинтересовался Сидор.

– Ты не умничай тут. Иди. Степан тебя отвезет, – махнул рукой Строгий.

Сидор тяжело вздохнул и направился к выходу.

– Подожди, – остановил его Строгий. – Ты этот журналчик вчерашний оставь почитать. С девочками.

– А, да. Конечно, – Сидор открыл сумку и вспомнил, – Я же его отдал отцу Порфирию. Завтра могу другой принести.

– А чем это у тебя из портфеля пахнет, – принюхиваясь, спросил Строгий.

Сидор заглянул снова в сумку и достал связку грибов.

– Это грибы сушеные. Забыл выложить.

– О! То, что надо. А то у меня закусить нечем. – Строгий нагнулся под стол и достал бутылку коньяка и бокал. – Оторви-ка мне один.

– Да забирайте все, – протянул связку Сидор.

– Одного хватит, – оторвал от связки гриб Строгий, – Все. Иди, работай. Работай. И не ломай больше ничего.

В коридоре его уже ждал Степан.

– Ну, что сказал? – спросил он.

– Сначала принял на работу. Потом уволил. Завтра снова обещал принять.

– У нас так всегда. Это же министерство культуры, – похлопал по плечу его Степан. – У нас в подчинении сто два цирка.

– И пятьсот шестьдесят клоунов, – добавил Сидор.

– Да. Откуда ты знаешь?

– Меня представили коллективу.

– А ты юморист, – засмеялся Степан и обняв за плечи повел по коридору.

Куда же пропал этот водитель, – выйдя на улицу и оглядываясь по сторонам, раздраженно произнес Степан, – Ведь бомбит где-то. Мало ему зарплаты.

– А ты все время в министерстве культуры работаешь, – спросил его Сидор.

– Да, ты что, – закуривая, выбросил спичку Степан. – Я до этого в овощном магазине работал.

– В овощном?

– Да. Продавцом. Там меня шеф и приглядел. У нас с улицы сюда на работу не устроишься. А тебя я понял, отец Порфирий порекомендовал.

–Кто?

– Да, ладно, – усмехнулся Степан. В это время дверь издательства распахнулась, и на улицу выскочил в одних трусах Строгий. Он с наслаждением глубоко вздохнул и с криком, – «Да, здравствует свобода», бросился бежать вниз по улице.

– Что это, – выронил изо рта окурок Степан.

– Кажется наш шеф, – озадаченно произнес Сидор.

– Так, я за ним, – сделал строгое лицо Степан, – А ты сам иди в министерство. Прямо, километра два пройдешь. Потом свернешь направо и до набережной. Там найдешь, – и он, быстро побежал вслед за удаляющимся Строгому.

– На, банкете увидимся, – раздался напоследок крик Степана. Сидор постоял, немного глядя вслед убегающим, и удивленно пожал плечам, пошел в указанном направлении.

Пройдя немного, он остановился у стеклянной витрины японского ресторанчика и стал через стекло рассматривать зал. Ресторанчик только открылся, и внутри было не много посетителей. Денег у Сидора не было, да и есть он не хотел. Просто ему очень нравилось смотреть на официантов, работающих в этих ресторанах. Совсем молодых юношей и девушек, в длинных передниках, внимательных, в полупоклоне и всегда с улыбкой, выслушивающих заказ или занимающихся сервировкой стола. Сидор испытывал, какое эстетическое наслаждение от этого продуманного веками и такого простого ритуала подачи еды. У себя в компьютере он собрал коллекцию рисунков японской одежды, фотографии и рецепты блюд. Он изучил походку, повороты и поклоны, обязательные на подобных церемониях. Он в глубине души мечтал работать в таком ресторанчике и именно официантом. И даже несколько раз попытался устраиваться на работу, но его не брали из-за возраста. А один управляющий, посоветовали с иронией идти продавать на улице петушков, на палочке.

– Разрешите, – сзади кто-то похлопал Сидора по плечу. Он оглянулся. Перед ним стоял молодой парень со стремянкой и ведром в руке. –Мне витрину помыть надо, – сказал парень, выставляю стремянка.

– Да, да, конечно, – Сидор оглядел еще раз зал ресторанчика и пошел, не спеша вверх по улице.

Уже подходя к министерству рядом с Сидором притормозила машина Строгого из которой на тротуар выпрыгнул Степан.

– Все нормально, – улыбнулся он. – Поймали шефа. Отправили на скорой в психушку.

–Что с ним?

– Обычная история. Не умеренный алкоголь. Через недельку вернется, – беззаботно ответил Степан, входя в холл министерства и показывая корочки охраннику.

– Время еще есть пойдем в буфет, выпьем по маленькой. Снимем стресс, – и Степан потащил Сидора за собой вниз по лестнице. В буфете Степан заказал два по сто грамм, и они расположились в углу за столиком.

– За культуру. Как любит говорить шеф, – поднимая бокал произнес Степан. Они чокнулись, выпили. К их столику в это время подошел высоки гражданин:

– Министру очень понравилось ваше выступление вчера в Среднем театре.

– Спасибо, – скромно ответил Сидор.

– Надо, чтобы и сегодня пароходные гудки прозвучали.

– Где же я их возьму, – растерялся Сидор.

– Ищите. Это пожелание министра, – двусмысленно произнес господин и вышел из буфета.

– Кто это?

– Помощник министра. Мастерски играет на бильярде. Оттуда и попал в министерство, – отрекомендовал высокого Степан и пошел к стойке заказывать по второй. Они выпили за здоровье шефа.

– Где мне гудки взять, – вопросительно посмотрел на Степана Сидор.

– Я что-нибудь придумаю. Здесь же река рядом, – успокоил его Степан. Они выпили еще по одной, за пароходы, и Степан отвел Сидора к конференц-залу, и велел ждать его здесь, а сам куда-то убежал.

Сидор заглянул, приоткрыл дверь и заглянул вовнутрь зала. Это было очень большое помещение со сценой, на которой стояли длинный стол президиума, обтянутый красной материей и трибуна со стеклянным графином. Сзади за президиумом, во все стену висела репродукция картины Айвазовского «Девятый вал».

– Все нормально, – подошел к нему сзади возбужденный Степан. – Договорился на реке с одним буксиром. Загудит. Я ему по телефону эсэмэску сброшу.

– Слушай, а если снова шампанское принесут, разбить. Там на сцене никакого бюста нет.

– А чей бюст нужен, – деловито спросил Степан.

– Айвазовского.

– Ладно. Жди здесь, что-нибудь придумаем, – и Степан побежал куда-то по коридору.

Через пятнадцать минут он вернулся, радостно потирая руки. – Все нормально. Бюст будет. Помощник министра уже отправил за шампанским. Как только привезут, начнем. Они спустились в буфет, и выпили за здоровье Айвазовского. Тут по громкой связи всех пригласили в конференц-зал.

– Тебе в президиум. Выступаешь третьим, после монгольского посла, – открывая дверь в зал, предупредил Степан.

– А причем здесь монгольский посол, – не понял Сидор.

– Я слышал, Айвазовский их любимый художник, – неуверенно, ответил Степан, и они вошли в уже заполненный людьми зал. В президиуме действительно сидело много людей восточной внешности. А сзади, за ними возвышался огромная голова бюста Ленина.

– Что-то не похож на Айвазовского, – с сомнением произнес Сидор. – Мне кажется это Ленин.

– Не нашли Айвазовского. А к Ленину у нас народ привык. Никто внимания даже не обратит. Главное, чтобы голова выдержал, – и Степан, подтолкнув Сидора в сторону президиума, пошел в конец зала искать себе место.

Первым выступил тот самый помощник министра. Он отчитался, сколько денег потратило министерство на организацию этой выставки. Сидор попробовал сложить цифры в уме, и у него получилось, что все картины Айвазовского не стоят и половины затрат на выставку. Потом вышел посол Монголии. Он сравнил Айвазовского с Чингисханом и сказал, что несколько улиц в Монголии уже собираются назвать его именем. На, что наш помощник, пообещал выбить еще денег из бюджета на гигантскую статую Айвазовского для Монголии, которую уже сделал скульптор Цинандали. Зал бурно зааплодировал, а монгольский посол даже прослезился.

Помощник министра рукой дал знак Сидору выходить на трибуну. Сидор, сначала поблагодарил монгольскую делегацию и рассказал немного о влиянии монгольской культуры на нашего мариниста. Также он отметил неизгладимый вклад министерства культуры в творчество Айвазовского и предложил не отставать от монгольских товарищей и задуматься о переименовании улиц и сооружении на родине скульптуры Айвазовского работы Цинандали. После чего он вернулся непосредственно к художнику и открытию его выставки картин. А в конце выступления произнес:

– И вот уже время парусников давно ушло в прошлое, но девятый вал Айвазовского продолжает будоражить наши сердца. И уже современный океанский лайнер, носящий его имя, отдавая дань прославленному художнику, приветствует открытие сегодняшней выставки своим мощным пароходным гудком, – Сидор махнул рукой и в наступившей тишине с улицы раздался немного завывающий, противный гудок пароходного буксира.

В это время на сцену выбежал человек с бутылкой дорогого шампанского. Сидор, чтобы не вышло как со Станиславским, предложил помощнику министра разбить бутылку. Тот с неохотой согласился и под возглас Сидора: «Счастливого плавания!», забравшись на стул, врезал бутылкой Ильичу прямо в лоб, отчего бюст немного покачнулся, но устоял, а бутылка разбилась вдребезги. После торжественной части, народ в зале пошел на выставку, а президиум с монгольской делегацией поехали на банкет в ресторан Метрополь. Монголы оказались абсолютно вменяемые ребята. И как потом признался Сидору один их представитель, среди них никто толком ничего про Айвазовского не знает, а вот банкеты министерства культуры пользуются большой популярностью.

Часам к десяти Степан дал команду к отходу:

– Монголы крепкие ребята. Пока все не выпьют не разойдутся. Нам лучше сейчас уйти, – и он, прихватив два пакета с закусками и бутылками быстро пошел к выходу.

– Завтра к восьми, не опаздывай, – высаживая у метро Сидора и протягивая ему один пакет предупредил Степан. Они распрощались. Сидор доехал до своей станции и вышел наверх. Часы на столбе под фонарем показывали без пяти двенадцать. Редкие пассажиры спешили на последние электрички. Недалеко от входа стоял милицейский Уазик, рядом с которым курил вчерашний полицейский.

– Ну, что нашли дежурного, – остановился рядом с ним Сидор.

– Лучше бы не находили, – зло сплюнул на землю полицейский. – Стоял у здания правительства с плакатом «Требую свободу слова». Сразу в психушку и отвезли.

– Сочувствую, – произнес Сидор и порывшись, и достав из пакета большую бутылку коньяка, протянул полицейскому, – Вот возьмите, успокаивает нервы.

– А не будет потом, как с капитаном, – беря бутылку и разглядывая этикетку спросил полицейский.

– Это хороший коньяк. Монгольский.

– Не пробовал еще монгольского, – с уважением произнес полицейский, пряча бутылку под отворот куртки, – Тебя подвезти до дома?

– Нет, спасибо. Я прогуляюсь, проветрюсь.

Они попрощались за руки, как добрые знакомые и полицейский уехал, включив мигалку, а Сидор собрался было идти домой, но тут зазвонил телефон.

– Привет, это Степан, – раздался из трубки взволнованный голос, – звонили из министерства. Нас завтра вызывают в министерство к десяти. Я заеду за тобой. Какой адрес.

Сидор продиктовал и спросил, – А зачем вызывают?

– Не знаю. Похоже из-за шефа. Тот в психушке, вывесил плакат из окна с требованием выпустить за свободу политзаключенных.

– Странно, капитан тоже свободы слова добивался, – вслух подумал Сидор.

– Какой еще капитан, – не понял Степан.

– Который меня вчера задержал. Из полиции.

– Ты только сегодня им не попадайся. Я там один у министра не справлюсь, – взмолился Степан.

– Не беспокойся. Они уже уехали. – Сидор выключил телефон и задумался: «Странно, почему и капитан, и шеф одинаково с ума сошли. Стоп. Они же оба грибы эти ели. Точно! – осенило вдруг Сидора. И в это время сзади раздался хрипловатый голос.

– Привет, Сидор. Ты я смотрю с ментами теперь сдружился. – Сидор оглянулся. Сзади все в том же длинном плаще стоял бомж Вася. – Как дела? Взяли тебя на работу?

– Привет, Вася, – обрадовался Сидор. – Взяли. Все твои предсказания сбылись. – И он протянул Васе пакет из ресторана. – Вот, тебе подарок от меня.

Вася заглянул в пакет:

– Красиво жить не запретишь, – он достал из пакета большое яблоко и с удовольствием откусил.

– Послушай Вася. А кто здесь у метро вчера грибами сушеными торговал, – и он вытащил пахнущую связку грибов.

– Не знаю. Это кто-то не из наших, – Вася потянулся за грибом.

– Подожди, – убрал его руку Сидор и рассказал историю, случившуюся со Строгим и капитаном.

– Тем более надо провести эксперимент, – Вася увлек Сидора за торговый киоск. – Оторви-ка мне грибок. – Скомандовал Вася, доставая из пакета бутылку. Сидор выбрал гриб поменьше и протянул Васе. Тот отвинтил крышку и, сделав хороший глоток из горлышка, положил гриб в рот и разжевал его с серьезным лицом.

– Ну, что? Как ты себя чувствуешь, – разглядывая лицо Васи, спросил Сидор.

Вася сделал знак рукой. Прислонил пакет к ларьку и вдруг неожиданно упал на землю, стал валяться и дико хохотать. Потом, также неожиданно он замер. Встал, отряхнулся и произнес:

– Нормальные грибы. А вот коньяк, похоже, паленый.

– Я тебя серьезно спрашивал, – обиженно махнул рукой Сидор и собрался уходить.

– Подожди, – остановил его Вася. – На меня они могли и не подействовать. Я какой только гадости не пил и чем только не закусывал. Ты сам то пробовал?

– Нет. Я только понюхал, и у меня голова сразу закружилась сразу.

В это время за киоск зашел мужик в кроличьей шапке и, не обращая внимания на Сидора и Васю, помочился на угол киоска.

– Сейчас эксперимент проведем, – сказал шепотом Вася и крикнул мужику, – Эй, товарищ, выпить не хочешь?

– Я всегда за, – пряча свое хозяйство в штаны, радостно согласился мужик.

Вася налил в пластиковый стаканчик и протянул мужику вместе с грибом: «Закуси». Мужик облизнулся, выпил махом из стакана, бросил в рот гриб с удовольствием разжевал его.

– Ну, как, – Вася внимательно посмотрел на мужика.

– Хорошо. Не против повторить.

Вася налил еще и протянул следующий гриб. Мужик снова выпил и съел гриб.

– Все нормально. Зря беспокоился, – сказал Вася и отхлебнув, протянул бутылку Сидору.

Сидор сделал глоток, поморщился и, занюхав связкой грибов.

– Не, ссы, нормальные грибы, – и Вася снова оторвал гриб и, откусив кусок, разжевал. Сидор махнул рукой и тоже съел гриб. Вася с удовольствием закурил.

– Не в грибах дело. Это они чем-то другим отравились, – подытожил он.

– А мне вот мужики, тошно от всего от этого, что вокруг творится, – с тоской произнес мужик в шапке и расстегнул куртку.

– От чего, – одновременно спросили Сидор с Васей.

– Живем в этом мире, где вокруг беспредел власти, коррупция. Достало, все, – чуть не плача продолжил свое мужик.

– А чего тебе надо, – недовольно спросил Вася.

– Надоело. Понимаешь. Свободы я хочу, – застонал мужик и начал сбрасывать с себя одежду. И раздевшись догола он, размахивая подштанниками с криком: «Свобода, нас примет радостно у входа», побежал в темноту сквера.

– Хорошие грибочки говоришь, – глубоко втянул в себя воздух Сидор. – Кто следует, ты или я?

Они постояли немного, молча глядя друг на друга.

– У меня вроде все нормально пока, – первым нарушил молчание Вася, – А ты как?

– Голова немного кружится. И лицо твое не четко вижу.

– Это может не от грибов, – предположил Вася
– А от чего?
– От водки, – и Вася отхлебнул из бутылки.
– Вася, не бросай меня, а, – попросил Сидор. – Отведи меня, пожалуйста, домой.
– Куда идти, – Вася крепко взял Сидора под руку.
– Дом в той стороне, – указал рукой Сидор.
– Понял, – утвердительно кивнул головой Вася и они, обнявшись, медленно пошли в указанном направлении.

Остановившись у подъезда, Вася спросил: «Как ты? Не тянет раздеться?»

– Нет. Никаких позывов не испытываю.

– Значит, на нас с тобой эти грибы не действуют, – подытожил Вася.

– А на кого действую?

– На них, – Вася отвел руку с указательным пальцем в сторону.

– А почему тогда на них, – Сидор внимательно посмотрел на Васин палец.

– Это вторая загадка, – задумчиво произнес Вася и снова полез в пакет за бутылкой, – Пить будешь?

– Нет. Не могу больше, – отрицательно покачал головой Сидор. – А какая первая загадка?

– Тот, который тебе оставил грибы, был инопланетянин, – таинственно произнес Вася и отхлебнул.

– Зачем он мне их оставил, – не понял Сидор.

– Это уже третья загадка, – и Вася выставил перед Сидором три пальца. – И боюсь не последняя.

– И что же теперь нам делать?

– У тебя какие планы на завтра, – с уверенностью в голосе спросил Вася.

– Меня в министерство вызывают.

– Снова на банкет, – уточнил Вася.

– Не знаю, наверное. Там у них это принято.

– Тогда вот, что. Завтра в десять вечера, после банкета, встречаемся там же у метро. Я попытаюсь, что ни будь разузнать. Понял?

– Да, понял. А сейчас, что делать?

– Спать. Как говорил старик Дзержинский, нам завтра потребуется холодный ум, горячее сердце и еще что-то. Не помню точно. В общем надо выспаться солдат.

– Есть, товарищ командир, – отдал честь Сидор и, развернувшись по-военному, зашел в подъезд.

– Ты, чего еще не готов, – услышал Сидор сквозь сон и, приоткрыв глаза, увидел стоящего над ним Степана.

– Вставай. Нас в министерстве ждут, – Степан стянул с Сидора одеяла. – Там дверь входная нараспашку была. Посмотри, ничего не украли.

– Здесь нечего красть, – Сидор встал, потянулся и пошел в ванную.

Степан вскипятил чайник. Они выпили по чашке растворимого кофе с сухарями и спустились к машине.

– В министерство, – скомандовал Степан. Но проехав полчаса, он попросил остановиться.

– Подождите меня здесь, – Степан вышел из машины и, оглядевшись по сторонам, перешел на другую сторону и вошел в маленький магазинчик под вывеской «Овощи. Фрукты».

– Помидоры пошел щупать, – усмехнулся водитель и закурил.

Сидор тоже вышел из машины и, подойдя к витрине магазина, заглянуть вовнутрь. Степан ходил между полок, иногда беря в руку грушу или помидор, и внимательно их рассматривал и даже нюхал. Сзади раздался короткий автомобильный гудок. Сидор оглянулся.

– Поторопи его. А то он долго там будет, – опустив стекло, крикнул водитель.

Сидор зашел в магазин и, подойдя к Степану, взял его за руку: «Нам пора в министерство».

– Да, да. Сейчас идем, – ответил Степан и взял с прилавка упаковку киви, понюхал их с наслаждением и, поставив на место, быстро вышел на улицу.

– Ну, чего пощупал, – ехидно спросил водитель, когда они сели в машину.

– Трогай, – отвернулся к окну Степан.

– Слушай, может у тебя ориентация не традиционная. Может, ты помидорчики любишь больше баб, – не унимался водила, – Или огурцы, – заржал водитель собственной шутки. Степан сидел, не обращая на него внимания, и задумчиво смотрел в окно.

В холле министерства их встретил помощник министра.

– Через два часа состоится коллегия министерства. Выступит министр с планом финансирования на этот год. Видео трансляцию будет наблюдать премьер министр, – строго сообщил помощник.

– Простите, а мы то здесь зачем, – недоуменно спросил Сидор.

– Вы выступите в конце с заключительным словом. И придумайте, что ни будь про паром. Министру это понравилось. Через час встречаемся в конференц-зале, – и, сделав знак, какому-то солидному господину помощник стал подниматься с ним по лестнице.

– Опять тебе где-то гудок искать придется, – Сидор вопросительно посмотрел на Степана.

– Тут пора уже обзаводится своим гудком, – задумчиво произнес Степан. – Ладно. Есть у меня одна идея. Ты давай готовься к выступлению. А я съезжу в одно место, – он развернулся и быстро побежал на выход.

Сидор, не зная, чем заняться, стал обходить холл, разглядывая большие фотографии, на которых были запечатлены в основном торжественные собрания и выступления министра с трибуны. В это время зазвонил телефон. Сидор взглянул на экран, это была Света.

– Тебя не интересует, куда я пропала, – ехидно спросила Света.

– Интересует.

– Что тогда не звонишь? Я все-таки еще твоя жена.

– Прости. Закрутился. Работы много. – Сидор вспоминал, конечно, про Свету. Но зная ее характер, не переживал за нее. Она часто после ссоры могла на неделю уехать к маме, а потом вернуться как будто ничего и не было.

– Ты устроился на работу, – в ее голосе появился интерес.

– Да. Но еще не знаю кем, – ответил Сидор и добавил. – В системе министерства культуры.

– О-о-о. А клоуны в цирках им подчиняются, – прыснула Света.

– Да. Ты что-то хотела?

– Я хотела поговорить с тобой, – голос Светы сделался серьезным.

– А мы разве сейчас не говорим?

– Не по телефону. Ты, когда заканчиваешь?

– Не знаю. Здесь не нормированный рабочий день.

– Давай, в восемь вечера, в ресторане «Ласточка». Это который недалеко от метро.

– Мы не можем дома поговорить, – удивился Сидор.

– Нет. Я не хочу дома. Кстати я уже заказала столик.

– Ладно. Постараюсь не опоздать, – пожал плечами Сидор и убрал телефон в карман.

Вдруг сзади послышался легкий свист. Сидор оглянулся, у входа стоял Степан и жестом подзывал его к себе.

– Кажется, проблема гудка решена раз и навсегда, – радостно сообщил ему Степан и указал рукой на большой сверток стоящий на полу. – Вот в филармонии взял.

– Что это, – спросил Сидор.

– Туба, – потер руки Степан, – Пойдем, продемонстрирую.

Они поднялись на второй последний этаж и, пройдя по длинному коридору, расположились на подоконнике у окна. Степан развернул пакет и извлек блестящую золотом, большую оркестровую трубу.

– Это и есть туба. Она издает самый низкий звук, – и он, надев трубу, на себя дунул в мундштук, но вместо звука раздалось какое-то шипение.

– Надо немного поучиться, – сказал Степан и еще раз дунул. На этот раз раздался звук похожий на «пук».

– У нас мало времени осталось. Может, лучше сходишь за буксиром, – Сидор постучал пальцем по циферблату. – Или попросить, кого ни будь. Это же министерство культуры. Кто-то обязательно должен уметь играть.

– Правильно, – согласился Степан и, сняв трубу, пошел по коридору, читая таблички на дверях.

– Вот. Отдел музыкальной критики, – он постучался и, открыв дверь, зашел вовнутрь. Через несколько минут Степан вышел в сопровождении пухлого мужчины в золотых очках. Они подошли к Сидору и пухлый внимательно осмотрел трубу.

– Вот сюда надо дунуть, – он ткнул пальцем в мундштук.

– Это мы знает. У нас звук не выходит, – отмахнулся Степан. – У вас есть кто ни будь, кто умеет дудеть.

– Сейчас узнаем, – и пухлый пошел по коридору, открывая все двери и что-то спрашивая.

Через десять минут, возле подоконника столпилось человек пятнадцать во главе с помощником министра. Они все пробовали дуть в тубу, но нормального звука не выходило.

– Я вспомнил, – воскликнул один из министерских, – У нас пожарный инспектор, играл раньше в духовом оркестре.

Двое бросились бежать куда-то по коридору и через десять минут привили под руки теще-душного старичка, в жилетке с бухгалтерскими нарукавниками. На дедушку надели трубу, и он дунул. Раздал протяжный, низкий звук океанского лайнера. Все зааплодировали. А помощник министра, приказал отнести дедушку в зал, где через пятнадцать минут, должно было начаться выступление.

На этот раз в президиуме вместо монгольских товарищей сидели очень суровые с виду заместители министра, а сам министр стоял на трибуне, держа перед собой кипу бумаг. Сидора, со Степаном и дедушку с трубой посадили за кулисами. Министр начал выступление. Сидор пытался сначала вникать, о чем говорил министр, но через пятнадцать минут устав от перечисления сумм потраченных министерством на библиотеки, выставки и музеи, незаметно заснул с умным выражением лица.

– Наша очередь, – толкнул Сидора в бок Степан, когда министр под аплодисменты зала уходил с трибуны.

Сидор, поправив галстук, вышел на сцену.

– Сейчас сидя там за кулисами и, слушая этот грандиозный доклад. Меня не покидало чувство, что я плыву по широкой реке на громадном белом корабле с символическим названием «Культуры». И этот корабль причаливает то к одному берегу, то к другому. И вот уже на этом месте возникают то новое здание Среднего театра, то гигантские статуи Айвазовского, то очереди на выставку Серова или в филармонию. И все это дарит людям этот прекрасный белый лайнер. Но деньги в трюмах постепенно заканчиваются, а впереди, в тумане, маячат неосвоенные культурой берега. И тут на палубу корабля откуда-то с неба, из самых верхних закровов Родины проливаются в его трюмы огромный поток из золота и серебра. И наш корабль отчаливает от причала, и идет дальше, разжигать новые очаги культуры, оглашая пространство Родины мощными пароходным гудком.

Сидор театрально взмахнул руками. И в наступившей тишине раздался сначала злобный шепот Степана: «Ну, что ты спишь старый хрен. Давай быстрее гуди». И тут же последо-

вал протяжный, действительно похожий на гудок парохода звук тубы. Дойдя до высшей точки гудок, вдруг прервался и неожиданно перешел в гимн Боже царя храни.

Сидор стоял в растерянности, слушая царский гимн и вдруг непроизвольно пропел в полголоса.

Боже, Царя храни! Сильный, державный, Царствуй во славу, во славу нам.

И тут неожиданно в президиуме встал министр с торжественным выражением на лице, а за ним, с грохотом от хлопающих сидений и весь зал. Доиграв куплет, труба замолкла, и Сидор, кланяясь, под бурные аплодисменты, быстро ушел за кулисы.

– Зачем эта самодеятельность нужна, – раздраженно спросил он, глядя на своих помощников.

– Я не знаю. Это он сам. Я покурить выходил как раз, – развел руками Степан.

– Вырвалось по привычке, – прочищая мундштук ответил старик. – Раньше этот гимн всегда играли в конце собрания.

– Когда раньше? Ты думаешь, что говоришь? – зло произнес Степан, – Уже времена давно другие, дед. Вот попали, так попали, – и он схватился отчаянно за голову.

– Да ничего не поменялось, – пробурчал в ответ дед.

– Что, – подскочил к нему разъяренный Степан, но в это время за кулисы вбежал радостный Помощник министра:

– Молодец! Молодец! – Он схватил Сидора за руку и стал трясти, приговаривая, – Министр в восторге. Особенно понравились гудок и музыка в финале. Ему уже позвонил премьер и поблагодарил за выступление. Все, ты с завтрашнего дня зачислен в штат министерства, главным специалистом. Теперь гудеть будешь на всю страну.

– Нет. Я не могу, – вздохнул Сидор.

– Почему? – нахмурился Помощник.

– Один я не справлюсь. Мы вместе вообще-то работаем.

– Не проблема. Мы под тебя отдел организуем. Какой тебе штат нужен? – И помощник, достав блокнот с ручкой, приготовился записывать.

– Вот этот и нужен. Два человека и труба, – и Сидор почему-то погладил дедушку по голове.

– Три, – уточнил Степан, – Нам еще водитель с машиной положен. Как мы будем с этой трубой таскаться по городу.

– Хорошо, – мельком взглянув на трубу, согласился Помощник. – Завтра подойдете с утра в отдел кадров. Приказ будет готов. Вопросы есть?

– Простите. А аванс, нельзя будет какой-нибудь, – потупившись, спросил Сидор, – А то без денег как-то неудобно жить.

– Зайдете потом в бухгалтерию, получите. Я распоряджусь, – бросил на ходу Помощник и побежал через сцену.

– Поздравляю, коллеги, – сказал Степан, пожимая каждому руку, – Что, дедушка погудим еще на благо отечества.

– Погудим, а чего не погудеть, – согласил старичок, – Так я не понял, мне теперь этот гимн всегда играть в конце?

– Только его играть и будешь теперь Ты же слышал, даже премьеру понравилось, – похлопал старика по плечу Степан.

– Да я, и не сомневался, – вздохнул старик.

– Это вы из отдела Гудка, – заглянула за кулису пышная дама в круглых очках.

– Чего, – удивленно посмотрел на нее Степан.

– Ничего, – передразнила его женщина, – Вам выделена комната 328, на третьем этаже. Табличку вам потом поменяют. Идите, занимайте.

– Прямо сейчас, – переспросил Сидор.

– Конечно. Рабочее время еще не закончилось, – строго ответила дама и, развернувшись, ушла с недовольным видом.

Они поднялись на третий этаж в триста двадцать восьмую. Это была просторная комната с длинным столом посередине и окнами, выходящими во двор.

– Вполне нормальный кабинет, – оценил обстановку Степан. – Так занимаем места согласно штатного расписания. – Он пододвинул единственное кресло в начало стола, – Шеф, ваше место здесь. Иди, садись.

Сидор подошел и сел в кресло.

– Куда нам дедушку с трубой посадить, чтобы не мешал, – огляделся по сторонам Степан.

– Я тут в уголке тогда, – взяв стул и уходя в угол кабинета, ответил старик.

– А вас, кстати, как зовут, – спросил Сидор.

– Дядя Миша, – ответил дедушка.

– Еврей, что ли, – закуривая и выпуская кольцо дыма, уточнил Степан.

– Не без этого, – согласился старик.

В это время дверь распахнулась и в комнату вошла пышная дама.

– Так заносите, заносите, – скомандовала она назад и в комнату вошли несколько рабочих с компьютерными мониторами и системными блоками.

– Вот вам два компьютера. Распишитесь, – сообщила дама и положила перед Сидором лист бумаги, – Хватит на первое время?

– Да, куда нам больше, – удивился Сидор.

– Как куда, а завтра вам штат увеличат. Лучше сразу заявку пишите еще на три.

– Правильно, правильно, – поддержал Степан, – И еще нам вторую служебную машину обещали.

– Это не ко мне. Это к начальнику гаража, – забирая бумагу, ответила дама, – Я завхоз. – Представилась она и вышла.

Рабочие, установив компьютеры, тоже ушли. У Сидора зазвонил мобильник.

– Ты не забыл, через два часа встречаемся в ресторане, – это была Света.

– Да, я помню. Буду, – Сидор убрал телефон и встал, – Мне надо идти коллеги.

– Тебя подвезти, – спросил Степан, включая компьютер.

– Нет, я на метро. До завтра. – Сидор вышел в коридор, и уже спускаясь по лестнице, услышал протяжный теплоходный гудок, доносившийся из их кабинета.

Света уже ждала Сидора у ресторана. Проводив его к столику, она попросила подождать и куда-то ушла. Ресторан был полупустой. Тихо играла музыка из динамиков, спрятанных в стены. Посередине невысокой сцене, освещенной цветными прожекторами, от пола к потолку поднимался никелированный шест. «Давно я здесь не был, – подумал Сидор, – Похоже, тут у них стриптиз теперь показывают».

– О чем думаешь, – раздался над ним Светин голос.

– Здесь, наверное, вечером показывают стриптиз, – Сидор указал рукой на шест.

– Больше ты ничего не замечаешь?

Сидор посмотрел на Свету. Она стояла в блестящем облегающем платье.

– Ты хорошо выглядишь, – искренне удивился Сидор.

– Разглядел наконец то, – сказала она и сев на стул, красиво перебрала ногу на ногу.

– Я не очень понимаю, что все это значит, – Сидор вопросительно взглянул на Свету.

– Сейчас я все объясню, – она вытянула вверх руку и помахала кому-то. К столику подошел элегантный мужчина, с модной не бритостью, и взбитым клоком волос на голове.

– У меня нет с собой денег, – Сидор напряженно взглянул на Свету, – Я завтра только получу.

– Я не прошу у тебя денег, – повела плечом Света.

– Угощаешь, – улынулся Сидор и, взяв меню и стал рассматривать, – Тогда салат оливье, борщ по-украински и...., – он взглянул на красавчика, – Что посоветуете на второе?

– Это не официант, – ухмыльнулась Света.

– А кто это, – не понял Сидор.

– Это, Эдуард.

– Эдуард, – переспросил Сидор, – А зачем нам нужен Эдуард?

– Присядь, Эдик, – сказали Света, и Эдуард, улыбаясь ей сел за столик.

– Официант, – уверенным голосом позвал Эдик и тут же к их столику подбежал услужливый молодой человек в жилетке. – Нам это, это и это, – ткнул пальцем в меню Эдик и добавил с усмешкой, – И борщ по-украински.

– Что будете пить, – уточнил официант.

– Как всегда, – повторил Эдик и официант убежал.

– Мы с Эдуардом встречаемся уже полгода, – глядя куда-то вверх начала Света.

– Поздравляю, – невнимательно слушая, ответил Сидор и, взяв кусок хлеба, стал намазывать на него горчицу, – Извините, я сегодня почти ничего не ел.

– Мы решили узаконить наши отношения, – продолжила Света, бросив многозначительный взгляд на Эдика. – Что ты скажешь?

– Я, не знаю, что надо говорить в таких случаях. Может я вас должен поздравить?

– Перестань паясничать, – раздраженно произнесла Света.

– Я понимаю его состояние, – сделал успокаивающий жест рукой в сторону Светы, произнес Эдик. – Но поймите, это уже случилось и обратной дороги нет.

– Это я понял. От меня вы, что хотите?

– Я хочу с тобой развесить, – тоном учительницы младших классов произнесла Света.

– Ах, это. Я-то думал, – засмеялся Сидор, – Конечно. Мы же не сможем жить втроем.

Верно?

– Ты правильно все понимаешь, – расслабилась Света. – Жить мы будем отдельно. Мы уже выбрали удачный вариант размера нашей квартиры. – Света достала из сумочки какие-то бумаги и положила перед Сидором. – Нашу двушку мы разменяем на две однокомнатных. Одна в этом районе. А твоя вот здесь, – и Света ткнула пальчиком в бумагу.

– Но это же за кажется городом, – близоруко присмотревшись к бумаге, спросил Сидор.

– Да, за городом. Но зато обмен без доплаты и там до электрички всего десять минут на маршрутке, – и сделав паузу, Света не принуждённо, спросила, – Ну, что согласен?

Сидор продолжал молчать с застывшим удивлением на лице. В это время в ресторане снова заиграла легкая музыка.

– Пойдем потанцуем дорогая, – вставая и протягивая Свете руку, сказал Эдик, – Я думаю, Сидору надо побыть сейчас одному.

Они отошли к эстраде и обнявшись стали медленно раскачиваться. В это время к столику подошел официант с подносом и стал расставлять тарелки, – Ваш заказ.

– А борщ где, – Сидор заглянул в тарелки.

– Борщ, надо будет подождать, – официант разлил вино из бутылки в фужеры и отошел.

Сидор намазал хлеб горчицей и положил его на стол. Потом, вдруг быстро открыл сумку, вытащил связку грибов и оторвав один, бросил в тарелку Эдика. Подумав немного, он оторвал еще один и бросил туда же.

– О, уже принесли заказ, – раздался бодрый голос Эдика, и они со Светой сели за стол. – Предлагаю выпить за взаимопонимание, – поднял бокал Эдик.

Они чокнулись, и Эдик с удовольствием набросился на еду.

– Я очень люблю их кухню, – макая корочкой хлеба в соус, радостно доложил он, – А вы почему не едите?

– Борщ еще не сварился.

- Хочешь ешь мое, – протянула тарелку Света.
- Нет, я подожду борщ, – и Сидор намазал очередной кусок хлеба горчицей.
- Кажется с грибами сегодня, – набитым ртом произнес Эдик и продолжил с жадностью есть.
- Я отойду на минутку, – вставая из-за стола, сказал Сидор и пошел в туалетную комнату. Когда он вернулся, Эдик уже все съел и улыбаясь разливал вино по бокалам.
- Что-то задерживается твой борщ Сидор. Давай выпьем пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.